

81.411.2

Д 44

КР 1393282

КР

**ДИАЛЕКТНОЕ
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ,
МОРФЕМИКА И МОРФОНОЛОГИЯ**

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

**ВОЛОГДА
2008**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, МОРФЕМИКА И МОРФОНОЛОГИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Кр 1393282

ВОЛОГДА
2008

81.411.2

ББК 81.411.2-67
Д 44

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «Вологодский государственный
педагогический университет»

Рецензенты:

Г. В. Судаков,

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка

Вологодского государственного педагогического университета;

Л. Г. Яцкевич,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Вологодского государственного педагогического университета;

Т. Н. Попова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
Казанского государственного университета
(филиал в г. Набережные Челны)

Научный редактор:

Е. Н. Шаброва,

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка

Вологодского государственного педагогического университета

Д 44

**Диалектное словообразование, морфемика и морфонология:
Исследования и материалы.** Вологда, 2008. – 160 с.

– ISBN 978-5-87822-350-8

ББК 81.411.2-67

Сборник содержит статьи участников первого международного научно-методического семинара «Диалектное словообразование, морфемика и морфонология» (31 октября – 2 ноября 2007 г.). В книге представлены опыты структурного анализа слова в говорах различных диалектных объединений на фоне общерусских процессов в морфемике, словообразовании и морфонологии русского языка. Рекомендуется специалистам в области грамматики современного русского языка, диалектологам, а также всем тем, кто интересуется структурой слова.

Печатается при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых докторов наук МД – 256.2007.6

ISBN 978-5-87822-350-8

© Коллектив авторов, 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
<i>Шаброва Е. Н.</i> Морфемный анализ слова в русских народных говорах.....	7
<i>Новикова Л. Н.</i> Словообразовательные микросистемы в тверских говорах.....	13
<i>Степанова Т. В.</i> К проблеме морфемного шва (на материале негативно-приставочной лексики псковских говоров).....	18
<i>Дубровина С. Ю.</i> Структурная адаптация христианской лексики в тамбовских говорах.....	25
<i>Синицына Е. В.</i> Структурно-семантические особенности префиксальных глаголов в донском диалекте.....	29
<i>Бочкарева Е. В.</i> Местоименные наречия в донских говорах (структурный аспект).....	33
<i>Гусева Л. Г.</i> Словообразование в устаревшей пермской лексике.....	37
<i>Бакланова И. И.</i> Словообразовательные возможности качественных имен прилагательных в пермских говорах.....	51
<i>Зверева Ю. В.</i> Особенности словообразования имен существительных, называющих лиц по ремеслу и занятиям (на материале карточки «Словаря чердынских говоров»).....	58
<i>Поздеева С. М.</i> Этнолингвистическая интерпретация мотивационных отношений в лексической деривации (на материале пермских говоров).....	64
<i>Демакова И. В.</i> Словообразование имен существительных в говорах Харовского района Вологодской области.....	70
<i>Кирилова Е. А.</i> Семантические особенности сложных основ с процессуальными корнями (на материале вологодских говоров).....	75
<i>Драчева Ю. Н.</i> К проблеме экспедиционного изучения морфемной структуры диалектных наречий (на материале вологодских говоров).....	80
<i>Цыганова К. Л.</i> Словообразовательная структура названий лиц женского пола в русских говорах на территории Мордовии.....	85
<i>Мочалова Т. И.</i> Морфемная структура и деривационные особенности имен существительных со значением 'продукты питания' в русских говорах Мордовии.....	97

<i>Жданова Е. А.</i> Семантическое словообразование в русских народных говорах (на материале русских говоров Базезинского района Удмуртии).....	112
<i>Кудрявцева И. Г.</i> Функциональные типы субстантивных препозитивных морфем с модальными значениями (на примере модальной препозитивной морфемы анти-).....	119
<i>Иванова Г. А.</i> О статусе однокоренных слов в аспекте системных отношений в терминологии.....	125
<i>Рацибурская Л. В.</i> Словообразовательные особенности современной разговорной речи (на примере текстов СМИ).....	131
<i>Масленикова О. В.</i> Префикс су- в текстах Новгородских Миней 1095–1097 гг., в современном русском литературном языке и в современных русских говорах.....	141
<i>Потехина Е. А.</i> Роль морфонологического фактора в процессе формирования субстантивного склонения в русском языке (на материале русских диалектов).....	147
Заключение.....	159

ВВЕДЕНИЕ

Цель данной книги – привлечь внимание исследователей к изучению структурной организации слова в русских территориальных диалектах, обобщить опыт различных научных центров и обозначить актуальные проблемы морфемного, словообразовательного и морфонологического анализа слова в русских говорах. В основу создания сборника легли материалы первого международного научно-методического семинара «*Диалектное словообразование, морфемика и морфонология*», состоявшегося 30 октября – 2 ноября 2007 года в Санкт-Петербурге по инициативе Института лингвистических исследований Российской академии наук и Вологодского государственного педагогического университета. В семинаре приняли участие более пятидесяти участников из различных научных центров Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Польши.

Часть материалов семинара вошла в коллективную монографию. Это очерк диахронического словообразования Казанской лингвистической школы, работы Томской школы диалектного словообразования, описание проблем эволюционной морфемики русских говоров, а также ряд исследований, реализующих методологические принципы структурного анализа слова на материале сводной системы русских народных говоров.

Вторая часть материалов семинара представлена в данном сборнике. Авторы большинства его статей анализируют явления диалектного словообразования, морфемики и морфонологии в говорах более частных диалектных объединений: среднерусских говоров, диалектов севернорусского и южнорусского наречий, русских говоров отдельных автономных объединений Российской Федерации. Завершают сборник исследования, в которых диалектное словообразование рассматривается в контексте временной, пространственной и функциональной динамики русского национального языка. Про-

блематика статей, включенных в данный сборник, и методологические подходы, реализуемые их авторами, отражают те направления структурного анализа слова, которые на данный момент сложились в русистике, и позволяют рассматривать словообразовательную, морфемную и морфонологическую структуру диалектного слова в контексте общерусских закономерностей его строения и образования.

Редактор выражает искреннюю признательность рецензентам сборника: доктору филологических наук профессору *Людмиле Григорьевне Яцкевич*, кандидату филологических наук доценту *Татьяне Николаевне Поповой* и доктору филологических наук профессору *Гурию Васильевичу Судакову* – за ряд ценных замечаний, высказанных при подготовке материалов к печати.

МОРФЕМНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Изучение морфемной системы русских говоров связано с решением ряда вопросов как теоретико-методологического, так и практического характера. Наиболее важными из них представляются следующие: 1) как анализировать морфемную структуру слова в системе русских народных говоров; 2) какие характерные признаки морфемной системы русских говоров обнаруживаются в результате морфемного анализа диалектного слова? Ответы на эти вопросы очень важны для определения русской диалектной морфемии как самостоятельной отрасли диалектологии. Говоря о необходимости специальной методики морфемного анализа слова в говорах, следует помнить о соотношении различных аспектов интерпретации морфемной структуры слова (*описательного* и *сопоставительного*, *полного* и *дифференциального*, *синхронического* и *диахронического*), а также учитывать все возможные функции морфем [Шаброва, 2006]. В данной статье мы прокомментируем соотношение этих аспектов при анализе слов диалектного корневого гнезда с вершиной *-бос- // -бод- // ... (бости, бодать* и др.).

В задачи *описательного* (точнее *описательно-аналитического*) метода входит всестороннее научное описание объекта: изучение его существенных признаков и характеристика условий функционирования. Какие свойства морфемной системы русских говоров могут быть предметом описательно-аналитического изучения? Во-первых, сама морфема: состав ее морфов, характер их взаимоотношения (алломорфы или варианты морфемы), фонемная структура и семантика, выполняемая функция. Во-вторых, синтагматика морфем, специфика их формальной и семантической сочетаемости в отдельном слове (основе) или в некоторой совокупности однокоренных или одноструктурных слов. В-третьих, парадигматические отношения морфем в словоформах одного слова или в разных словах. Описание всех этих свойств может осуществляться как с позиции одного *синхронного* среза в существовании системы, так и с позиции языковой *диахронии*. Обычно диалектные данные приводятся в *сопоставлении*: в качестве эталона в таких описаниях присутст-

вуют либо территориально не маркированные подсистемы языка (например, литературный язык), либо другие диалектные системы (система другого говора, говоров другой группы, а также всех говоров русского диалектного языка). Явления морфемики говоров более уместно рассматривать в *недифференцированном* варианте или в варианте *частичной дифференциации* в тех случаях, когда изначально материал для анализа составляет лексика дифференциальных словарей, а в процессе изучения отношений структурной мотивированности морфемного состава этих слов к анализу привлекается общерусская лексика говоров.

Для иллюстрации обратимся к гнезду слов, вершиной которого является общеславянский процессуальный корень *-бод-* // *-буд-* ... (*bosti [ЭССЯ, 2: 223]) с общим значением отрицательного физического воздействия на объект 'бить, колоть рогами'. Сравним это гнездо в современном русском литературном языке и в диалектах: в сводной системе русских народных говоров и в системе говоров одной из групп севернорусского наречия.

В литературном языке вершина корневого гнезда представлена двумя алломорфами (*-бод-* // *-бод'-*). Этот корень является морфемно связанным в суффиксально-корневых основах (*бод/а/ть* и производные). Корневое гнездо *-бод-* // *-бод'-* насчитывает 20 слов, связанных между собой отношениями словообразовательной производности. Большую его часть составляют производные глаголы, различным образом модифицирующие значение производящего глагола *бодать* 'бить, колоть рогами' (*бодаться, боднуть, выбодать, забодать, перебодать, прободать*). В гнездо также входят отглагольные существительные со значением опредмеченного действия (*бодание, прободание, прободение*), опредмеченного признака (*бодливость*), производителя действия (*бодун, бодунья*) и отглагольные прилагательные со значением 'склонный к выполнению действия' (*бодливый, бодастый*). Литературный вариант гнезда характеризуется семантической однородностью: все слова гнезда включают в себя исходное значение отрицательного физического воздействия на объект в виде одиночного или повторяющегося колющего удара острыми краями костяных выростов на голове животного. Частичная фразеологизация значения происходит в составе медицинских терминов *прободать* 'образовать сквозное отверстие в стенке полового органа', *прободение* (*прободение желудка*) и *прободной* (*пробод-*

ная язва) [Ож.: 603]). Ниже представлен общий вид данного корневого гнезда в современном литературном языке [СС, 1: 107].

<i>бод/а/ть</i> →	<i>бодать-ся</i> <i>бод-ну-ть</i> → <i>бода-ниѣ-е</i> <i>бод-ун</i> → <i>бод-лив-ый</i> → <i>бод-аст-ый</i> <i>вы-бодать</i> <i>за-бодать</i> <i>из-бодать</i> <i>пере-бодать</i> → <i>про-бодать</i> →	 <i>вы-боднуть</i> <i>бодун ѣ-а</i> <i>бодлив-ость</i> <i>перебодать-ся</i> <i>прободать-ся</i> <i>пробода-ниѣ-е</i> <i>пробод-ениѣ-е</i> <i>пробод-н-ой</i>
-------------------	---	---

Специфика диалектного варианта корневого гнезда определяется, в первую очередь, характером его вершины. В русских говорах это свободный корень, представленный сразу двумя параллельно существующими группами фонематических вариантов (-*бод-* // -*бод'*- // -*бос-* и -*буд-* // -*буд'*- // -*бус-*): *бості́*, *бо́сть* (Яросл., Твер., Смол., С.-Двин., Киров., Свердл., Сибир., Иркут., Том., Латв., Лит., Эст.) и *бусти́* (Волог., Арх., Кир., Свердл.) 'бигь, колоть рогами, бодать' [СРНГ, 3: 126; 307]. Каждая из групп последовательно реализуется в параллельных фонематических вариантах гнезда (см. вариант данного гнезда в среднеобских говорах [Опыт: 42 – 43]).

Бости́'

I. 1. *за-бості́*.

Довести действие до отрицательного результата

2. *из-бості́*. Интенсивно совершить действие.

3. *бості́-сь*. ЛГ *бості́'*

4. *бості́-ть-ся*. ЛГ *бості́*

| *забості́-ть*

| ЛГ *забости́*

II. *буд-áč*. Животное по склонности к действию.

Буда'ть

I. 1. *за-бус-ті́*. Довести действие до отриц. результата.

2. *будáть-ся*. ЛГ *буда'ть*
будáč-и-ть. Совершать характерные для животного действия.

На границе ДКГ с вершиной -*бод-* // -*буд'*- ... могут быть выделены слова, причисление которых к данному гнезду проблематично: *бута́ться* 'бодаться' (влад.) [СРНГ, 3: 307], *забуты'кать* (нижегор.), *забуты'скать* (перм.) 'забодать' [СРНГ, 9: 279] – ср.: *бута́ть* 'шумом, стуком пугать рыбу' (иск.) [СРНГ, 3: 307], *бута́ситься* 'ба-

рахтаться, метаться' [СРНГ, 3: 309], *убоглы'скнуть* 'ударить рогами, забодать' [СВГ, 11: 96] и др.

Как и в литературном языке, в территориальных диалектах данное корневое гнездо имеет словообразовательную структуру. Например, в вологодских говорах оно может быть представлено в следующем виде.

<i>бос/ти</i> →		<i>бод-ун</i> 1 'бодливое животное' [СВГ, 1: 35]								
		<i>бод-уч-ий</i> 1 'бодливый' [там же]								
		<i>бод-а-ть</i> →		<i>бод-ун</i> 2 'бодливое животное' [СВГ, 1: 35]						
				<i>бод-уч-ий</i> 2 'бодливый' [там же]						
				<i>бод-нү-ть</i>						
				<i>за-бодать</i>						
				<i>из-бодать</i>						
				<i>пере-бодать</i>						
				<i>раз-бодать</i> 'забодать' [КСВГ]						
		<i>у-бодать</i> 'забодать' [СВГ, 11: 96]								
<i>бости-сь</i> 'бодаться' [СВГ, 1: 41]										
<i>за-бости</i> 'забодать' [СВГ, 2: 96]										
<i>из-бости</i> 'забодать' [СВГ, 3: 6]										
<i>раз-бости</i> 'забодать' [КСВГ]										
<i>у-бости</i> 'забодать' [КСВГ]										
<i>бус/ти</i> →		<i>буд-а-ть</i> →		<i>*буд-ыс-а-ть</i> →		<i>будысать-ся</i> 'бодаться' [СВГ, 1: 48]				
						<i>'бодать'</i>	<i>будыс-ак-ий</i> 'бодливый' [СВГ, 1: 48]			
		<i>[КСВГ]</i>		<i>буд-ых-а-ть</i> 'бодать' →		<i>будыхать-ся</i> 'бодаться' [там же]		<i>за-будаться</i> 'начать бодаться'		
									<i>[СРНГ, 3: 248]</i>	<i>[КСВГ]</i>
									<i>будать-ся</i> →	
									<i>'бодаться'</i> [КСВГ]	
									возм., <i>буда-нко</i> 'нахмурившись, насупившись' [СВГ, 1: 47]	
									<i>буд-ачк-ий</i> 'бодливый' [СВГ, 1: 47]	
									<i>за-будать</i> 'забодать' [КСВГ]	
									<i>из-будать</i> 'забодать' [КСВГ]	
<i>раз-будать</i> 'забодать' [КСВГ]										
<i>буд-а-ть</i> →	<i>бости-сь</i> 'бодаться' [СРНГ, 3: 307 (взд.)]									

В сравнении со словообразовательным гнездом литературного языка данное гнездо имеет ряд особенностей. Первую из них составляет параллельное сосуществование нескольких глаголов в основании данного словообразовательного гнезда. Древние различия в семантике этих глаголов (**bosti* – **bodati*) уже не ощущаются в современных вологодских говорах, вследствие чего глагол *бости* / *бусті* выходит из употребления и нередко уже не опознается информантами (автором данной статьи за 15 лет наблюдений он был услышан дважды в речи диалектоносителей 92 и 87 лет); достаточно

редко используются также постфиксальные производные этого глагола *бостісь / бустісь*, причем в речи информантов, употребляющих этот глагол, параллельно более активно используется семантически тождественный глагол с суффиксальной основой: «*Научілася корова бостісь, дак тепёрь спáсу нет никако́го, всё и бода́ется*» [СВГ, 1: 41; Ник. Осин.]. Дialeктное словообразовательное гнездо, избавляясь от семантической избыточности, утрачивает исходный элемент *бості / бусті* и по своей структуре приближается к соответствующему гнезду литературного языка, насчитывающему 2 ступени производности. При этом вершина гнезда постепенно переходит в разряд морфемно связанных корней.

Подобным же образом в речи диалектоносителей устраняется избыточность в отношении фонематических вариантов корня (*бодать / будать*). Наблюдения показывают, что в частных диалектных системах обычно активно функционирует один из вариантов, при этом остальные варианты опознаются, но не используются или используются реже, при изменении условий общения:

– *Бык-от коўхозной буда́ется, коўды чужо́й кто хóдит, дак он буда́ет.*

– *А как здесь говорят: бода́ет или буда́ет?*

– *А кто как ска́жот. Бода́ет-то, поди, по-культу́рному, а как пазгнёт сза́ди рогáм, дак и культу́ру всю забуде́шь!*

– *А не ска́жут «бодёт» или «будёт»?*

– *Будёт? Скажут: «Будёт тебе́, Ма́рья, язык-от чеса́ть, робота́ть иди́!»* [Кир. Борб.].

Речевая дифференциация вариантов корня затрагивает как вершину гнезда, так и производные слова, поэтому можно говорить о существовании в речи диалектоносителей двух фонематических вариантов гнезда:

– *Я в семью-то пришлá, дак у Па́вля три сестры было: Ма́нька, Лизаве́та и Лиди́я. До́ма-то я им те́тя Нура, а в шко́ле Анна Алексе́евна <...> Я в шко́ле-то одно́ учу́: «Бода́ет, забодáл, бода́ется», – а как домо́й при́дут, дак ма́тка по-домáшнему, а и я, бывáет, скажу́: «Смотри́, Ма́нька, когда ове́ц-то застава́ть пойдёшь, у Ка́ти Хабто́вой бык буда́чкой, как бы не розбудáл». Вот де́вки и пу́тались, писáли»* [Кир. Борб.].

Еще одну характерную особенность диалектного гнезда составляет суффиксальное образование экспрессивных глаголов: *будыса́ть, будыха́ть, буда́читься*. Как и при образовании экспрес-

сивных суффиксальных существительных (*ворюга, ветрина*), суффиксы в структуре глагольных основ не меняют, а только модифицируют значение производящего слова, усиливают в нем экспрессивно-оценочный компонент. О типологической близости данных словообразовательных типов говорит также то, что для них характерно фонематическое варьирование формантов без тенденции к их функциональному разграничению (*будысать – будыхать* ‘бодать’ – ср.: *ветр/юз/а – ветр/яз/а*) [Земская, Китайгородская, Ширяев, 1981: 77].

Таким образом, на общерусском лексическом фоне мы можем представить аналитическое описание общерусских и диалектных слов с корнем *-бос-* // *-бод-* // ... в говорах вологодской группы северного наречия. Оно может быть квалифицировано как сопоставительное описание полного типа в аспекте языковой синхронии. Подобный подход к анализу явлений морфемной системы русских говоров может выявить диалектную специфику морфемной структуры слова в русских говорах и общерусские закономерности его строения.

ЛИТЕРАТУРА

Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

Шаброва Е. Н. Морфемика русских говоров: Учебное пособие к спецкурсу. Вологда, 2006.

СОКРАЩЕНИЯ

КСВГ – картотека «Словаря вологодских говоров» (хранится на кафедре русского языка ВГПУ).

Ож. – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986.

Опыт – Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря. Томск, 1982.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 12. Вологда, 1983 – 2007.

СС – Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: Т. 1 – 2. М., 1990.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – 35. М.; СПб., 1965 – 2002.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков.: Вып. I – XVII. М., 1974 – 1992.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МИКРОСИСТЕМЫ В ТВЕРСКИХ ГОВОРАХ

Словообразовательная система современного говора формируется в двух направлениях: в направлении от производных слов, которое формирует микросистему производных слов, принадлежащих к одной части речи, и в направлении от производящих слов, которое формирует микросистему производных слов, образованных от слов одной и той же части речи.

В основу моделирования микросистемы производных слов, принадлежащих к одной и той же части речи, могут быть положены типы словообразовательного значения: реляционный, транспозиционный, модификационный и эквивалентностный. [Пастушенков, 1995: 53]. Термин «реляционный» нам представляется, вслед за Г. А. Пастушенковым, более удачным по сравнению с «мутационный» [Dokulil, 1968], так как он отражает результат реализации валентности глагола-сказуемого мотивирующего суждения, т. е. выражает валентностные отношения. Термин «мутационный тип» М. Докулила не указывает на характер изменения лексического значения производящего слова в производном. Термин «эквивалентностный», в отличие от «синтетическое сжатие составных наименований» [Виноградов, 1952: 55], «включение» [Янко-Триницкая, 1954], «соединительное значение» [Грамматика, 1980], «универбация» [Глотова, 1977], «семантическая конденсация» и «семантическое стяжение» [Русская разговорная речь, 1973], отражает характер лексического значения производного слова как семантического эквивалента значения исходного словосочетания, сохраняющегося только до тех пор, пока в языке остаются такие словосочетания (например, *сермяжное сукно* → *сермяжка* в тверских говорах).

В основе моделирования микросистемы производных слов, образованных от производящих слов одной и той же части речи (отсубстантивных, отадъективных, отнумеральных, отглагольных, отнаречных образований), лежат словообразовательные парадигмы, состав которых зависит не только от частей речи, к которым принадлежат производящие слова, но и в значительной степени от принадлежности производящих слов к разным лексико-семантическим

группам. Например, словообразовательную парадигму имен существительных – названий деревьев – образуют производные, выражающие только четыре словообразовательных значения: уменьшительно-ласкательное, собирательное, субъект, обозначенный по месту действия (в субстантивном блоке), и относительное значение (в адъективном блоке). Например, в тверских говорах отмечены производные от слова *осина*: *осинка* (уменьшит.-ласкат.), *осинняк* (собирает.), *подосинник* (субъект по месту действия гипотетического глагола «растет»), *осинный* (имеющий отношение к осине). А словообразовательная парадигма имен существительных – названий животных – имеет в исследуемых говорах одиннадцать словообразовательных значений: субстантивный блок – *волчунко* (уменьшительное); *волчана* (увеличительное); *волчушка* (опеночное); *волчиха* (женскости); *волчунок* (невзрослости); *волчатина* (мяса животного); *волчатник* (субъект, названный по объекту действия); *волчатня* (место, названное по объекту действия); адъективный блок – *волчий* ‘относительно-притяжательное’; глагольный блок – *волчиться* ‘плохо относиться друг к другу’ и *оволчиться* ‘родить волчат’.

Микросистемы, моделируемые на основе типов словообразовательного значения, формируются в зависимости от количества производных с тем или иным значением.

Центральная часть системы словообразования имен существительных организуется вокруг словообразовательных значений реляционного и транспозиционного типов, поскольку основная часть производных имеет эти значения. Это влечет за собой подразделение производных существительных на две большие группы.

Первую группу составляют имена существительные с словообразовательным значением реляционного типа. Особенность этих существительных состоит в том, что они обозначают преимущественно конкретные (одушевленные и неодушевленные) предметы и представляют собой слова «с полной семантической структурой», которая складывается «из некоторого понятия» (сигнификата) и «конкретного индивидуального содержания, создаваемого свойствами денотатов» [Аругюнова, 1973: 45].

При отглагольном образовании имен существительных словообразовательное значение реализует одну из валентностей производящего глагола: *перегульница* ‘корова, не отелившаяся в свое время’ ← *перегулять* (субъект по действию) «Примерно, тёлка она не покрылась, перегуляла год еще – это перегульница» [Опыт: 176]; ме-

шанина 'смесь сена и соломы для корма скота' ← мешать (результат действия). «Когда сена мало, то солому добавляют, мешанина называется» [Опыт: 126]; молотилка 'цеп для обработки зерна' ← молотить (орудие действия). «Молотилка эт по-нашему, а цеп мы редко говорили, это уш по-гороцкому» [Опыт: 127].

При отсубстантивном образовании имен существительных словообразовательное значение реализует валентности гипотетического глагола-сказуемого мотивирующего суждения, актантами которого являются производное и производящее слово: *молушня* 'сыроваренное помещение' ← *молоко* (место по объекту действия гипотетического глагола «делать»). «В *молошне сыр из молока делают*» [Опыт: 128]; *дорóжник* 'печенье, приготовленное в дорогу' ← *дорога* (объект по месту действия гипотетического глагола «берут»). «В *дорогу из еды всегда дорожники берут, больше ничего*».

При отадективном образовании имен существительных производное слово получает словообразовательное значение субъекта – носителя адъективного признака, так как единственной валентностью прилагательного является субъектная валентность: *млявóтина* 'очень болезненный, слабый человек' ← *млявый* (субъект, носитель признака). «*Девчонка-то така млявотина, в чем душа держится, а уж парают, парают. Ест что захочет*» [Опыт: 126].

При образовании имен прилагательных на общее значение признака предмета, свойственное суффиксам прилагательных, наслаивается значение отношения, которое у качественных прилагательных конкретизировано как значение обладания предметом: *мясной* 'мясистый, толстый' ← *мясо*. «*Свянина мясная, постная такая*» [Опыт: 171]. В тверских говорах прилагательные используются редко и, как правило, для номинации отрицательных признаков человека, и вернее будет определить значение следующих производных как значение «необладания» предметом или признаком: *недолукий* 'неловкий' «*Ну какая ты недолукая*» [Опыт: 140]; *недóужный* 'больной, хворый'. «*Он у меня уж очень недуженький мальчик*» [Опыт: 140]; *немо́глый* (невозмо́ной) 'немошный, хилый' [Опыт: 141]; *нера́жий* 'некрасивый (о человеке, вещи)' «*Зять у них больно неражий*», «*Какой Ванька неражий*» [Опыт: 142]; *нехлоу́щавый* 'невзрачный, некрасивый'. «*Мужичок-то больно нехлощавый, росточком-то не вышел*» [Опыт: 142]; *неслухмяный* 'непослушный' «*Ну чаво ты неслухмяный какой. Говорят тебе – иди, а ты все своё*» [Опыт: 142].

У относительных прилагательных собственно словообразовательное значение выражается в атрибутивном словосочетании: *дрáнишная* (корзинка) 'корзинка из дранки' (отношение субъекта к объекту), *дрáнишний* (сарай) 'сарай для дранки' (отношение места к объекту действия) [Опыт: 57].

При отыменном образовании глаголов возникают словообразовательные значения: 1) действие по субъекту – *балахрыстничать* 'вести себя как *балахрыст* (тунеядец)' «Цело лето балахрыстничал и получать нечево, трыдодней-то и нету» [Опыт: 29]; 2) действие по результату – *гáтить* 'обкладывать стены избы снаружи *гатью* (соломой)' [Опыт: 44]; 3) действие по месту – *домовничать* 'приглядывать за домом в отсутствие хозяев' «Варьк, уставайся домовничать: корова у нас смирная, подоишь, сено на сильнице. Останется? – Да я уш у вас летось домовничала, останусь» [Опыт: 57].

Структура словообразовательного значения реляционного типа состоит из категориально-грамматического значения, выражаемого флексией (системой окончаний), значения словообразовательного суффикса как морфемы и собственно реляционного значения, предопределяемого валентностями глагола-сказуемого мотивирующего суждения.

Вторую группу составляют слова, имеющие словообразовательное значение транспозиционного типа, при котором лексическое значение производящего слова переводится из одной части речи в другую, получая при этом новое категориально-грамматическое значение. Их особенность состоит в том, что они обозначают преимущественно абстрактные понятия и обладают в связи с этим свособразной семантической структурой: они наделены только понятийным содержанием, сигнификатом, и лишены обычного для имен существительных денотативного наполнения. Производные существительные этой группы могут быть подразделены на слова, транспонирующие действие: *подмóга* 'коллективная помощь в сельской работе' ← *помогать*; *оборóтка* 'движение туда и обратно с возвращением в исходное место, когда пашут или боронят' ← *оборотиться* [Опыт: 150], и слова, транспонирующие качественный признак: *эттишь* 'затишье' ← *тихий*. «Наступила оттишь» [Опыт: 168]; *оттйлина* 'оттепель' ← *тёплый*. «Большая сегодня оттеплина, даже снег мокрый» [Опыт: 168]; *óхолодь* 'озноб' ← *холодный*. «Что-то охолодь берет, никак не согреюсь» [Опыт: 169].

При транспозиции лексического значения из одной части речи в другую суффиксы как функциональные единицы (транспоненты) выражают лишь сам процесс транспозиции, при этом одни из них имеют значение опредмеченного признака, другие – значение опредмеченного действия. Общее значение предметности в структуре словообразовательного значения транспозиционного типа выражается дважды: при помощи флексии и при помощи суффикса-транспонента.

Маргинальную часть системы производных существительных составляют имена существительные, связанные с выражением словообразовательного значения модификационного типа, представленные широко разветвленной в говорах подсистемой так называемых слов «с суффиксами субъективной оценки»: *колыбель* → *колыбка* ‘небольшая детская кроватка с выгнутыми ножками для убаюкивания ребенка’ [Опыт: 100], образующих многочисленные модификации производных существительных первой и второй групп, а также соотносительных с ними непродуцированных существительных. Кроме того, к модификационному типу словообразовательного значения относятся сравнительно немногочисленные группы существительных со значением женскости: *заварзай* → *заварзаиха* ‘неряха, грязнуля (о женщине)’. «*Сноха у них така заварзаиха, вечно с грязным подолом ходит*» [Опыт: 65], незрелости: *воробей* → *воробьёнок* ‘незрелый воробей’, единичности: *картофель* → *картовина* ‘картофелина’ [Опыт: 85], собирательности: *кол* → *кольё* ‘собирает. от слова *кол*’ [Опыт: 100].

На периферии словообразовательной системы имен существительных находятся существительные с эквивалентностным типом словообразовательного значения, к которым относятся многочисленные универбаты, представляющие собой «морфологические или графо-фонологические стяжения номинативных словосочетаний в одно слово.

Словообразовательная система в области других частей речи организована на ином соотношении основных типов словообразовательного значения. Так, в области имен прилагательных не будут играть почти никакой роли транспозиционные типы словообразовательного значения. В области системы словообразования глаголов в центр этой системы переносятся словообразовательные типы, связанные с выражением словообразовательных значений модификационного типа.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Коммуникативная функция и значение слова // НДВШ. Филол. науки. 1973. № 3.
- Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к лексикологии и грамматике // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.
- Глотова И. П. К вопросу об универбации // Вопросы стилистики: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1977.
- Пастушенков Г. А. Два плана членения языка и проблемы структуры русского слова. Тверь, 1995.
- Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
- Русская разговорная речь. М., 1973.
- Янко-Гриницкая Н. А. Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1954.
- Dokulil M. Zur Theorie der Wortbildung // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl – Marx – Universität. Leipzig, 1968. Heft 17.

СОКРАЩЕНИЯ

Опыт – Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.

Т. В. Степанова

Псков

К ПРОБЛЕМЕ МОРФЕМНОГО ШВА (на материале негативно-приставочной лексики псковских говоров)

Статья посвящена исследованию категории отрицания в аспекте словообразовательной морфемике. В центре внимания настоящей работы – структурно-семантические особенности негативно-приставочной, главным образом, субстантивной и адъективной лексики. Одной из задач исследования является выявление особенностей синтагматики отрицательных приставок в связи со спецификой семантики корневых морфем в структуре имен существительных. Наше исследование продолжает серию работ, посвященных исследованию морфемной синтагматики приставки и корня в структуре русского слова [Александрова, 2002; Лунькова, 2005; Шаброва, 2006; др.]. Сопоставление аффиксально-корневого взаимодействия в различных частях словоформы показывает, что префиксы значительно более автономны, чем суффиксы и флексии: «они независи-

мы от влияния флексий и не несут информации о грамматических свойствах слова» <...>; «для приставок не обязательна тесная связь со словами какой-либо одной части речи» <...>; «присоединение к слову приставки обычно не меняет значения слова коренным образом, а лишь добавляет к нему некоторый оттенок значения» <...>; «суффиксы нередко вызывают изменения в строении конца основы (чередование фонем) <...>. Приставки реже влияют на строение начала слова» <...>; приставки «могут иметь побочное ударение в составе слова» [Земская, 1973: 33; 35; 41 – 42].

В то же время сама морфемная граница приставки и корня может характеризоваться различной степенью свободы. Так, приставочно-корневой морфемный шов «не- + корень» в целом отличается своей спецификой по сравнению с морфемным швом «без- + корень». Несмотря на то, что приставки *не-* и *без-* сближаются по семантике (выражают отрицательное значение в слове), можно обнаружить различия в деривационных свойствах этих префиксов: приставочный способ словообразования, свойственный лексемам с приставками *не-* и *без-*, является более характерным для *не-*префиксальных лексем. Например, в псковских говорах *не-* является словообразовательным формантом в составе одного из членов следующих пар лексем: *дóждь* – *недождь*, *здóровье* – *нездоровье*, *любóвь* – *нелюбóвь* и др. Для слов с приставкой *без-* характерен приставочно-суффиксальный способ образования: *вѣтер* → *безвѣтерье*, *дóждь* → *бездóждие*, *рыба* → *безрыбица*, *отѣц* → *безотцóвщина* и др. Приставка не только оказывается тесно связанной с корневой морфемой, но и через связь с суффиксом также может отражаться в грамматической финали слова. При рассмотрении вопроса об опосредованной связи отрицательной приставки с окончанием интерес представляют замечания Ю. С. Азарх о словообразовании существительных в истории русского языка. Так, по наблюдениям автора, отрицательная приставка *без-* «сочетается преимущественно со словами ср. рода на *-ство*: *безбоязньство*; *безначальство* и т. п.» [Азарх, 1984: 178].

Указанные различия между приставками *не-* и *без-* объясняются происхождением рассматриваемых префиксов. Различие в значении и происхождении двух отрицательных приставок *не-* и *без-* подчеркивает В. Н. Виноградова, отмечая, что *без-* возникла из предлога, «требовавшего родительного падежа, а *не-* – из частицы, которая может стоять перед любым членом предложения» [Виноградова,

1964: 218]. На двойственную природу отрицания *не*, «которая проявляется в соотношении динамики и статики речевой деятельности» и благодаря которой возможно развитие «из первичной синтаксической функции отрицания его вторичной словообразовательной функции», указывает В. А. Михайлов [Михайлов, 1987: 15]; о двойственности *не* пишет В. В. Виноградов: «Сложность грамматической природы частицы *не* выражается в колебаниях ее употребления. Она выступает и в функции агглютинируемой приставки <...>, и в роли отрицательной частицы» [Виноградов, 1986: 549].

В связи с этим при выявлении *не*-префиксальных лексем возникает проблема определения статуса *не* как приставки или частицы. Наиболее остро эта проблема встает при выявлении *не*-префиксальных прилагательных, но является актуальной также и для субстантивных лексем. На существование данной проблемы в связи с потенциальной открытостью диалектной словообразовательной системы образования типа *некультура* указывает Л. А. Лекарева в статье, посвященной анализу имен существительных непредметного значения с приставкой *не-* в псковских говорах [Лекарева, 1991: 69 – 70]. В связи с письменной речью ученые неоднократно обращались к проблеме слитного и раздельного написания *не*, имеющего смысловые основы.

Для нашего исследования актуальным является термин «приставочно-корневой морфемный комплекс», «т.е. морфемные последовательности вида «приставка (или несколько приставок) + корень» [Зализняк, 1985: 39]. Указанный термин вводится А. А. Зализняком в работе «От праславянской акцентуации к русской», где ученый подчеркивает, что данным термином обозначаются только такие последовательности, «в которых все морфемы плотно присоединены друг к другу» [там же]. Рассматривая примеры неплотного присоединения морфем, А. А. Зализняк в их число включает образования с приставкой *не-*, показывая при этом, что «одни и те же морфемы могут в одних случаях присоединяться плотно, в других неплотно» [Зализняк, 1985: 11]. Таким образом, можно говорить о различной степени свободы, характеризующей морфемный шов «отрицательная приставка (*не-*) + корень». Как отмечает автор, важнейшее акцентологическое свойство неплотно присоединенной морфемы состоит в том, что «она никак не меняет акцентуации основной части словоформы» [там же]. С другой стороны, в качестве одного из признаков более тесной связи приставки и корня можно

рассматривать перенос ударения на префикс (например, в современных псковских говорах: *недождь*, *нелюдь*, *безлюди* и др.).

При выявлении *не*-префиксальных лексем и рассмотрении особенностей морфемной синтагматики отрицательной приставки с корнем возникает вопрос о самом наличии данного морфемного шва в структуре ряда лексем с начальным сочетанием *не*, т.е. вопрос о членимости. О существовании морфемной границы между *не*- и корнем в словах типа *неря́ха* в истории русского языка свидетельствует, в частности, факт наличия параллельных бесприставочных образований в говорах, которые рассматриваются в статье Н. В. Поповой [Попова, 1971].

Среди центральных проблем морфемного шва в диалектной речи можно выделить проблему квалификации отрезков, следующих за начальным *не*. В псковских говорах выделяются параллели, соотносимые по значению, но различающиеся начальным а) *неу-* / *нев-*: *неудаль* – *невдаль*, *неуда́ча* – *невда́ча*, *неудоби́ца* – *невдоби́ца*; б) *не-* / *неу-* / *нев-*: *неря́ха* – *неуря́ха* – *невря́ха*; *не-* / *нев-*: *непосе́док* – *невро́седок*; *неприятность* – *невприятность* [КПОС]. В составе существительных типа *неуда́ча*, *неудоби́ца* выделяются префиксы *не-* и *у-*, при этом *у* коррелирует с *в*. Вариантность начальных фонем <у> и <в> и связанный с этой вариантностью комплекс явлений описывается в диссертационном исследовании Н. В. Большаковой. Как отмечает Н. В. Большакова, «вариантность (в том числе и фонетическая) в современных псковских говорах является их важнейшей характеристикой» [Большакова, 1982: 17]. На фоне явления варьирования префиксального *у-* / *в-* выделяются пары типа *неуря́ха* – *невря́ха*, а также существительные типа *невро́седок*, *невприятность* [КПОС], не имеющие параллельных «*неупосе́док*», «*неуприятность*». В данном случае можно предположить, что начальное *неу-* / *нев-*, *нев-* возникает по аналогии, результатом действия которой является *в* вставного характера; при этом происходит усложнение формального облика лексемы. В таких случаях незакономерная вставка в морфемной структуре используется с целью маркировать приставочно-корневой морфемный шов, в еще большей степени поддерживая членимость и усиливая самостоятельность префикса. Рассматривая вопрос о границах между морфемами в словах типа *невро́седок*, можно предположить, что морфемный шов «приставка–корень» находится после вставного *в*; при этом *нев-* квалифицируется как разновидность префикса с учетом того факта, что включение

вставного элемента не нарушает семантической целостности приставки. Вставное *в* в структуре лексем с *не-* рассматривается в статье Н. В. Поповой, где автор указывает на функцию данного звука как «усилителя экспрессии» [Попова, 1982: 138]. Вставные звуки свойственны не только префиксу *не-*, но также и другим приставкам, о чем пишут лингвисты, исследуя специфику морфемной структуры диалектных слов [Попова, 1982].

В нашей работе рассматриваются особенности корневых морфем, с которыми сочетаются отрицательные приставки *не-* и *без-* в структуре имени существительного в псковских говорах. Исследование корневых морфем с точки зрения семантики позволяет определить структурно-семантические особенности негативно-приставочной субстантивной лексики, выявить закономерности выражения категории отрицания в структуре слова. На существование определенных закономерностей выражения категории отрицания в структуре слова обращали внимание некоторые лингвисты. Так, М. М. Маковский, рассматривая проблему системности / асистемности в языке, отмечает, что «в английском языке определенные слова могут сочетаться с отрицательным суффиксом *un-*, а другие не могут: ср. *happy – unhappy*, но не *short – *unshort* или *silly – *unsilly*» [Маковский, 1980: 11]. Анализируя праславянские образования с начальным **bez-*, А. Ф. Журавлев подчеркивает, что «все слова, которые являются базовыми для рассмотренных словосложений, <...> относимы к выражениям понятий высокой культурной ценности»; <...> «словообразовательные модели с использованием префиксального элемента **bez-* в праславянском языке составляют специальное средство маркирования аксиологической семантики» [Журавлев, 1997: 29]. Об избирательности в использовании словообразовательных средств вообще пишет Т. И. Вендина: «...маркируется, как правило, то, что имеет ценность (позитивную или негативную) в сознании народа, что является для него жизненно или социально важным» [Вендина, 1998: 202]. В псковских говорах выделяются ряды однокоренных существительных с отрицательными приставками, включающие корни, связанные с ценностными понятиями: а) 'счастье, удача', 'добро, польза' [Журавлев, 1997: 17]: *-счаст'-*: *бес-счастлива, бессчастлива, бессчастье* 'горе, несчастье' [ПОС, 1, 194 – 195], *несчастье* 'горе, несчастье'; *-год-* / *-год'-*: *негодина* 'ненужная, негодная вещь', *негодник* 'никуда не годный человек', *негодность* 'неисправность', *негодяй* 'непригодный к чему-н. человек' и др.

[КПОС] и др. б) 'порядок, норма' [Журавлев, 1997: 18]: *-норм-: ненормальство* 'состояние помешательства' [КПОС], *-пут- / -пут'-2: беспутица*² 'женщина легкого поведения', *беспутица* 'плохая, нерасторопная хозяйка' [ПОС, 1: 191], *непутёвик* 'неудачник', *непутица*² 'непутевый человек; женщина, не умеющая вести хозяйство', *непутник*, *непутяга* 'непутевый человек', *непутница* 'женщина легкого поведения' [КПОС]; в псковских говорах выделяются также корневые морфемы, семантически связанные с наименованием этических категорий: *-совест-: бессовестник* 'то же, что *бесстыдник*', *бессовестница* 'женск. → *бессовестник*' [ПОС, 1: 192]; *-студ'- / -стуж- / -стыд- / -стыж-: бесстудица* 'собрание бесстыдных', *бессовестница*, *бесстыдница*, *бесстужница*, *бесстыжница* 'женск. к *бессовестник*, *бесстыдник*, *бесстыжник* 'кто не имеет стыда' [ПОС, 1: 193 – 194]; *-чест'-: бесчестье* 'постыдное, унижительное для кого-н. положение' [ПОС, 1: 196]. Обе отрицательные приставки, как *не-*, так и *без-*, в структуре имени существительного в псковских говорах сочетаются также со следующими корнями: *-дел- / -дел'- (безделуха* 'лентяйка, бездельница', *бездельник* 'лентяй', *бездельничество* 'пустое, никчемное занятие', *безделой* '1) мелочный, пустой (о человеке); 2) бездельник, негодяй' [ПОС, 1: 150 – 151], *неделуга* 'человек, не способный к работе' [КПОС] и др.); *-дожд'- (бездождие* 'засуха' [ПОС, 1: 152], *недождь* '1) не очень дождливая погода, когда дождь с перерывами моросит [КПОС]; 2) бездожде, бездождица, засуха, сухмень' [Даль, 2: 512]; *-люд- / -люд'- (безлюди* 'кто не может работать', *безлюдье* 'необщительные люди' [ПОС, 1: 154], *нелюда*, *нелюдим*, *нелюдимец*, *нелюдь* 'избегающий общения с людьми, угрюмый, молчаливый человек', *нелюди* 'плохие, дурные люди' [КПОС]; *-пут'-1 (беспутица*¹, *непутица*¹ 'распутица, бездорожье' [ПОС, 1: 191; КПОС]; *-раб- (безработица* 'кто не может работать по возрасту' [ПОС, 1: 157], *неработень* 'ленивый человек', *неработь* '1) лодырь, ленивый человек; 2) не привычный к труду человек; 3) люди, которые нигде не работают' [КПОС] и др.).

Таким образом, закономерности выражения категории отрицания в структуре имени существительного связаны, прежде всего, с характером корня, с его семантическим наполнением. Изучение негативно-приставочной субстантивной лексики псковских говоров демонстрирует аксиологическую значимость корней, с которыми сочетаются префиксы *не-* и *без-*.

Итак, приставочно-корневой морфемный шов характеризуется своей спецификой в сравнении с границами между другими значимыми частями слова («корень / суффикс», «суффикс / флексия»). При большей самостоятельности префиксов в целом обнаруживается различная степень свободы морфемной границы «приставка / корень», что связано с характером самой приставки, ее участием в деривационных процессах.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.

Александрова А. Е. Структурно-семантические особенности лексем с малопродуктивными архаичными именными приставками *па-*, *пра-*, *су-* в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2002.

Болыпакова Н. В. Вариативность слова в народной речи: На материале второго полногласия и замены начального *У* на *В* в псковских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1986.

Виноградова В. Н. Образование отвлеченных существительных с приставками *не-* и *без-* в древнерусском языке XI – XIV вв. // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964. С. 218 – 244.

Журавлев А. Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. М., 1997. С. 11 – 32.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1973.

Лескарева Л. А. Имена существительные непредметного значения с приставкой *не-* в псковских говорах // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 66 – 70.

Лунькова Е. С. Конкретные существительные в смоленских говорах: словообразование, морфемика: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Маковский М. М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М., 1980.

Михайлов В. А. Генезис антонимических оппозиций. Л., 1987.

Попова Н. В. Утраченные дихотомические соответствия некоторых слов с приставкой *не-* // Филологические науки. 1971. № 1. С. 81 – 92.

Попова Н. В. Особенности отрицания *не* в составе диалектных слов // Диалектная лексика. 1979. Л., 1982. С. 136 – 139.

Шаброва Е. Н. Морфемика русских говоров: Учебное пособие. Вологда, 2006.

СОКРАЩЕНИЯ

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 – 4. М.; СПб., 1880 – 1882.

КПОС – Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном педагогическом университете и в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина при СПбГУ).

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1 – 17. Л. (СПб.), 1967 – 2005.

С. Ю. Дубровина
Тамбов

СТРУКТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ТАМБОВСКИХ ГОВОРАХ

Русские народные говоры активно взаимодействуют с другими функциональными вариантами национального языка, вбирая в себя компоненты различных уровней, необходимые для выражения коммуникативно значимой информации. В первую очередь, это относится к лексической системе, с одной стороны, наиболее подвижной и чутко реагирующей на изменения внеязыковой среды, а с другой – способной наилучшим образом эксплицировать этнолингвистическую специфику языка. В нашей статье рассматривается особый лексический пласт: это слова, относящиеся к сфере народного православия, активная христианская лексика, адаптированная лексической системой русских территориальных диалектов. Мы обращаемся к лексике говоров Тамбовской области, в частности, к наблюдениям, отраженным в нашей монографии «Христианская лексика в русском диалектном “изводе”» [Дубровина, 2005].

Некоторые диалектные черты, характеризующие тамбовский вариант лексики «церковно-бытового языка», относятся к уровню морфонологии. Процессы взаимного приспособления звуков наблюдаются как внутри морфа, так и на морфемном шве. Изменения на морфемном шве, по нашему мнению, относятся к области исторической фонетики и морфемики русского языка.

Так, в тамбовских говорах отмечено слово *сочевник* ‘вечер перед Рождеством’, образованное от зафиксированного *сочевь* ‘лепешка, выпекаемая в *сочевник*’: «Была лепёшка, *сочевь* [сач’э’ф’] называли. Пекли ее на конопляном масле. Ели перед Рождеством, в *сочевник*». Общерусское *сочельник* и диал. тамб. *сочевник* восходят к *сочьньник (-ница) ← *сочень* ← *соць* [Фасмер, III: 730] с вероятной

этимологией от *сочиво 'сваренные зерна пшеницы'. В литературном русском *сочельник* происходит от *сочьньник с расподоблением первого [н] в однородный по месту образования переднеязычный зубной и способу образования (сонорный), но все же отличающийся артикуляцией [л]. Тамбовское *сочевник* ближе к исходному *сочевь*, *сочиво* и содержит близкие, но неравные по сонорности [в] и [н], разные к тому же по зоне образования ([в] – губно-зубной; [н] – переднеязычный). В речи смягчение губно-зубного [в] затруднительно и создает неудобство в произношении мягкого [н'] перед губно-зубным согласным. В литературном варианте это неудобство устраняется за счет ассимиляции [в] в [л']: *сочельник*. Диалект, на наш взгляд, оказывается консервативнее и сохраняет праславянский вариант.

Специфические диалектные модели деривации, отражающие архаические черты фонетики на морфемном шве, можно рассматривать как часть диахронических моделей словообразования. Сравним образование слова *свадибышная* (тамб.) с литературным *свадебная*. В кодифицированном литературном языке действует продуктивная суффиксальная деривация с присоединением суффикса -н- из *ьп (*свадьба* → *свадьбьная → *свадебная*). В говорах работает анахроническое словообразование с присоединением суффикса -ыш- (< **ьс-*) к основе (ср.: *никуды'шная*, *тады'шная*, *та'лышная* (вода)) и вместе с ним суффикса -н- (*свадьба* → *свадиб-ыш-н/ая*). Впоследствии суффикс -н- остается продуктивным в аналогичных образованиях с возможным бинарным чередованием [н] / [н'] на морфемном шве. Это относится к прилагательным, образованным от наречий времени: *колышная*, *тапершняя*, *давнишняя*, *тадышная*, *нонешняя* [подробнее см. об этом: Реформатский, 1960].

Для диалектной системы обычны процессы редукции и нейтрализации гласных. Фонетические чередования внутри морфем создают лексические дублеты. Так, чередуются приставки *с-* // *со-*, дифференцировавшиеся в результате падения редуцированных: *смученик* – *сомученик* 'црк. чей-либо товарищ по мукам' [Даль, IV, 302]. В тамбовских говорах отмечены разные виды диалектных редукций: сильная, до нуля редукция 2-го предударного слога (*птаму*, *варю*), проявление слабого редуцированного [и] (*свадибышная*) вместо ожидаемого нуля звука. Появление [и] на месте редуцированного ([и] < ь < *ї) в последнем случае связано, скорее всего, с внутрисловной просодией южнорусской группы тамбовских гово-

ров, для которых характерна интенсивная контрастность ударного слога и безударных слогов, а для безударных слогов – равновесность. Центр, фокусирующий ударный гласный, подчиняет себе как просодические, так и сегментные свойства заударных звуков, выравнивая их по силе интонационной конструкции (ср. также: *посалтирь, пысалтирь*).

На суффиксально-корневом морфемном шве нередко происходят чередования, обусловленные историческими палатализациями. Ср. словосочетание *нады́шная тэ́ста* (*надышный* ← *надысь*; [с] // [ш]; *s > *š) – ср.: *сегоднѣшний* ← *сегодня* ← *сего дня* и старославянское *днесь*. Другой пример диалектного чередования содержит запись из д. Кузьмина Гать: «Апасля Христова-та *Васкреше'ния* им, грешным душам, дается нядельный срок на пасященья и апщенья с сротствиниками на Красну Горку». Ср. также у Даля названия *Барышденъ* и *Борисденъ* (калуж.), которые сближаются с автором со словом *барыш*: «2 мая, кто в тот день продаст что-л. с *барышом*, весь год будет *барышевать*, почему и говорят: «На св. *Бориса* сам *боронися*, чтоб не обманули» [Даль, I: 130]. Обычным явлением для морфонологии тамбовских говоров являются также вставки, или интерфиксы: *благоче(в)ствие, благослов(л)ение* и др.

Фонематические преобразования христианской лексики в ряде случаев порождают установление новых мотивационных связей. Так, в противовес устоявшемуся *сыропустная* (неделя) в тамбовских говорах нам встретилось определение *сырокапустная* [*сыракапу'снайа*] (неделя). Трансформация внутренней формы слова этимологизирует его сложную семантику: *сырокапустная* (неделя), т.е. когда можно есть *сыр* и *капусту*.

Обращая внимание на деривационные связи христианской лексики в тамбовских говорах, следует отметить, что здесь проявляются как типичные черты русского словообразования (единство способов, типов образования слов, действие общерусских производящих основ и словообразовательных формантов, реализация типичных словообразовательных значений и пр.), так и яркие диалектные черты (в первую очередь, вариативность диалектного словообразования на формальном и семантическом уровнях).

Большая часть христианской лексики говоров возникла за счет переосмысления семантики общеупотребительных исконно русских слов и церковнославянизмов: *божий* (человек) 'добрый, порядочный праведный', *божий* (огонь) 'свеча, принесенная из церкви в

четверг страстной недели, страстная свеча. Интересна народно-этимологическая мотивация словом *страх*: *страшина'я неделя*, *страшина'я свеча*. Важно отметить, что современная диалектная лексика в полной мере вписывается в церковно-христианский узел семантического пространства литературного языка. Нам кажется справедливым мнение Т. И. Вендиной о специфике диалектной языковой картины мира, эксплицируемой производными словами: «В диалектах наблюдается большая степень детализированности и расчлененности одного и того же семантического пространства с помощью словообразовательных средств, что связано с особенностями концептуализации и членения языковым сознанием диалектоносителей окружающего их мира, с потребностями его дифференциации в целях лучшей ориентации и освоения» [Вендина 1998, 23].

Суффиксальное словообразование лексики народного православия достаточно часто демонстрирует дистрибутивные различия в области производящих основ и словообразовательных формантов: *юрод-лив-ый*, *набож-лив-ый* (ср.: *болт-лив-(ый)*), *четвергов-ск(ая)* (*свеча*) (ср.: *четверг-ов(ый)*), *молебовна* // *молебена* [мал'э'б'ина] // *молебна* 'молебен'. Важно отметить, что образование сложных слов, типичное для стиля канонического богословия (*ветхозаветворник*, *многоглаголивый*, *великопроповедник*), не свойственно диалектному словообразованию. Если же в диалектах образуются сложные слова, то в основном на базе ментальных универсалий: *боговерующая*, *богадельщина* 'непорядок, суета', *богоданная* (матушка) 'крестная', *богоданный* (батюшка) 'крестный'. Однако и в этих случаях точнее говорить не о чистом сложении, а о совмещении словосложения с суффиксацией (*богоданная*) или о сращении (*боговерующая*).

При анализе словообразования христианской лексики чрезвычайно важно обращение к лексико-семантическому (историческому) способу словообразования, действующему в диахронии. Он проявляется в переосмыслении прежних (высоких и нейтральных) значений слов, в диалектах обычно со снижением семантики: *свят муж*, ирон.; *богдашка* 'богом данное дитя' → презрит. диал. 'ребенок вне брака'; *благ святых* 'наудачу'; *аноха* 'простофиля' (от Енох) и др.

ЛИТЕРАТУРА

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования: макрокосм. М., 1998.

Дубровина С. Ю. Христианская лексика в русском диалектном «изводе». Тамбов, 2005.

Реформатский А. А. Принцип синхронного описания языка // О соотношении синхронного анализа и исторического описания языка. М., 1960.

СОКРАЩЕНИЯ

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2004.

Е. В. Сеницына

Волгоград

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ДОНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Семантический подход к изучению приставочного глагольного словообразования в русском языке, обозначенный еще в XIX веке в работах Казанской лингвистической школы и активно представленный в современных исследованиях [Волохина, Попова, 1993; Кронгауз, 1998; др.], весьма актуален для исследования русских территориальных диалектов. В нашей работе анализируются приставочные глаголы современных донских казачьих говоров, определяются их диалектные особенности на фоне общерусских закономерностей строения и образования. Материалом для наблюдений служат приставочная глагольная лексика «Большого толкового словаря донско-казачества» и записи диалектной речи, полученные в экспедициях по Волгоградской области в 2001 – 2005 гг.

В структуре исследуемых слов были выделены следующие префиксальные морфемы: *в-/во-, вз-/взо-, воз-/возо-, вы-, до-, за-, из-/изо-, на-, над-/надо-, о-, об-/обо-, от-/ото-, пере-, по-, под-/подо-, пре-, пред-/предо-, при-, про-, раз-/разо-, с-/со-, у-*. Диалектные префиксы в донских говорах отсутствуют. Семантических различий, на первый взгляд, тоже не наблюдается: ‘начало действия’ – *запеть, заболеть, захотеть; зателепать* ‘пойти медленно, с трудом’, *забружжёт* ‘зажужжать’; ‘распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на много мест в пределах объекта (объектов) или субъекта действия’ – *изрезать, изрисовать; извачкаться* ‘ис-

пачкаться' и др. Вместе с тем на фоне этого кажущегося единообразия достаточно ярко проявляются диалектные черты.

Одну из наиболее важных диалектных черт составляет активная глагольная полипрефиксация. В словах русского языка, как известно, выделяются последовательности от одного до трех (редко) префиксов: *вз-дрогнуть*, *при-со-единять*, *по-при-от-крывать* [БЭС: 324]. В говорах такие последовательности представлены весьма часто, особенно с начальным *по-*, совмещающим в своем значении смыслов повторяемости, а в некоторых случаях – расчлененности и ослабленности действия: *понапривязать* '*привязать*', *порасхлебедиться* '*распахнуться*', *порасшить* '*прибрать*', *позаклёкнуть* '*затвердеть*', *позамокаться* '*вымокнуть*', *поприехать* '*приехать*', *порасцвети* '*расцвети*', *поприкрутить* '*прикрутить*', *повыбанить* '*вымыть*', *повыхудать* '*похудеть*', *поубить* '*испортить*', *поизломать* '*изломать*' и др. По нашим подсчетам, около 30% из общего числа глаголов с префиксом *по-* в донских казачьих говорах [БТСДК] составляют полипрефиксальные глаголы, тогда как в литературном же языке [МАС] подобные образования составляют не более 15%. В диалектных полипрефиксальных глаголах префикс *по-* может быть представлен дважды:

Кроме того, с приставкой *по-* связана еще одна отличительная особенность структуры префиксальных глаголов в донском диалекте – это удвоение приставки: *попомёрзнуть* '*замёрзнуть, помёрзнуть (о многом)*', *попораздавать* '*раздать (многое)*' и др.

Очевидна семантическая избыточность второй приставки *по-* во всех глаголах, чтобы придать значение множественности, вполне достаточно одной приставки *по-*, что подтверждается наличием таких примеров в диалекте (*поприехать* '*приехать (обо всех, многих)*', *повыткать* (всё, многое) и мн. др. Удвоение приставки – не совсем оправданное, противоречащее логике и закону экономии речевых усилий (столь легко доказываемому другими, сжатыми и точными лексическими единицами диалекта, не имеющими соответствия в литературном языке) явление.

По мнению В. А. Шкунникова, удвоение приставки «служит целям преодоления той смысловой неопределенности, которая возникает вследствие дистрибутивной слабости прикорневого префикса, сказывающейся в его неспособности дифференцировать результат действия по признаку множественной распределенности» [Шкунников, 1997: 11]. Проще говоря, одна из двух повторяющихся приста-

вок выражает значение завершенности (соответственно меняя вид глагола), а другая несет смысловую функцию, выражая значение множественности и дистрибутивности.

Однако нельзя не заметить некую натянутость этой теории. Ведь особенность глагольных приставок состоит как раз в том, что они «совмещают в себе две функции – словообразовательную (приставки с реальными значениями – важнейшее средство для пополнения лексики глаголами) и формообразующую (чисто видовые префиксы, образующие форму совершенного вида к бесприставочному глаголу)» [Галнайтите, 1959: 3]. И никогда для этого не требуется удвоения приставки, хотя не только префикс *по-* может становиться чистовидовым (т. е. десемантизироваться).

На наш взгляд, основная причина, и, может быть, единственная, – это наличие в высказываниях отрицательной экспрессивности. Двойная *по-* в насыщенных эмоциями предложениях несет дополнительную функцию (тогда как основная – сема множественности) – усиливает общую эмоциональную окраску. В качестве доказательства можно привести следующие контексты: Ат этих замараскаф фся картошка папамёрзла [Н.-Ябл.], Папавырубили здесь фсе диревья [Прлз.], Папаехали чёрти куда [Бгт.]. Приставка *по-* может приобретать такие свойства и в «обычном», не удвоенном варианте (Чё было ф погриби, фсё павытинули, паизламали, паубили [Н.-Чир]), что само по себе заслуживает особого внимания, ведь приставки, в отличие от суффиксов, в литературном языке обычно не придают никаких эмоционально-оценочных компонентов слову. Конечно, и здесь неверным будет утверждать, что она именно придает этот компонент, однако то, что она усиливает экспрессивность всего высказывания, не подлежит сомнению.

Помимо рассмотренных изменений в структуре и семантике префиксальных глаголов в донских казачьих говорах, имеется еще ряд особенностей, касающихся значений приставок.

Каждая приставка в донских казачьих говорах, по нашим наблюдениям, имеет одно или несколько значений, отсутствующих у нее в литературном языке, но не противоречащих нормам образования глаголов в современном русском литературном языке. Например, подбираться ‘собираться’: В ьюли начинают падбирацца кащить жыта [Сов.]. Очевидно, приставка *под-* заменяет общепринятую *со-*. Интересно то, что без контекста этот глагол можно понять как ‘незаметно подойти к чему-нибудь’ (в словарях русского лите-

ратурного языка дается с пометой разговорное [Ожегов: 539]). В говорах же слово имеет совершенно другое значение. Возможно, сыграл роль такой оттенок значения, придаваемый этой приставкой, как 'совершать действие с незначительной интенсивностью', но всё-таки у префикса *под-* в этом примере появляется новая семантика, а именно он употреблён для создания глагола со значением 'доставить(ся) из разных мест в одно, соединить(ся) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом'. Подобные примеры свидетельствуют о расширении семантики приставок в донском диалекте.

Приставки в современных донских казачьих говорах могут сохранять архаичные значения. Например, *вздева́ться* (Ну, вздивайся паскарея, и пайдём [Стч.]) – 'одеваться'. В словаре древнерусского языка имеется слово *вздѣвати*, одно из его значений – 'надевать' [Срезневский: 363]; в толковом словаре Даля это слово также зафиксировано, притом без областных или других помет, ограничивающих его употребление [Даль, 1: 196]. Таким образом, донской диалект сохраняет в активном использовании устаревшее слово, которое еще в XIX веке использовалось повсеместно, а в русском литературном языке полностью заменилось на аналог с приставками *на-* или *о-* (надеть, одеваться) (диалектной единицы *вздевать в словаре донского диалекта не отмечено, но, на наш взгляд, существует большая вероятность того, что она используется в речи).

Таким образом, анализ префиксальных глаголов в донских казачьих говорах позволяет заметить ряд диалектных особенностей. Они проявляются в сочетаемости общерусских префиксов с диалектными и общерусскими основами, а также в реализуемой данными префиксами лексико-грамматической семантике. Говоры способны сохранять архаичные приставочные глаголы и, наоборот, активно порождать новые слова в соответствии с общерусскими тенденциями морфемного словообразования.

ЛИТЕРАТУРА

Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993.

Галнайтите Э. А. Глаголы с приставкой *по-* в русском литературном языке XIX – XX веков (соотносительно с родственными по образованию литовскими глаголами). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1959.

Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Шкунников В. А. Глагольная множественность в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997.

СОКРАЩЕНИЯ

- БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
БЭС – Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998.
Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 – 4. М., 1989.
МАС – Словарь русского языка. Т. 1 – 4. М., 1983.
Ожегов – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1 – 3. М., 1958.

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

- Бгт. – хутор Богатов Белокалитвинского района Ростовской области.
Мар. – станица Мариинская Константиновского района Ростовской области.
Н.-Чир. – поселок Нижний Чир Суворовкинского района Волгоградской области.
Н.-Ябл. – хутор Нижнеяблочный Котельниковского района Волгоградской области.
Сов. – станица Советская Обливского района Ростовской области.
Стч. – станица Старочеркасская Аксайского района Ростовской области.
Прлз. – хутор Перелазовский Клетского района Волгоградской области.

Е. В. Бочкарева
Волгоград

МЕСТОИМЕННЫЕ НАРЕЧИЯ В ДОНСКИХ ГОВОРАХ (структурный аспект)

Местоименные наречия в донских говорах не случайно стали предметом нашего исследования. С позиций морфемного и словообразовательного анализа в их структуре обнаруживаются явления, требующие детального освещения: какие морфемы следует считать вариантами, чем вызван выбор того или иного форманта, что является мотивирующей основой и др. Для анализа нами отобрано более ста наречий этой группы (по данным «Большого толкового словаря донского казачества» [БТСДК] и картотеки «Словаря донских говоров Волгоградской области» [СДГВО]).

Диалектные донские местоименные наречия представлены значительно шире, чем литературные эквиваленты: *отсюда* – *отсэда*, *отсэдова*, *отсэль*, *отсэле*, *отсэлича*, *отсóлича*, *отсоль*, *отсúдова*, *отсúдовича*, *отсúлича*, *отсúль*, *отсюль*, *отсюдоча*; *откуда* – *откэда*, *откэдова*, *откэдоча*, *откэле*, *откэля*, *откэли*, *откэлись*, *откэлича*, *откэличка*, *откíль*, *откúдача*, *откúлича*, *откúль*, *скуль*, *соткúля*; *оттуда* – *онтэда*, *онтэле*, *онтэлеча*, *онтóльча*, *онтúда*, *онтúлеча*, *онтúль*, *онтэда*, *онтэлича*, *онтэль*, *онтэля*, *оттэда*, *оттэдова*, *оттэлеся*, *оттэлича*, *оттэле*, *оттэль*, *оттэля*, *оттóльче*, *оттúдача*, *оттúдовача*, *оттúлича*, *оттúль*, *оттыль* и др.

Одной из проблем структурного анализа таких наречий является разграничение фонематических и словообразовательных вариантов.

Фонематические варианты в анализируемом материале представлены следующими типами:

1) варианты, различающиеся корневыми гласными: *онтэда* – *онтúда*, *отсоль* – *отсúль*, *отсэлича* – *отсóлича* – *отсúлича*, *оттэль* – *оттúль* – *оттыль*, *тепэря* – *тапэря*;

2) варианты, возникшие в результате диссимиляции согласных на стыке префикса и корня: *онтуда* – *оттуда*;

3) варианты, различающиеся твердостью / мягкостью корневого согласного: *онтэлича* – *онтэлеча*, *отсúль* – *отсюль*.

4) варианты с разными гласными и согласными одновременно: *оттыль* – *онтúль*.

Остальные варианты нами рассматриваются как словообразовательные.

Практически каждый из фонематических вариантов участвует в образовании новых диалектных наречий путем присоединения и / или вставки суффиксов: *откэл+и* → *откэли+ч+а*, *оттэда* → *оттэль* → *оттэл+ич+а*, *тепэр'+а* → *тепэр'+ич+а* → *тепэрич+к+а*, *оттúда* → *оттúд+ач+а* → *оттúд+ов+ач+а*, *докэль* → *докэл'+а* → *докэл'+еч+а* и т.д. Наиболее частотными формантами диалектного словообразования местоименных наречий являются суффиксы *-л'*, *-а*, *-ич-*, *-ов-* / *-ев-*.

Обратим внимание на функционирование в диалектном словообразовании общерусского суффикса *-а-*. В литературном языке, по мнению «Толкового словаря словообразовательных единиц русского языка» [ТССЕРЯ], данный суффикс относится к числу нерегулярных, так как выделяется только в одном наречии с обстоятельством

венным значением места: *дóма*, а также в наречиях, полученных от деепричастий: *молча, сидя, любя* и др. [ТССЕРЯ: 30]. В донских же говорах суффикс характеризуется очевидной продуктивностью, входит в структуру местоименных наречий места (*тáма, утúта: Типерьча он приходит суды к матери и женицца утута* (Тшн.)); направления (*докéл'а, оитэл'а*); времени (*тепéр'а: А типеря спать будим* (Кул.). *Типеря Марья в дефках уш ни сидить* (Ат.)).

Однако наличие в донских диалектных словарях следующих пар наречий: *докéл'+а – докéл'+е, оитэл'+а – оитéл'+е, откéл'+е – откéл'+а* – наводит на мысль, что суффикс *-а-* может являться вариантом суффикса *-е-*, поскольку для южных говоров, в частности донских, «в заударном конечном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема типично произношение звука [а]: *вúн'ас, вúл'ас* (*вынес, вылез*)» [Русская диалектология 2005: 54]. Следовательно, перечисленные наречные пары целесообразнее разместить как варианты в одной словарной статье.

Другие суффиксальные морфы (*-л'-, -ич-, -ов- / -ев-*), отмеченные в структуре диалектных местоименных наречий, могут быть соотнесены с суффиксами, участвующими в образовании других частей речи. Так, при помощи морфемы *-ич-* образуются имена существительные со значением лица: а) *Ильич, Лукич, барич, княжич, паныч*; б) *вязьмич, костромич, москвич, родич, шляхтич*» [ТССЕРЯ: 223 – 224]. Нерегулярный формант *-л'-* в литературном языке выделяется в составе имен существительных общего рода (*пискля*) и отглагольных существительных женского рода (*быль, падаль, порось, прибыль, убыль*) [ТССЕРЯ 2005: 251]. Суффикс *-ов- / -ев-* участвует в образовании относительных (*фруктовый, тюленевый*) и притяжательных (*братов, воронов, слесарев*) имен прилагательных [ТССЕРЯ 2005: 320 – 322].

Мы предполагаем, что аффикс *-оч-* в диалектном словообразовании возник в результате стяжения двух суффиксов: *-ов-* и *-ич-* (*отсúд+ов+а → отсúд+ов+ич+а → отсúд+оч+а* – вариант, не обнаруженный нами в донских словарях, но потенциально возможный, как и его фонематический вариант *отсúд+оч+а*, зафиксированный в СДГВО).

Спорным является вопрос о вариантах морфем. Во-первых, можно ли считать суффиксы *-оч-* и *-еч-* вариантами? С одной стороны, сопоставление наречий, включающих в свою структуру данные алломорфы, показывает, что выбор в употреблении словообра-

зовательных единиц *-оч-* или *-еч-* обуславливается дополнительной дистрибуцией. Так, к мотивирующей основе, оканчивающейся на твердый [d], присоединяется суффикс *-оч-*: *откѣд+оч+а*, *отсюд+оч+а*; производящие же основы на *-л'* взаимодействуют с морфемой *-еч-*: *докѣл+еч+а*, *онтул+еч+а*. С другой стороны, каждый из этих суффиксов можно рассматривать в составе иных вариативных пар: *-еч-* и *-ич-* (*онтул+еч+а*, *онтѣл+еч+а*, *докѣл+еч+а* – *оттул+ич+а*, *онтэл+ич+а*, *оттѣл+ич+а*, *отсѣл+ич+а* и др.); *-оч-* и *-ач-* (*откѣд+оч+а*, *отсюд+оч+а* – *оттуд+ач+а*, *откуд+ач+а*). И наконец, все перечисленные суффиксы: *-ач-*, *-оч-*, *-еч-*, а также *-ч-* (*оттоль+ч+е*, *онтоль+ч+а*) являются вариантами одной морфемы *-ич-*. Определение статуса морфемы *-ич-* как суффикса, а формантов *-ач-*, *-оч-*, *-еч-*, *-ч-* как её вариантов обусловлено регулярностью и продуктивностью первой (по данным БТСДЖ, СДГВО).

Выше было выдвинуто предположение о возникновении варианта *-оч-* в результате стяжения суффиксов *-ов-* и *-ич-*. Происхождение алломорфов *-еч-*, *-ач-* возможно под воздействием ассимиляции гласных: прогрессивной *онтѣл+еч+а*, *докѣл+еч+а* и регрессивной *оттуд+ач+а*, *откуд+ач+а*.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, в основном местоименные диалектные наречия образуются посредством суффиксации. Префиксация отмечена в единичных случаях: *откуль* – *скуль* ‘откуда’, *всегда* – *повсегдѣ*, *вседы* – *завсегды* ‘всегда’, *нигдѣ* ‘никуда’ – *нѣгде* ‘некуда’. Приставки, участвуя в деривации наречий, обычно взаимодействуют с суффиксами: *докѣле* – *покѣда* ‘докуда’, *скуль* – *соткуля* ‘откуда’.

Итак, если попытаться представить словообразовательную систему донских диалектных местоименных наречий в виде поля, то на уровне способов образования ядром будет суффиксация, на *периферии* – префиксация и префиксально-суффиксальный способ; уровень словообразовательных единиц образует ядро, включающее в свой состав суффиксы *-л'*, *-е-* / *-а-*, *-ич-*, *-ов-* / *-ев-*, и *периферия* с приставками *по-*, *с-* и суффиксом *-к-*. Важно отметить, что донские диалектные наречия образуются с помощью общерусских аффиксов. Это не случайность, а закономерность, так как «русский язык характеризуется значительной общностью словообразования, основанной на наличии в словообразовательных системах русских говоров и литературного языка в основном одних и тех же словообразовательных типов и аффиксов» [Русская диалектология 2005: 87]. Откры-

тым остается вопрос о том, что обуславливает выбор того или иного суффикса и чем вызвано свободное варьирование форманта при взаимодействии его с основой.

ЛИТЕРАТУРА

Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.

СОКРАЩЕНИЯ

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 1, 2. Волгоград, 2006 – 2007.

ТССЕРЯ – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005.

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Ат. – станция Атамановская Даниловского района.

Кул. – хутор Куликовский Новониколаевского района.

Тишн. – станция Тишанская Нехаевского района.

Л. Г. Гусева
Екатеринбург

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В УСТАРЕВШЕЙ ПЕРМСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Лексика русских народных говоров, являясь составной частью лексики русского национального языка и будучи продуктом исторического развития языка в многообразии территориального варьирования, подвергается существенным изменениям как собственно языкового, так и экстралингвистического характера, что отмечается специалистами в области региональной и исторической лексикологии. Ф. П. Сороколетов и О. Д. Кузнецова считают, что «о лексическом составе русских диалектов даже недавнего прошлого уже нельзя судить по данным современных говоров» [Сороколетов, Кузнецова, 1987: 6].

Архаическая лексика в современных русских народных говорах представляет собой неоднородное явление и по степени устарелости отдельных лексем, и по причинам, ее вызывающим. Одни слова со-

вершено перестают употребляться, употребление других становится все более ограниченным.

Исследователи отмечают, что то или иное слово не сразу исчезает из языка, а забывается постепенно, переходя, прежде чем полностью утратиться, в пассивный лексический запас диалектоносителей. Указываются различные пути, по которым идет переход слов в пассивный языковой запас, отмечается, что интенсивность этого перехода зависит и от степени распространенности данного слова в говоре, и от наличия его в окружающих говорах [Беляева, 1961; Баранникова, 1965].

Устареванию определенной части лексики как в литературном языке, так и в русских народных говорах способствуют некоторые процессы на словообразовательном уровне. По мнению академика В. В. Виноградова, «анализ непродуктивных словообразовательных типов может вскрыть исторические тенденции в развитии словообразования, но в основном он вращается в сфере лексикологических проблем» [Виноградов, 1952: 135].

Сравнение диалектного лексического материала на территории бывшей Пермской губернии по данным различным письменных источников XIX в.: журналов «Живая старина» и «Записки УОЛЕ», газеты «Пермские губернские ведомости», фольклорных произведений, записок путешественников, диалектных словарей («Опыт областного великорусского словаря», «Дополнение к Опыту», «Словарь русских народных говоров (СРНГ)»), материалов, хранящихся в архивах и краеведческих музеях, и др. – с материалами современных уральских словарей («Словарь русских говоров Среднего Урала» и Дополнения к нему, «Словарь Соликамского района Пермской области», «Словарь пермских говоров», «Словарь деревни Акчим Красновишерского района Пермской области») позволяет говорить о наличии большого и тематически разнообразного круга слов, которые в большинстве своем, очевидно, уже не бытуют в современных уральских говорах и потому не находят в этих словарях отражения.

В говорах на территории бывшей Пермской губернии определенный пласт составляют устаревшие слова (прежде всего глаголы) с префиксом *воз-* /*вос-*, большинство которых церковнославянского происхождения и словообразовательный тип которых в современном русском языке непродуктивен. Структурно-словообразователь-

ные особенности глаголов с приставкой *воз-* в говорах рассматриваются в работах П. И. Павленко [Павленко, 1972, 1973, 1975].

В современных уральских говорах большей исторически сложившейся продуктивностью обладают образования с префиксом *вз-/вс-* [Ср.: Головин, 1965], о чем свидетельствуют и данные СРГСУ и СПГ, ср.: *взба́дривать* 'бить', *взбалахры́стить* 'побить', *взбурдома́житься* 'перемешаться с какими-либо осадками (бурдой) при взбалтывании (о жидкости)', 'вскипеть', *взбуте́нькивать* 'бить', 'безл. трясти', *взматере́ть* 'вырасти, стать взрослым (о птице и звере)', *взгру́знуть* 'застрянуть, попав во что-либо вязкое, липкое', *взгря́бнуть* 'ударить', *взляля́кать* 'рассказать', *взреха́ть* 'взречь', *взры́ситься* 'наброситься с упреками, бранью' и др. Теми же словарями фиксируются и глаголы с префиксом *воз-/вос-*, ср.: *возга́тнуть* 'стукнуть, ударить', *воздыма́ться*, *вознима́ться* 'подниматься', *возгне́виться* 'рассердиться', *возлюби́ться* 'понравиться', *возры́знуть* 'рассердиться, вспылить', *возбива́ть* 'внушать, убеждать', *возгласи́ть* 'закричать', *возновля́ть* 'обновлять'.

По данным СРНГ, представляющего диалектную лексику XIX – XX вв., в уральских (пермских) говорах бытовали и такие лексические единицы, которые не зафиксированы в современных уральских диалектных словарях. Среди них обнаруживаются лексемы как с префиксом *вз-/вс-* (*взбузы́кать* 'заставить делать что-либо, принудить к чему-либо' [Соликам. Перм., 1905–1921 – СРНГ, 4: 242], *взбултыха́ть* 'сильно избить, высечь' [Перм., Луканин, 1956 – СРНГ, 4: 243], *взвалехну́ть* 'повалить, свалить' [Охан., Перм, 1912 – СРНГ, 4: 246], *взва́рный* $\diamond$ *взва́рные клещи* 'клещи для держания кусков металла в горне' [Перм., 1855 – СРНГ, 4: 247], *взвэ́ртань* 'трепка, взбучка' $\diamond$ *дать взвэ́ртань* 'наказать, задать трепку' [Перм., 1856 – СРНГ, 4: 248], *взга́рамгаться* 'взобратся куда-либо, на что-нибудь' [Охан., Перм., 1930 – СРНГ, 4: 253], *взмётка* $\diamond$ *взмётку дать* 'побить' [Охан., Перм., 1930 – СРНГ, 4: 265], *взраде́ть* 'обрадоваться' [Чердын., Перм., Соболевский – СРНГ 4: 268] и др.), так и с префиксом *воз-/вос-*: *восколы́баться* фольк. 'закачаться, заколебаться' – *На ново крыльцо заходит – крыльцо зыблется, крыльцо зыблется да восколыблется* (песня) [Добрян. Перм. – СРНГ, 5: 135]; *воспоро́дить* фольк. 'породить, создать' – *Не одна мать нас с тобою воспородила* [Оренб. Перм – СРНГ, 5: 143]; *воспромо́лвить* фольк. 'проговорить, сказать' – *Воспромолви, моя мила, ласково словечко!* [Перм., Соболевский – СРНГ, 5: 144] и др. Наряду с ука-

занными лексемами, фиксируемыми и на других территориях (прежде всего на Русском Севере), находим слова, отмеченные только на территории бывшей Пермской губернии: *воздержать* 'не дать появиться чему-либо, сдержать' – *Воздержать сам себя не может* [Шадр. Перм., 1898; приводится также у Афанасьева без указания места – СРНГ, 5: 21]; *воздунуться* 'подняться (о цене)' – *Цена воздунулась на базаре* [Осин. Перм., 1930 – СРНГ, 5: 21]; *возложить* 'послать, напустить' – *Баба-яга на его возложила сон* [Соликам. Перм., 1897 – СРНГ, 5: 25]; *возненаичить* 'вынянчить' – *Что крестили его священнички, принимали да князья-бояра, возненаичили нянки-мамушки* [Чердын. Перм., 1895 – СРНГ 5: 27]; *воспохватиться* фольк. 'спохватиться' – *Что жена мужу взмолилась: Ты не бей меня да рано с вечера, ты убей меня во глухую полночь: все-то люди приусятя, малые детоньки раскатаются, поутру-то встанут, воспохватятся!* [Перм., Соболевский – СРНГ, 5: 144] и др.

Как видно из приведенного материала, большинство лексем либо сопровождаются пометой «фольклорное», либо имеют в иллюстративной части фрагменты из фольклорных произведений, записанных в XIX в., что явно свидетельствует и о древности подобных образований, и о преимущественной сфере их употребления.

Решая в целом вопрос о степени устаревания слов с префиксом *воз-* / *вос-* в уральских говорах, следует отметить, что многие подобные лексем, представленные в современных уральских словарях, ареально ограничены, ср.: *возболеть* 'заболеть' Тал. [СРГСУ-Д: 74], *возврыться* 'рассердиться' Камен. [там же], *возгласить* 'закричать' Тобольская Караг. [СПГ, 1: 112], *воздружить* 'удружить, услужить' Н-Тур. [СРГСУ-Д: 75], *воздурить* 'сойти с ума' Тобольская Караг. [СПГ 1: 112], *вознемочь* 'заболеть' Жуланова Сол. [СПГ, 1: 112], *возниматься* 'подниматься' Таб. [СРГСУ, 1: 87], *воскрыситься* 'прийти в ярость, злобно наброситься на кого-либо' Нытв., Сол. [СПГ, 1: 120], *воспадать* 'совпадать' Таман. Ус. [СПГ, 1: 121] и др. Этот факт свидетельствует о непродуктивности данной словообразовательной модели и, очевидно, о тенденции к утрате подобных образований из диалектной лексической системы.

В составе устаревшей уральской лексики значительное место занимает достаточно многочисленная группа слов, объединенных наличием префикса *без-* / *бес-*. По данным дифференциального «Словаря русских народных говоров» [СРНГ], основанном на материалах XIX – XX вв., на территории бывшей Пермской губернии зафиксиро-

рованы следующие слова, отсутствующие в современных уральских словарях:

безбо́жеть 1) 'становиться безбожником' Исет. Перм. 1923; 2) 'использовать для достижения чего-либо бесчестные приемы' Исет. Перм. 1923;

безбо́язнь и *безбоя́знь* 'смелость, бесстрашие' Исет. Перм. 1923 [СРНГ, 2: 181];

безве́домно 'так, чтобы не знали другие' Исет. Перм. 1923; *безвѣдомный* 'неизвестный' Исет. Перм. 1923;

безвѣ́кий 'вечный, бесконечный по времени' Исет. Перм. 1923;

безвѣ́рный 1) 'выражающий недоверие, недоверчивый': *Безверный какой ты. Я тебе баю, что видел лешего сам своими глазами, а ты не веришь.* Перм. 1856; 2) 'такой, на которого нельзя положиться, ненадежный' Исет. Перм. 1923;

безвѣ́рстно 'не зная точного расстояния, количества верст': *Подрядил везти безвѣрстно* Исет. Перм. 1923;

безвѣ́сный 'легкий, не тяжелый' Исет. Перм. 1923; *безвѣ́сье* 'легкость' Исет. Перм. 1923;

безвѣ́терно 'безветренно' Исет. Перм. 1923; *безвѣ́терность* 'безветрие' Исет. Перм.; *безвѣ́терный* 'безветренный' Исет. Перм. 1923;

безвѣ́дно 'невзрачно, неказисто' Исет. Перм. 1923; *безвѣ́дный* 'невзрачный, неказистый' Исет. Перм. 1923;

безвѣ́деть 1) 'терять воду (о реках, озерах)' Исет. Перм. 1923; 2) 'испытывать недостаток в воде (о людях, животных)' Исет. Перм. 1923; *безвѣ́дица* 'недостаток воды, влаги': *Одолела нас в степях бескормица и безводица.* Даль (без указания места). Кубан., начало XX в., Исет. Перм. 1923;

безволос́ный 'безволосый, плешивый' Исет. Перм. 1923 [СРНГ, 2: 182];

безво́лье 'отсутствие свободы, воли; неволя' Даль (без указ. места). Волог., Исет. Перм.;

безвре́мни́ца и *безвре́мни́ца*, *безвре́мни́к* и *безвре́мни́к* 'больной человек' (?) Исет. Перм., Бирюков, 1923; *безвре́мни́чатъ* 'болеть' Исет, Перм., Бирюков 1923; *безвре́менно* 'во время болезни' Исет. Перм., Бирюков, 1923; *безвре́менный* 'больной' Исет. Перм., Бирюков, 1923; *безвре́менье* 'беда, несчастье или болезнь' Исет. Перм., Бирюков, 1923 [СРНГ, 2: 183];

безвыводно 'без выведения, вывода (о животных)': *Бурко-то безвыводно целу неделю простоял в конюшне.* Исет. Перм. 1923; *безвыводной* и *безвыводный* 'постоянно пребывающий где-либо' Исет. Перм. 1923;

безвыручно 'без прибыли, без выручки' Исет. Перм. 1923; *безвыручный* 'не дающий выручки, прибыли' Исет. Перм. 1923;

безвытно 'не наедаюсь' Исет. Перм. 1923; *безвытный* 1) 'не имеющий земли и потому не платящий податей (о дореволюционном крестьянине)' Перм., Нижегород., Даль; 2) 'не имеющий пая в общей доле пищи (выти) как слабосильный человек, который мало ест (о дореволюционном артельном работнике)' Соликам. Перм. 1960, Нижегород; 3) 'не имеющий аппетита' Том.; 4) 'ненасытный в еде' Исет. Перм. 1923;

безглазно 'без надзора, без присмотра' Исет. Перм. 1923; *безглазый* 'лишенный надзора, присмотра' Исет. Перм. 1923;

безговарный 'неугомонный' Охан. Перм. 1854 [СРНГ, 2: 184];

безгололье 'глупое поведение' Исет. Перм. 1923;

безголосить 'лишать голоса, власти; заставлять молчать' Исет. Перм. 1923; *безголосье* 'отсутствие голоса, возможности говорить вследствие болезни' Исет. Перм. 1923;

безгодок 'бестолковый человек' Соликам. Перм. 1850-е [СРНГ, 2: 185];

безгордый 'негордый' Исет. Перм. 1923;

безграмота 'безграмотность, неграмотность' Исет. Перм. 1923;

безгрешный ирон. 'очень мелкий (о рыбе и животных)': *Тожэ и наловил... каки-то одне безгрешные* (подтрунивают над рыболовом) Исет. Перм. 1923;

безгрудый 'с открытым воротом (об одежде?)' Исет. Перм. 1923;

безделька, м. и ж. 1) 'бездельник; человек, занимающийся пустяками' Исет. Перм. 1923; 2) 'лжец' Исет. Перм. 1923; *бездельюшка*. *бездельница*, *безделюга* м. и ж. 1) 'тот, кто бездельничает' Исет. Перм. 1923; 2) 'тот, кто лжет' Исет. Перм. 1923; *бездельяга*, ж. 'что-либо, не имеющее ценности, значения; пустяк, мелочь, безделица' Шенк. Арх 1858, Исет. Перм.; *безделья* 'от безделья, от нечего делать': *Тебе безделья, так ты и сиди* (засидевшемуся в гостях) Исет. Перм. 1923; *бездельяга* 'безделье' Исет. Перм. 1923;

бездождье 'засуха' Исет. Перм. 1923; *бездожжий* 'засушливый': *Бездожжо лето.* Исет. Перм. 1923;

- бездоимочно* 'не считая за кем-либо недоимки' Исет. Перм. 1923;
- бездоказанию* 'без доказательств' Исет. Перм. 1923; *бездоказанный* 'недоказанный' Исет. Перм. 1923;
- бездóбница*, м. и ж. 'человек, не имеющий своего дома, жилища' Исет. Перм.; *бездомóвничать* 'не иметь своего дома, жилища; жить скитаясь' Исет. Перм. 1923 [СРНГ, 2: 188 – 189];
- бездóбнок* 'о чем-либо, не имеющем дна' Исет. Перм. 1923;
- бездорóжить* 'портить дорогу, делать ее непроходимой' Исет. Перм. 1923 [СРНГ, 2: 189];
- бездóшность* 'отсутствие запаха' Исет. Перм. 1923; *бездóшный* 'не издающий запаха (о цветах?)' Исет. Перм. 1923;
- безжáлостливый* 'безжалостный, жестокий' Перм., 1856, Мещов. Калуж. [СРНГ, 2: 190];
- беззаклúчно* 'не переставая шалить, разговаривать, несмотря на запрет' Исет. Перм. 1923; Урал;
- беззвú* 'без зова, без приглашения' Исет. Перм. 1923 [СРНГ, 2: 191];
- беззлúд* 'неудача, незадача': *Стал делать – не выходит; что за беззлúд, думаю!* Урал 1908 [СРНГ, 2: 192];
- безмíлосливо* 'немилосердно, очень сильно': *Свиньи попали в огород; уж наши робята безмилосливо хомили их хабазинами.* Перм. 1856;
- безмолóчный* 'не имеющий молока' Исет. Перм. 1923;
- безмóхий* 'лишенный бахромы' Исет. Перм., 1923;
- безмякíнный* 'не имеющий ботвы' Исет. Перм. 1923;
- безнабóрный* 'без украшений, без «набора»' Исет. Перм. 1923;
- безна́рый* 'не имеющий нар'; *безна́ра теплúшка* 'товарный вагон' Исет. Перм. 1923 [СРНГ, 2: 193];
- безно́жить* и *безно́жить* 'становиться хромым, безногим; лишаться возможности двигаться' Шадр. Перм. 1908, Иркут., Том.;
- безобра́зца* 'дурное поведение' Шадр. Перм. 1930 [СРНГ, 2: 194];
- безобу́вши* 'не обувшись' Перм. 1856;
- безоде́вши* 'не одевшись, без одежды, не покрывшись': *Безодевши так и вышел на улицу в одной рубахе. На полятах можно спать безодевши* Перм. 1856 [СРНГ, 2: 195];
- безо́тцый* 'не имеющий отца; сиротский': *На меня, детю безотцею.* Чердын. Перм. 1860 [СРНГ, 2: 197];

безработник ‘человек, не занимающийся физическим трудом; интеллигент’ Охан. Перм. 1930; *безработница* ‘женщина не из крестьянской среды’; в выражении *безработницу взять* – ‘взять жену не из крестьянской среды, не умеющую выполнять крестьянские работы’ Перм., Успенский, 1859;

безременьё ‘несчастье’ Перм., середина XIX в.: *А зло-несчастьицо, братцы, состоялось, безременьё велико постречалосё* Арх., Григорьев, 1899–1901;

безрешиёньё ‘несчастье’ Кунгур. Перм., 60-е гг. XIX в. [СРНГ, 2: 198];

безростый фольк. ‘маленького роста’: *Прилетела птица бесперая, села на дерево безлистое; пришла баба безростая, съела птицу бесперую* (загадка – снег и тепло) Екатеринбург. Перм. 1898 [СРНГ, 2: 199];

безугомонь и *безугомонь* ‘беспрестанно, непрерывно’ Перм., Даль [СРНГ, 2: 200];

безумолочно ‘без умолку’ Шадр. Перм., 1930;

безумывши ‘не умывшись’: *Безумывши Богу не молятся да и за кусок не примаются*. Перм., 1856; *Лико, мама, Ванька-то безумывши ест* Перм. [СРНГ, 2: 202];

безусталица ‘человек, неутомимый в работе’ Шадр., Екатеринбург., Камышл. Перм. 1923; *безустальный* ‘неутомимый’ Слов. Акад. 1847;

безъязычить ‘заставлять молчать’ Исет. Перм., Бирюков 1923 (малоупотребительно);

безыголица ‘нужда’ Охан. Перм. 1930;

безызбной и *безызбный* ‘не имеющий избы’ Шадр. Перм., 1923;

безызбывно ‘неминуемо’ Шадр. Перм. 1923; *безызбывный* ‘не-преходящий, неизбывный’ Шадр. Перм., 1923

безызменно ‘верно, преданно’ Шадр. Перм., 1923; *безызменность* ‘неизменность, постоянство’ Шадр. Перм., 1923; *безызменный* ‘верный, преданный’ Шадр. Перм., Олон., Арх., Барнау¹ [СРНГ, 2: 204];

безызносно ‘прочно, добротнo’ Шадр. Перм. 1923;

безызянно ‘без изъяна’ Шадр. Перм. 1923; *безызянность* ‘отсутствие изъянов’ Шадр. Перм. 1923;

безымянка ‘большое блюдо’: (На фаянсовом заводе) *блюда стали по размерам от большого до маленького делиться на «безымян-*

ку», «трактир», «полутрактир» и «малый трактир». Сретенское Перм. Краев. сб., вып. 1, 1924 [СРНГ, 2: 205];

бескóрмность 'бескормица' Исет. Перм., 1923 [СРНГ, 2: 268];

бескóрыстник м., бескóрыстница ж. 'человек некорыстолюбивый, бессребреник' Исет. Перм., 1923;

бескрéстница 'женщина, которая не носит креста': *Вышли из Кияна-моря двенадцать тои простоволосых, бескрестниц и беспосесниц в виде дьяволов.* Перм., конец XIX в.; *бескрёсу* 'без отдыха, беспрестанно' Перм.;

бескрóвно 'неуютно': *Лисе-то у него как-то бескрóвно.* Исет. Перм. 1923;

бескручíнно 'без печали' Слов. Акад., 1847 (без указ. места): *Бескручинно век-от прожили, а топеря вот, на старости, и пришлось поробить* Исет. Перм. 1923;

бескрýл, м., бескрýлка, ж. 'о том, кто не имеет крыльев' Исет. Перм. 1923; *бескрýлить* 'лишать крыльев' Исет. Перм., 1923;

бескрýльцый 'лишенный крыльца': *У их изба-то бескрýльцая стоит* Исет. Перм., 1923 [СРНГ, 2: 268];

бескúсно 'невкусно; несладко' Исет. Перм. 1923; *бескúсность* 'невкусность' Исет. Перм. 1923; *бескúсный* 'невкусный' Исет. Перм., 1923; *бескúсье* 1) 'отсутствие у пищи приятного или сладкого вкуса' 2) 'извращенный вкус' Исет. Перм., 1923 [СРНГ, 2: 269];

беспáлубный 'не имеющий опалубки (о доме)' Исет. Перм., 1923;

беспáльцевый 'беспальный' Исет. Перм., 1923;

беспáмятетъ 'терять память, становиться забывчивым; тупеть; терять сознание' Исет. Перм., 1923; *беспáмятитъ* 'лишать кого-либо памяти, лишать чувства, сознания' Исет. Перм, Бирюков 1923; *беспáмятно* 'забывчиво; без сознания' Исет. Перм., 1923 [СРНГ, 2: 270];

бесперемéнно 1) 'без изменений', 2) 'обязательно, непременно' Исет. Перм., 1923 [СРНГ, 2: 271];

беспрестáни 1) 'беспрестанно, непрерывно; постоянно'; 2) 'очень часто, зачастую' Перм., 1856 [СРНГ, 2: 274];

беспровóроту 'вдоволь, с излишком': *У них кони-то беспровóроту сено едят* Шадр. Перм., 1930 [СРНГ, 2: 275];

беспúтка, м. и ж. 'бестолковый, глупый, опрометчивый человек' Перм., 1848, Урал [СРНГ, 2: 276];

бесслóвно ‘беспрекословно’: *Попроси у тётки Федоры большого мотвила – ничего, бесслóвно даст. Пошли его хоть в воду, хоть в огонь, пойдёт бесслóвно* Перм., 1856;

бессóнники, мн. ‘День 23 июля – время, когда начинается напряженная работа по уборке созревающего хлеба и когда продолжается еще сенокос, так что спать приходится очень мало’ Перм., 1926 [СРНГ, 2: 277];

бесстóвный, *бестóвный* Вят., 1828, Кунгур. Перм.; *бесщúвный*, *бесщúвный* ‘непослушный, несговорчивый’ (иногда бранно): *Бесщúвный такой углан! как не закликай, всё суровится; не добром, не худом его не счунешь. Девки у их бесщúвные; хи-хи, да го-го! Завсе оциреются, сщуву не знают* Перм., 1856. Вят. [СРНГ, 2: 283];

бестошный ‘неумелый, бестолковый; ненормальный’ Охан. Перм. 1930: *Тот истошный на всё, а этот бестошный, ничего не умеет.* Верхот. Перм. [СРНГ, 2: 281];

бесхлэбца, неодобрит. ‘о тех, у кого не хватает своего хлеба до нового урожая’ Охан. Перм., Миртов, 1930;

бесцелизен ‘не оставляя живого места («целизны»); жестоко, беспощадно (о порке руками, ремнем и т.п.): *Его отхлестали бесцелизен* Охан. Перм., 1854 [СРНГ, 2: 282];

бесчáстить ‘лишать счастья, делать несчастным; обижать’: *У жената женка любая змея да хочет девицу бесчáстить меня.* Красноуф. Перм. 1930 [СРНГ, 2: 282];

бесчётный ‘бестолковый’ Ирбит., Охан. Перм. 1930 [СРНГ, 2: 283].

Из 140 представленных слов 126 зафиксированы только на территории Пермской губернии (17 – в XIX в., остальные – в первой трети XX в.). Следует отметить, что 12 лексем из 126 наряду с ареальной пермской характеристикой сопровождаются ссылкой на В. И. Даля с пометой «без указания места»: *безбожить*, *бездорожить*, *безнаборный*, *безнарый*, *бескрылить*, *беспамятить*, *бесчáстить* и др.

Как правило, ареальная характеристика лексемы ограничивается территорией одного уезда. Более 80 слов в СРНГ имеют только географическую помету «Исет. Перм.». Этот уникальный материал был собран в 1923 г. в Исетском уезде Пермской губернии уральским краеведом В. П. Бирюковым, о котором Алексей Югов написал: «“Урало-Сибирский Даль” – так с полным правом мы можем назвать Владимира Павловича Бирюкова. Необозримы его труды в

собрании и глубинном изучении родного русского слова, его судьбы. Человек многочисленных познаний – языковед-русист, историк, археолог, этнограф, исследователь и собиратель устного народного творчества Урала, Зауралья и Западной Сибири, составитель непревзойденного, хотя и оставшегося в “карточках”, “Словаря народного языка на Урале” – В. П. Бирюков в подлинном смысле подвижник русской культуры, подобный Владимиру Далю, человек единой и высокой жизненной цели! ...Однако не лингвистом, не историком именуется он себя, а гордо произносимым – Краевед!» [Бирюков, 1969: 3].

Остальные слова, ареал которых выходит за пределы Пермской губернии, в большей части имеют соответствия прежде всего в говорах на территории Русского Севера: *безремень* – в архангельских, *безволье* – в вологодских, *бесстювный*, *бестювный*, *бесщувный*, *бесщувный* – в вятских и т. д., что связано с историей заселения Урала русскими, в первую очередь северянами.

В приведенном словнике основную часть составляют прилагательные и существительные, что в основном созвучно наблюдениям С. П. Обнорского: «Легко можно наблюдать преобладание производных образований с *без-* в группе имен прилагательных, поредение их у имен существительных (если не считать производных на *-ость* и др. от осложненных уже префиксом прилагательных) и бедность их среди глаголов, особенно же среди наречий» [Обнорский, 1960: 195].

Что касается наречий, то они составляют значительную часть в рассматриваемой уральской лексике – 28: *безодевши*, *безугомонь*, *безумывчи*, *безумывши*, *безусталь*, *безызбывно*, *безызносно*, *безызыянно* и др. Думается, несколько категоричным является положение С. П. Обнорского о том, что «обращает на себя внимание принадлежность значительного числа производных образований с *без-* книжному, литературному языку. Действительно, очень небольшие сравнительно слои лексики с *без-* можно было бы отметить как органические элементы диалектной речи» [Обнорский, 1960: 195]. Данные СРНГ (второй том которого вышел в 1966 г., т. е. уже после публикации работы С. П. Обнорского) позволяют усомниться в объективности оценки места подобных образований в русских народных говорах.

Очевидно, о бывшей продуктивности образований с *без-* / *бес-* свидетельствует наличие в составе устаревшей лексики групп одно-

коренных образований: *бездомица – бездомовничать – бездомовный – бездомовщина; безветерно – безветерность – безветерный; безвидно – безвидность – безвидный; безглазить – безглазно – безглазый; бездельница – безделюга – безделя – безделяга* и др.

О древности подобных образований явно свидетельствует и то, что часть этих слов в СРНГ имеет помету «фольклорное» и иллюстрируется фрагментами из записей, сделанных Е. В. Барсовым, А. Ф. Гильфердингом, П. В. Киреевским, П. Н. Рыбниковым, А. И. Соболевским и др. (прежде всего – на территории Русского Севера): *Надо слыть да бедной дочери безотней. Как печальной сестры да мне безбратней.* Олон., Барсов; *Как бы вера-та была, – жена мужа продала, Купила бы молодца молоденького, Да и холостенького, безбороденького!* Вят., Соболевский; *Как со стыду со страму со великого // А тут Олешенька Попович он, // Уехал он безвестно, не знают где.* Онеж., Гильфердинг; *Ты за что про что во тюрьме сидишь, За какие беды безголовные?* (песня) Урал, Киреевский и т. п. В 1898 г. в Екатеринбургском уезде пермской губернии зафиксирована загадка: *«Прилетела птица бесперая, села на дерево безлистое; пришла баба безростая, съела птицу бесперую».* (Снег и тепло).

Наряду с тем, что нельзя не считаться с мощным воздействием литературного языка на диалекты и, как следствие, – нивелировкой диалектных явлений на всех языковых уровнях, в данной группе устаревших диалектных слов одной из причин устаревания являются словообразовательные процессы и исторически сложившиеся в них тенденции. В современном русском литературном языке образование существительных и прилагательных с префиксом *без-* / *бес-*, обозначающих отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом, относится к непродуктивному типу [Грамматика 1970: 148, 211 – 212]. Существительные же и прилагательные с префиксом *не-*, обозначающие отсутствие того или противоположность тому, что названо мотивирующим словом, на словообразовательном уровне относятся к высокопродуктивному типу [Грамматика 1970: 149, 212]. В связи с этим несомненный интерес представляет тот факт, что уже в древнерусском языке сосуществовали как синонимичные префиксы *без-* и *не-*, при рассмотрении которых в составе древнерусских прилагательных В. Н. Виноградова отмечает: «Основной функцией обеих сосуществующих и взаимодействующих отрицательных приставок в древнерусском языке XI

XIV вв. было образование антонимов к качественным прилагательным (функцией приставки *не-* в большей степени, чем приставки *без-*)» [Виноградова, 1976: 223]. В связи с вышеуказанным, логичным представляется вытеснение многих диалектных слов с префиксом *без-* общерусскими лексемами с префиксом *не-*: *безволие – неволя*, *безгордый – негордый*, *бездоказанный – недоказанный*, *безызбывный – неизбывный*, *безызменность – неизменность*, *беспеременно – непременно* и др.

Часть рассмотренных слов, сохраняя в своем составе префикс *без-* / *бес-*, нейтрализована общерусскими лексемами с иными суффиксами: *бездорожь – бездорожье*, *безжалостливый – безжалостный*, *безветерность – безветрие*, *безграмота – безграмотность*, *безделка – бездельник*, *безделяга – безделье*, *беспрестани – беспрестанно*, *бескормность – бескормица*.

В составе устаревшей лексики имеется группа существительных общего рода: *бездомица*, *безделка*, *безделочка*, *безделушка*, *бездельница*, *безделюга*, *беспоясица*, *беспутка*, – отличительной особенностью которых являются экспрессивность и принадлежность к лексике народно-разговорного языка. Интересные наблюдения относительно подобных существительных в диахроническом аспекте содержатся в работе Ю. С. Азарх [См.: Азарх, 1984: 125 – 126]. По данным СГСУ и Дополнений к нему, в современных среднеуральских говорах продолжают жить существительные общего рода с префиксом *без-* / *бес-*: *безголосица* ‘тот, у кого плохой или слабый голос’, *бездомовица* ‘бесхозяйственный человек’, ‘неохотно идущий домой’, *беззаботина* ‘беззаботный, легкомысленный, непутевый человек’, *беззаботица*, *беззаботушка* ‘беспечный, бесхозяйственный человек’, *безработица* ‘уклоняющийся от работы человек, бездельник’, *беспонятица*, *беспута*, *беспутица*, *беспеля*, *бестолковица*, *бестолкуша*, *бессчёталю*, *бессчётица* ‘бестолковый, непонятливый человек’, *беспокоица*, *беспокойша* ‘беспокойный человек (чаще о детях)’, *беспелюха*, *беспелюга* ‘неряха’. Учитывая выразительность, экспрессивность подобных образований и наличие их в современных говорах, представляется возможным предположить, что часть их просто не зафиксирована (и попала в разряд устаревших), но продолжает использоваться диалектоносителями. Семантические диалектизмы, такие как *безгрешный* ‘маленький (о животном)’, *бездушный* ‘не имеющий запаха’, *бескровно* ‘неуютно’ и др., возможно, также употребляются в определенных жизненных ситуациях.

В современных уральских говорах (по данным СГСУ и Дополнений к нему, «Словаря русских говоров Соликамского района Пермской области», «Словаря деревни Акчим Пермской области») подобных образований значительно меньше, чем было; так, в среднеуральских говорах отмечено уже только 66 лексем с префиксом *без-* / *бес-*: *бездóмник* 'бесхозяйственный человек', *бездáпотник* 'бедняк, нищий', *безоблýжно* 'по совести, без обмана, по-настоящему, как следует', *бескудýшный* 'ни на что не способный, неумелый', *бесстáрка* 'нестареющая женщина', *безлýдые* собирает. 'бесправные люди', *бéзработь* собирает. 'лодыри', *безъéвши* 'не евши, голодом' и др., что свидетельствует не просто об утрате многих слов, рассмотренных выше, но, очевидно, и о снижении продуктивности определенной словообразовательной модели.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх Ю. С. Словообразование и формирование существительных в истории русского языка. М., 1984.

Баранникова Л. И. Изменения в лексике современных народных говоров // Учен. зап. Саратовск. пед. ин-та. Т. 43. Саратов, 1965.

Беляева О. П. Устаревшие слова в лексике сельского населения // Учен. зап. Пермск. пед. ин-та. Вып. 28. Пермь, 1961.

Бирюков В. Уральская копилка. Свердловск, 1969.

Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.

Виноградова В. Н. Прилагательные с отрицательными приставками *без-* и *не-* в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966.

Головин Б. Н. Словообразовательные типы глаголов с приставкой *вз-* // Очерки по русскому языку. Вып. 2. Киров, 1965.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Обнорский С. П. Префикс *без-* в русском языке // Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960.

Павленко П. И. К вопросу об употреблении слов с приставкой *воз-* в русских народных говорах // Вопросы изучения русских народных говоров. Л., 1972.

Павленко П. И. О словах с приставкой *воз-* в русских народных говорах // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974.

Павленко П. И. Структурно-словообразовательные особенности глаголов с приставкой *воз-* в говорах // Диалектная лексика. 1975. Л., 1978.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1. Пермь, 2000.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1. Свердловск, 1964.

СРГСУ-Д – Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения. Екатеринбург, 1996.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.; Л., 1966; Вып. 4. Л., 1969; Вып. 5. Л., 1970.

И. И. Бакланова

Пермь

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КАЧЕСТВЕННЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ¹

Диалектное словообразование, являясь частью общерусской словообразовательной системы, реализует общеязыковые тенденции развития данной системы, но вместе с тем не тождественно словообразованию русского литературного языка, который базируется, прежде всего, на письменных традициях. Поэтому сопоставление единиц и отношений словообразовательной системы говоров и литературного языка имеет большое значение для современного языкознания, так как показывает особенности развития не только диалектного, но и литературного словообразования. Вместе с тем словообразование диалектных слов относится к числу недостаточно изученных разделов диалектологии, несмотря на то, что началось уже достаточно давно, с 50-х годов XX века. И сегодня актуальными для исследования остаются направления, описанные еще в 60-е годы XX века О. Г. Пороховой. Она выделила «1) работы, в которых дается системное изучение словообразовательных моделей в каком-либо одном говоре без дифференциации фактов диалектных и общенародных; 2) работы, в которых диалектные факты рассматриваются дифференцированно от фактов общенародного языка» [Порохова, 1966: 137 – 138].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы». № РНП. 2.1.3.3440; 07-04-82409 а/У «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области».

В нашей статье рассматриваются словообразовательные возможности качественных имен прилагательных при образовании имен существительных и прилагательных. Осуществление данной цели стало возможным после выхода «Словаря пермских говоров» [СПГ], данные которого позволяют системно изучить явления диалектного словообразования. В своем исследовании мы опираемся на существующие в современном языкознании работы по субстантивному и адъективному словообразованию в современном русском литературном языке [Максимов, 1975; РГ; СС] и в русских народных говорах [Араева, Белова, Шапилова, 1992; Сахарный, 1965; Мошева, 1974; 1988; др.].

В определении понятия «словообразовательный тип» мы придерживаемся теории Е. А. Земской: «Словообразовательный тип – это схема строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы; 2) семантического соотношения между производными и производящими и 3) ... способа словообразования, а для аффиксальных способов тождественностью аффикса» [Земская, 2005: 190]. В соответствии с данной схемой мы выделили 55 словообразовательных типов отадъективных имен существительных и 24 словообразовательных типа имен прилагательных, мотивированных качественными и относительными прилагательными. Далее анализируются производные слова каждой части речи.

Субстантивы, структурно и семантически мотивированные качественными именами прилагательными, представляют собой подсистему с присущими только ей характерными особенностями. Отадъективные имена существительные объединяют свойства двух частей речи: имени прилагательного, относящегося к классу признаков слов, и имени существительного, обозначающего предмет [Араева, Белова, Шапилова, 1992: 97]. Большинство отадъективных существительных четко объединяются в определенные группы на основании каких-либо общих признаков (названия лексико-грамматических групп взяты из названной выше работы). Наиболее продуктивно образуются имена существительные, входящие в лексико-семантическую группу (далее ЛСГ) «**имя натурфакт**». В эту группу объединились названия растений по цвету (*чернушка, зеленуха, зеленица, зелёнка, зеленец, желтяк, желтик, желтовик, чернига, голубига, голубиха, синявка, белянки*), по вкусу (*горчушка, киселка, кислица, кисленица, кисленка*), по запаху (*душанка, душини-*

ца), по результату воздействия внешних факторов (*мерзляк* 'промерзшее сено, солома'; *мерзлядь, сырник*), по другим свойствам (*дикуша, мокруша*), названия и клички животных (*чернуха, чернядь, билька, бель, беляна, пестряк, красуля, бусёха*), названия почв (*беляк, красик, серовик*), названия частей тела человека (*белыш*), названия болезней (*мокрец*), названия природных явлений (*слабень 'сквозняк'; мокрень*).

Второй по количеству единиц является ЛСГ со значением «лицо». Она включает названия лиц по возрасту (*молодуха, молодица, молодавка, молодайка, молодяшка, молодёжник, малуха, большак*), физиологическому критерию (*кривушка, слепушка, глухотье*), внешнему виду (*белуха, жирнина*), социальному положению (*богатка, богатина, тупица* 'человек, находящийся в неопределённом положении, тупике'; *пьянник*), внутренним свойствам (*модник* 'привередник'; *хитряга, гордан*).

ЛСГ «**имя артефакт**» включает названия бытовых предметов (*косушка* 'папироса-самокрутка'; *пеструшка, пестрядь* 'пестрая ткань'; *чернядь* 'холст черного или синего цвета'); названия одежды (*голуха* 'овчинная шуба, не покрытая тканью'; *синюха* 'полотняная рубаха'); названия хозяйственных предметов (*тупица* 'тяжелый топор'), названия пищи (*белила* 'сметана'; *кисленик* 'пирог с начинкой из щавеля') и др.

ЛСГ «**отвлеченные понятия**» представлена следующими словами: это *душина, гнилина, дряхлина, пестрина; зарность* 'зависть'; *дурность, малость* 'молодые годы'; *мокредь; кривуля* 'кривизна формы'; *гнилодь; желтва* 'желтый цвет'. Как видим, выделение этой группы весьма условно, потому что в нее входят разные по значению слова.

Распределение слов по ЛСГ наглядно показывает, что отадеквативные имена существительные обозначают понятия, касающиеся многих сфер человеческой жизни: семья, социальный статус, работа, домашнее хозяйство, природа. У многих диалектных слов весьма прозрачна внутренняя форма. В качестве мотивирующей основы, как известно, могут выступать не только качественные, но и относительные имена прилагательные, однако качественные прилагательные в количественном отношении значительно превосходят относительные. Как отмечает Н. И. Шапилова, качественные прилагательные характеризуются высокой степенью абстракции, их значение во многом определяется представлением говорящего о норме, об эта-

лоне, поэтому и субстантивы, в основе которых лежат качественные имена прилагательные, часто субъективны, оценочны [Араева, Белова, Шапилова, 1992: 99]. Наши материалы полностью подтверждают это: *гнилина* 'гниль, ветхое жилье' (*Вернулась от сына-то, купили эту гнилину, так и живем в ней*); *слабень* 'сквозняк' (*Закройте-ка дверь: слабень дует*). Эти существительные относятся к лексике определительного, характеризующего типа. Существительные же, мотивированные относительными именами прилагательными, называют лиц по социальному положению (*женатик*); лодку по материалу (*осиновка*); одежду по ткани (*плюшка*) и др. Лексика данного типа носит предметный характер.

Наиболее продуктивными суффиксами существительных, образованных от прилагательных, являются: *-ушк(а)* (*чернушка, горчущика, молодущика*); *-ух(а)* (*чернуха, молодуха, белуха*), *-к(а)* (*зелёнка, душанка*), *-иц(а)* (*зеленица, кислица*), *-ин(а)* (*жирнина, душинина, гнилина*), *-ак(як)* (*пестряк, мерзляк*) и др.

Имена существительные, образованные от качественных прилагательных, в говорах имеют свою специфику, а именно: от одной и той же мотивирующей основы с помощью равнозначных формантов может быть образовано несколько однокоренных вариантов (синонимов). Наибольшее число таких образований появляется среди слов, определяющих очень близкие человеку понятия: молодую замужнюю женщину, сноху называют *молодушкой, молодухой, молодницей, молодайкой*; богатого человека – *богаткой* (о женщине), *богатиной*; траву, используемую для окрашивания ниток, – *зеленухой, зеленицей*; щавель – *киселкой, кислицей, кисленицей, кисленкой*; животное с белой шерстью – *билькой, беляной*.

Анализ словообразовательных типов отадъективных существительных показал, что, наряду с общерусскими, в пермских говорах имеются и особые словообразовательные типы, в которых формантами выступают следующие аффиксы: *-ан*, *-яшк(а)*, *-айк(а)*, *-енк(а)*, *-их(а)*, *-в(а)* и др.

Отадъективные имена прилагательные в пермских говорах могут быть образованы суффиксальным, префиксальным и префиксально-суффиксальным способами. Большинство из них входит в ЛСГ «**характеристика человека**». Данная ЛСГ включает прилагательные, характеризующие человека по **росту** (*громадновский* 'чрезвычайно большой'; *долганый* 'имеющий большой рост'; *неозойный* – 'неввысокий' (*озойный* – худой, тощий); **телосложению** (*здоровучий, здо-*

ровящий 'крепкого сложения'); степени приобретенной и врожденной привлекательности (*обрядненький* 'ласк. к *обрядный*'; *басенький*, *сталивенький* 'ласк. к *сталивый* 'красивый'; по внутренним качествам (*гордливый* 'гордый'; *утляный* 'недогадливый, несообразительный'; *матливенький*, *матливый* 'о человеке, употребляющем в речи нецензурную брань'; *малахольненький*; *угомонненький*; *неловченькой*; *бравистой* 'бравый, молодеватый'; *немоторный* 'нерасторопный, нерешительный'); по социальному положению (*богатишной*, *богатеещий*). Часть имен прилагательных представляет собой «характеристику неживых предметов», внутри которой тоже выделяются семантические подгруппы, например, по размеру (*крупняцкий*; *большенький*; *хрушкущий*; *матерущий*); по цвету (*пеганенькой* 'ласк. к *пеганый*'); по форме (*пологонький*, *ровненький*) и др.

В толковании данных слов присутствуют пометы «ласк.» и «увеличит.», указывающие, что словам присуща оценочность. И эта оценочность появляется в результате использования того или иного суффикса. В «Русской грамматике» говорится, что имена прилагательные с суффиксом *-уц(ий)* относятся к разговорной и просторечной лексике с экспрессией грубоватости [РГ, I: 300].

Имена прилагательные, образованные с помощью суффикса *-ёхоньк-*, также означают усиленную степень качества в сочетании с ласкательностью. Например: *пьянёхонький* 'очень пьяный'; *полёхонький* 'усилит. к *полый*'; *простёхонький*, *полнёхонький*, *басёхонький*, *коротёхонький* и др.

Проанализировав суффиксальное словообразование отадъективных имен прилагательных, мы можем сделать следующие выводы. Наиболее продуктивными в пермских говорах являются словообразовательные суффиксы: *-еньк-*; *-уц-*; *-ёшеньк-*. Диалектными следует считать следующие типы: качеств. прил.+ *-ан-* / *-ян-* → прил.; качеств. прил.+ *-ляв-* → прил.

Среди приставочных имен прилагательных наиболее продуктивны единицы, образованные с помощью приставки *не-*. В литературном языке данный тип тоже считается высокопродуктивным. Прилагательные данного типа означают отсутствие или противоположность того признака, который назван мотивирующим словом: *неятный* 'несясный, неотчётливый'; *негораздный* 'неумелый, неловкий' (ср.: *гораздный* 'умелый, искусный'); *негожий* – 'ни к чему не пригодный' (ср. *гожий* 'пригодный для чего-либо'); *невытнный* – 'жад-

ный к еде' (ср.: *вытный* 3 'такой, который мало ест, но быстро наедается'); *неразбегной* 'предпочитающий проводить свободное время дома, домосед' (ср.: *разбегной* 'любящий погулять, непоседливый'); *ненаречистый* 'не умеющий хорошо говорить' (ср.: *наречистый* – 'красноречивый') и др.

Прилагательные с приставкой *недо-* означают неполноту признака: *недопонимающий* 'умственно отсталый'; *недоразумительный* 'то же, что *недопонимающий*'; *недоумный* 'неразвитой'.

Своей необычной, застывшей формой интересны слова, обозначающие неполноту признака, названного производящей основой, недостаточную интенсивность окраски, точнее, слабо выраженное наличие цвета или слабый его оттенок. Например: *сбела-* 'светлый, белый цвет' (*Рыжики-то сбела бывают, пригарчивают немного*). Все слова данного типа отличаются четкой оформленностью, ярко выраженной членимостью и неизменяемостью. По своей структуре они похожи на наречия. Но, с точки зрения А. А. Мошевой, это префиксально-суффиксально образованные прилагательные [Мошева, 1974, 122]. Семантически диалектные формы *сбела*, *сголуба* эквивалентны именам прилагательным литературного языка *беловатый*, *голубоватый*, которые, в свою очередь, не являются характерными для говоров Пермского края.

Итак, поводя итоги своей работы, отметим, что наши результаты перекликаются с выводами Л. В. Сахарного, Л. А. Араевой, Н. И. Шапиловой и других исследователей диалектного словообразования в том, что диалектная речь как устная форма бытования языка располагает большей свободой выбора, она не ограничивается традицией, характерной для литературного языка, поэтому диалектное словообразование отадъективных имен существительных и прилагательных слов отличается вариативностью словообразовательных типов. В пермских говорах в анализируемых словах не выявлено ни одного диалектного аффикса, лишь в двух случаях значение суффикса имен существительных в говорах не соответствует его значению в литературном языке. Например, суффикс *-к(о,а)* в русском языке может образовывать имена существительные, обозначающие названия одежды, обуви, но при этом имя прилагательное является относительным (*кожанка*), а в говорах в качестве мотивирующей основы используется качественное прилагательное (*тяжелко*) [РГ, I : 172]. Суффикс *-ин(а)* в русском языке используется для образования слов-названий веществ, материалов, видов одежды.

мест, лиц и др. В говорах этот суффикс нередко образует слова со значением опредмеченного признака: *душина*, *гнилина* [РГ, I: 173]. К числу диалектных адъективных словообразовательных типов можно отнести образование от качественных прилагательных с помощью суффиксов: *-ляв-* (*гордлявый*); *-ан(ян)-* (*долганый*).

Отадъективные имена существительные и прилагательные в пермских говорах представляют собой большой пласт лексики характеризующего типа, при этом большинство слов являются оценочными, особенно имена прилагательные. Средствами выражения оценки выступают как сами основы качественных прилагательных, так и суффиксы субъективной оценки. Особенность словообразования данных имен существительных и прилагательных заключается в вариативности словообразующих средств, в наличии синонимичных формантов, участвующих в образовании однокоренных слов-синонимов. Представленные в говорах имена существительные и прилагательные образованы как по моделям литературного языка, так и собственным диалектным типам. Все форманты известны русскому языку. Следовательно, специфика диалектного словообразования не столько в наличии диалектных приставок и суффиксов, сколько в формальной и семантической сочетаемости мотивирующей основы и словообразовательных формантов.

ЛИТЕРАТУРА

Араева Л. А., Белова Б. А., Шапилова Н. И. и др. Словообразовательная система русских говоров Кузбасса. Субстантив. Часть 1. Кемерово, 1992.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 2005.

Максимов В. И. Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975.

Мошева А. А. Прилагательные цвета в народном говоре (внутриадъективное словообразование) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1974. С. 118 – 127.

Мошева А. А. Отадъективные имена существительные, обозначающие лицо, в литературном языке и народном говоре // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1988. С. 45 – 57.

Порохова О. Г. К истории изучения словообразования в русских народных говорах // Лексика русских народных говоров. М.; Л. 1966. С. 126 – 149.

Сахарный Л. В. Словообразование имен существительных в русских говорах Среднего Урала. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Пермь. 1965.

СОКРАЩЕНИЯ

РГ – Русская грамматика. В 2-х т. Т. I. М., 1980.

Ю. В. Зверева
Пермь

**ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ,
НАЗЫВАЮЩИХ ЛИЦ ПО РЕМЕСЛУ И ЗАНЯТИЯМ
(на материалах картотеки «Словаря чердынских говоров»)¹**

Тематическая группа «Человек» включает в себя большое число слов, называющих человека по роду деятельности. Лексический состав этого рода номинаций постоянно пополняется новыми словами, что связано с изменениями в социальном устройстве общества, с исчезновением ряда профессий и появлением новых. В то же время в говорах Северного Прикамья сохраняется значительное количество лексики, устаревшей в литературном языке. Целью нашей работы является описание и анализ словообразовательной структуры существительных, называющих человека по роду деятельности. Настоящее исследование основано на данных картотеки «Словаря чердынских говоров», сбор материала для которой начался в 50-е годы прошлого века и продолжается до сих пор.

Как и в других русских говорах, самым продуктивным способом образования существительных данной семантической группы является суффиксальный [Азарх, 2000: 15]. Большинство имен существительных, называющих человека по трудовой деятельности, образуется с помощью форманта *-чик-* / *-щик-* / *-л'щик* / *-овщик-* и его модификатов со значением женскости *-чиц(а)* / *-щиц(а)* / *-л'щиц(а)*. Дериваты с этим формантом образуются от глаголов конкретного действия, а также существительных, обозначающих орудие и объект действия. Большинство производных с этими суффиксами называется в чердынских говорах людей, занимающихся сельскохозяйственными работами: *борон/щик* 'боронильщик'; *греб/щик*, *греб/ёнщица*

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы». РНП. 2.1.3.3440.

‘тот, кто сгребает сено’; *коп/эльщик, копни/льщик* ‘тот, кто сгребает сено в копны’; *коси/льщик, коси/льщица* ‘тот, кто косит траву’, *мёт/льщик, мёт/щик, мёт/льщица, мёт/щица* ‘тот, кто мечет сено в стог’; *сваль/щик* ‘тот, кто сваливает удобрение на поле’; *сея/льщик, сея/льщица* ‘тот, кто сеет’; *стогов/щик* ‘тот, кто сгребает сено в стог’; *суковатчик, суковат/щица* ‘тот, кто боронит *суковаткой* – сельскохозяйственным орудием, изготовленным из распиленной надвое суковатой елки’, и др.

На севере Прикамья, кроме сельского хозяйства, традиционными занятиями были охота и рыболовство, поэтому дериваты с этим формантом служат для именованя людей, участвующих в этой деятельности (обычно это существительные мужского рода): *витель/щик* ‘тот, кто ловит рыбу с помощью *вителья* – конусообразной сети на обручах’, *загон/щик* ‘тот, кто загоняет зверя в ловушку’, *морд/овщик* ‘тот, кто ловит рыбу с помощью *морды* – рыболовной снасти в виде мешка’, *удиль/щик, удиль/льщица* ‘тот, кто ловит рыбу удочкой’. С середины XIX века жители Северного Прикамья занимались заготовкой и сплавом леса, в XX веке эта сфера деятельности расширилась, что привело к появлению значительного пласта лексики, связанной с лесоразработками. Большое количество дериватов с формантом *-чик-* / *-щик-* называют людей, занятых в этой сфере: *балан/щик* ‘тот, кто занимается заготовкой *баланов* – бревен’; *валь/щик, валь/щица* ‘рабочий, занимающийся валкой леса’; *курень/щик* ‘старший над группой рабочих, занимающихся заготовкой леса’; *пикет/чик* ‘рабочий на *пикете* – участке леса, отведенном для работ, связанных со сплавом леса’; *пил/щик, пил/овщик* ‘рабочий, занимающийся подпиливанием деревьев’; *плав/щик* ‘рабочий, который занимается сплавом леса’; *ухват/щик, ухват/чик, ухват/щица* ‘работник на сплаве леса, подтягивающий плот или отдельные бревна’.

Формант *-чик-* / *-щик-* и его модификаты служат для номинации лиц и по другим видам деятельности (такие дериваты могут иметь синонимы в литературном языке): *вар/ельщик* ‘повар’, *вест/овщик* ‘почтальон’, *базар/щик* ‘торговец’, *уход/щица* ‘женщина, которая ухаживает за скотом’, *чита/льщица* ‘женщина, которая читает молитвы над покойником’.

Ю. С. Азарх отмечает продуктивность этого суффикса в современных говорах разных регионов [Азарх, 2000: 19], активно функционирует он и в речи жителей Северного Прикамья. Так, суффикс

-щик- может присоединяться к бессуффиксальным существительным и к сложениям с нулевым суффиксом: *комедиан/щик* 'клоун', *штукатур/щик* 'штукатур', *катаваль/щик* 'человек, занимающийся изготовлением валенок'. Этот суффикс участвует в образовании новых слов, в том числе не свойственных литературному языку: *план/щик* 'тот, кто составляет планы', *наём/щик* 'тот, кто нанимается на работу', *наряд/чик* 'тот, кто дает наряды на работу', *снимальщик* 'тот, кто снимает на пленку, фотограф'. Слова с этим суффиксом соотносятся со словообразовательными синонимами: *гармон/щик* – *гармон/ист*, *гармон/щица* – *гармон/ист/ка*, *учитель/щица*, *учитель/ница* – *учител/ка*, *семен/щица* – *семен/ица*.

Существительные со значением лица – производителя действия – активно образуются с помощью суффикса -ник- / -льник- и его модификатов со значением женскости -ница(a), -льница(a). Последовательная оппозиция по признаку пола возникает в тех случаях, когда род деятельности свойствен и женщинам, и мужчинам: *браж/ник* 'тот, кто делает брагу' и *браж/ница*; *двор/ник* 'человек, ухаживающий за лошадьми' и *двор/ница*; *скот/ник* 'человек, ухаживающий за скотом' и *скот/ница*; *слов/ник* 'человек, лечащий с помощью заговоров (слов)' и *слов/ница*; *трав/ник* 'человек, лечащий травами' и *трав/ница* (*трав/еница*). Часть наименований лиц женского пола по профессии с этим суффиксом не имеет коррелята мужского рода, что объясняется спецификой работы, которую обычно выполняют именно женщины: *баб/ица* 'женщина, принимающая роды'; *кудэль/ница* 'женщина, которая занимается выращиванием и обработкой льна'; *курят/ница* 'женщина, ухаживающая за курицами'; *мыт/ница* 'женщина, помогающая мыть поля'; *семен/ица* 'женщина, которая выращивает на продажу семена; *тонкопряд/ица* 'женщина, которая умеет прясть тонкую пряжу'. С особенностями выполняемого труда связано и отсутствие у некоторых существительных мужского рода с этим формантом производных со значением женскости: *страж/ник*, *медвежат/ник* 'охотник на медведей', *мель/ник*, *рат/ник*.

Преимущественно наименования с этим суффиксом мотивируются конкретными существительными, обозначающими объект и место действия: *бан/ница* 'женщина, готовящая баню', *горшоч/ник* 'человек, изготавливающий глиняную посуду', *квас/ник* 'мужчина, делающий квас', *строш/ница* 'работница, нанимаемая на опреде-

ленный срок', *кудэль/ниц/а*, *корóв/ниц/а*, *лес/ник*, *семен/иц/а*. Небольшая часть наименований лиц с этим суффиксом образована от глаголов – *мыт/ниц/а*. Девербативы обычно имеют формант -л'ник, -л'ниц(а): *води/льник*, *торговá/льниц/а*, *корми/льниц/а*, *пéсе/льник*, *пéсе/льниц/а*. Часть существительных с суффиксом -ниц(а) имеет в говорах соотносительные образования с другими формантами: *кухár/к/а* и *кухár/ниц/а*, *пестун/[j-]/а* и *пестун/ниц/а*. О производительности форманта в чердынских говорах свидетельствует появление новообразований: например: *грабёж/ниц/а* 'женщина, занимающаяся воровством', *культу́р/ник* 'заведующий клубом'.

Другие суффиксы, служащие для номинации лиц по функциональному признаку, либо менее продуктивны в чердынских говорах, либо вовсе не участвуют в образовании новых слов. Так, слова с суффиксом -ец-, называющие лиц по роду деятельности, воспроизводятся в чердынских говорах, обычно они известны литературному языку: *греб/ёц*, *жн/ец*, *кос/ёц*, *сидё/лец*, *шв/ец*. В говорах Северного Прикамья эти слова соотносятся со словообразовательными (*греб/ёц* и *греб/щик*, *кос/ец* и *коси/льщик*) или лексическими синонимами (*сидё/лец*, т.е. *торговец*; *шв/ец*, т.е. *портной*). Слова с суффиксом -ец- воспринимаются носителями говора как устаревшие, вышедшие из употребления, в речи они поясняются словом-синонимом (*Сиделец* – *это торговец вином, водкой в бытность старого режима*. Пянтег, Черд.; *А шубы шили, гуни шили тожэ приезжали. Их не портными раньше звали – швечи, швеч, раз шьёт дак. А нынче портные*. Кедровка, Черд.; *Швецы – портные шили шубы*. Шипицыно, Гайн.)

Небольшое количество дериватов, характеризующих лицо по функциональному признаку, образуется с помощью суффикса -ар'-. Эти образования мотивируются глаголами и существительными, обозначающими объект действия. Часть из них известна литературному языку: *бонд/арь*, *знах/арь*, *золот/арь*, *кос/арь*, другие употребляются в говорах: *почт/арь* 'почтальон', *свин/арь* 'человек, ухаживающий за свиньями', *шишк/арь* 'человек, занимающийся сбором кедровых шишек'. Слово *косарь*, кроме литературного значения, в говорах имеет другое: 'тот, кто изготавливает косы' (*Косарь косы делает*. Покча, Черд.). Скорее всего, оно возникло потому, что значение 'человек, косящий траву' также имеет словообразовательные синонимы *косец* и *косильщик*.

Наименования лиц по роду деятельности с суффиксом *-тель* единичны в чердынских говорах, обычно это слова общерусские: *лесозаготови/тель*, *нанима/тель*, *сеят/ель*. Слово *вожак/тель* 'воспитатель', возможно, образовано по аналогии со словом *воспитатель*, но от глагола *водить*, одно из значений которого в говорах 'присматривать за детьми' (ср.: *водильник*; см. также: *вожжаться*, *вожгаться* [СРНГ, 5: 10]).

Малопродуктивен в говорах формант *-ач-*, дериваты образуются от бесприставочных глаголов: *сев/áč* 'тот, кто сеет', *толк/áč* 'тот, кто валит спиленное дерево'. Слово *изб/áč* является общерусским, но в чердынских говорах оно имеет значение не только 'работник избы-читальни', но 'заведующий клубом'. Вероятно, в говорах произошло расширение семантики, которую можно охарактеризовать как 'человек, связанный с культурой, просвещением'.

Единичны в чердынских говорах и дериваты с формантами *-ок-*, *-ист*, *-атай-*, обозначающими человека по роду занятий. Эти либо общерусские слова, активно функционирующие в языке (*игр/ók*, *стрел/ók*, *гармон/úst*), либо устаревшие (*ор/áтай*). Формант *-ист-* как известно, является иноязычным, поэтому дериваты с этим суффиксом в говорах не распространены. В КЧС фиксируется только одно слово, которое не встречается в литературном языке, – *чен/úst* 'владелец частного предприятия'. Его появление свидетельствует о социальных изменениях, происходящих в современной деревне.

Продуктивной моделью наименований лиц по функциональному признаку является сложение с нулевым суффиксом. Часть таких существительных являются общерусскими: *бороноволók* 'боронильщик', *катавал*, *коновал*, *костоправ*, *рыболók*, *счетовód*, другие распространены в чердынских говорах: *дроворуб* 'человек, рубящий дрова', *коновор* 'тот, кто ворует лошадей', *конопат* 'человек, занимающийся затыканием щелей в домах, в лодках', *лесовоз* 'тот, кто возит лес', *молоковоз* 'тот, кто возит молоко', *мясорез* 'тот, кто режет мясо', *пилоправ* 'тот, кто точит пилы', *пимокат* 'человек, занимающийся изготовлением пим – валенок', *русковед* 'учитель русского языка', *сучкоруб* 'рабочий, обрубающий сучья у деревьев', *тестомес* 'человек, который месит тесто'. Интересно, что такие образования могут обозначать и мужчин, и женщин, занятых какой-либо деятельностью (*Лесовозами мужчин звали и женщин звали, они брёвна возили*. Покча, Черд.; *Она молода-то валенки катали, пимокатом была*. Купчик, Черд; *Как-то работала я в Шакишере*.¹¹

раньше ну, *шшытоводом* я в колхозе работала. Кирьяново, Черд.; Я *тестомесом* робила на пекарне. Покча, Черд.; Дочка у меня тоже на *русковеда* училась. Вильгорт, Черд.).

Активным в чердынских говорах является формант *-к(а)*, с помощью которого образуются модификаты со значением женскости: *бороноволóч/к/а* ← бороноволок, *избáч/к/а* ← избач, *конопáт/к/а* ← конопат, *медíч/к/а* ← медик, *учítел/к/а* ← учитель, *шахтёр/к/а* ← шахтёр, *швэй/к/а* ← швец. Другой продуктивный суффикс для образования существительных со значением женскости – *-их(а)*: *жнеч/íх/а* ← жнец, *конюш/íх/а* ← конюх, *косар/íх/а* ← косарь, *пастуш/íх/а* ← пастух, *суковáтч/их/а* ← суковатчик. Немногочисленны в чердынских говорах слова с суффиксом *-ух(а)*, часть из них мотивируется существительными мужского рода: *колд/úх/а* ← колдун, *повар/ю́х/а* ← повар, другие – глаголами: *заговорúха* ‘женщина, которая лечит с помощью заговоров’ ← *заговаривать*, *шопт/úх/а* ‘женщина, которая лечит, шепча заговоры’ ← *шептать*.

Существительные со значением женскости с суффиксом *-j* обычно образованы от существительных мужского рода с суффиксом *-ун-*: *колду́нья* ← колдун, *песту́нья* ← пестун ‘тот, кто присматривает за детьми’, *плясу́нья* ← плясун. Но встречаются девербативы с этим суффиксом в сочетании с морфонологическим наращением *-л’*: *жа́лья* ← *жать*, *мы́лья* ← *мыть*, *прéлья* ← *прясть*, *тка́лья* ← *ткать*. В говорах употребляются словообразовательные дублеты этих существительных: *жалья* и *жнечиха*, *мылья* и *мытница*, *прелья* и *пряха*, *ткалья* и *ткачиха*. Наличие дублетов объясняется непродуктивностью суффикса *-j*, образования с ним вытесняются словами с более активными формантами.

Таким образом, наиболее продуктивными формантами в образовании существительных, наименованиях лиц по функциональному признаку, являются суффиксы *-щик-* / *-чик-*, *-ник-* и их модификаты со значением женскости. Другие суффиксы (*-ец-*, *-арь-*, *-ок-*, *-ач-*) редко участвуют в создании новых слов, большинство существительных с ними являются воспроизводимыми. Отличительной особенностью чердынских говоров является продуктивность сложения с нулевой суффиксацией.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх Ю. С. Русское диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.

Гайн. – Гайнский район Пермского края.

КЧС – Картотека «Словаря чердынских говоров».

Черд. – Чердынский район Пермского края.

С. М. Поздеева
Пермь

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОТИВАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ¹ (на материале пермских говоров)

Исследование посвящено культурно-семиотической структурированности и интерпретации диалектной лексики. Материалом для изучения культурной мотивированности диалектного словаря послужила лексика болезни пермских говоров. Эта группа слов неоднократно исследовалась на материале русских территориальных диалектов [Меркулова, 1967; 1970; Ганцовская, Лебедева, Никулина, 1994; Ганцовская, Красильщик, 1996; Проценко, 2001; др.]. Наши наблюдения основаны на структурно-семантической интерпретации лексики источников, содержащих пермскую лексику. Это «Словарь говоров Соликамского района Пермской области» под ред. О. П. Беляевой, «Словарь пермских говоров Прикамья» (вып. 1–2) под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой, «Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области» (вып. 1–5) под ред. Ф. Л. Скитовой, «Словарь юрлинского говора» А. А. Бахматова, И. А. Подюкова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных, а также собственные записи речи носителей пермского говора.

Выявление культурных ассоциаций осуществляется посредством определения мотивированности слова, выявления в структуре его внутренней формы мотивировочных и/или классификационных признаков. Под *мотивированностью* вслед за О. И. Блиновой мы понимаем структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать взаимообусловленность его значения и звучания на основе

¹ Статья выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых российских ученых и ведущих научных школ («Культурно-языковое своеобразие русских Южного Прикамья МК-4201.2007.6).

соотносительности с языковой (т.е. на основе мотивационной связи с другими словами-мотиваторами) и неязыковой действительностью (предполагается, что в том числе и культурной); под *мотивировочным признаком* – выраженный в слове непосредственно или опосредованно номинационный признак обозначаемого; под *классификационным признаком* – выраженный в слове посредством формантной части признак принадлежности обозначаемого к определенному классу предметов, понятий и т.п. [Блинова, 2007: 34]. Например, мотивировочный признак *вода* непосредственно представлен в лексеме *водяница* – ‘скопление жидкостей в полостях и тканях тела; опухоль’ и опосредованно – в словах типа *притка* – ‘кожное заболевание’. Его участие в номинациях данных болезней проясняется через мотивационную связь данных слов с существительным *вода*, глаголом *притекать* – ‘перемещаясь, появиться где-нибудь (о реке, ручье)’, а также через референцию мотивировочного признака *воды* к реальной симптоматике болезней (появлению жидкости в тканях организма), а также к тексту культуры (обрядовой практике насылаения болезни посредством воды).

Выявление семантически близких (инвариантных) для лексем одного семантического поля культурно-коннотативных мотивировочных и/или классификационных признаков позволяет представить их в организации культурно-мотивированных групп.

В результате анализа и классификации мотивировочных и/или классификационных признаков было установлено три основных смысловых инварианта, позволяющих интерпретировать отдельные участки семантического поля «Болезнь» как реализацию трех культурных моделей: «болезнь как природное явление», «болезнь как персонифицированный образ» и «болезнь как носитель внешних признаков».

Наиболее разнообразной в своих вариантах оказалась модель «**болезнь как природное явление**» (176 лексических единиц – 22,7%), являющаяся отражением мифологического представления о психофизиологическом единстве человека и природного мира. Весьма устойчивой ассоциацией в народном сознании признано уподобление болезненного состояния плохой, ненастной погоде. Показательны в этом плане следующие лексемы: *закуржить* ‘заболеть, занемочь’ (в мотивированности *закуржить* ‘начаться ненастью’), *хезнуть, хизнуть* ‘болеть, дряхлеть’, *хижа* ‘болезнь’ (в мотивационных отношениях с *хезнуть, хизнуть* ‘мокнуть, киснуть’),

этимологически восходящих к *хижа* 'сырая погода, снег с дождем', 'ветер со снегом'). В глубине этих обозначений заключено не только указание на погодную причину болезненного состояния, но и уподобление физиологического состояния человека природному процессу. Продолжением данного ряда стали лексемы, построенные на соотношении болезненного состояния человека с процессами гниения, распада живой органической материи: *гнить* 'болеть' (*Со всем со здоровьем-то плохо, голова гнить стала*. Октябрьский район Пермского края), *прелый* 'поврежденный болезнью', *плесень* 'больной, простуженный человек', *модеть* 'болеть тяжелой болезнью' (от *модеть* 'гнить, портиться, киснуть').

Рефлексом природного мифологического осмысления болезни явились лексемы, мотивированные символикой природных стихий. «Живительная» символика воды обусловила ассоциацию «исчезновение воды» – «исчезновение, ухудшение жизни» (в т.ч. таких ее состояний, как молодость, красота, здоровье). Данная ассоциация реализовалась в пермских говорах в лексемах *дряблый* 'больной', *дрябнуть* 'терять упругость тела вследствие болезни', *сохнуть* 'худеть от болезней; терять способность действовать (о частях тела)', *истекать* 'слабеть, становиться хуже'. Приписывание водной стихии отрицательных смыслов определило аналогию «появление воды» – «возникновение болезни». Мотивировочные признаки воды, ассоциативно выраженные в лексемах *притка* 'кожное заболевание' (от *притечь*: *Притка с воды бывает. Притка в виде чесотки*. Красновишерский район Пермского края), *наплывать* 'появляться опухоли, отеку', помимо отражения реальной симптоматики болезней, содержат указание на ритуальное пускание болезни по воде. Аналогичны им лексемы с корнем *-ветр-*: *поветрище* 'эпидемия', ср. арх. *поветря* 'эпидемия', *выветриться* 'похудеть', ниж. *поветря* 'болезнь', *ветреница* 'опухоль', *ветренное* 'напускная по ветру болезнь'.

Культурной коннотацией отмечены и мотивировочные признаки огня. Языковая мотивированность *огневица* арх., волог., вят., перм. 'лихорадка, горячка', челяб. 'тиф', костр. 'скарлатина', пск., смол. 'гангрена', вят., пск., твер. 'болезнь, при которой на нижней губе образуются прыщи', *огневка* арх., волог., вят., перм. 'горячка', волог. 'тиф', арх. 'оспа, корь', 'чирей' может быть дополнена отсылкой к народным почитаниям огненной стихии: известны народные

запреты плеванья в огонь («иначе рот перекосит», «усохнешь», «на губах и на языке появятся язвы»).

Единичны ассоциации болезней с темой земли: *землистый* 'о болезненном цвете лица', что задано архаическим представлением о сотворенности человека из земли (ср. также ассоциацию земли с образом матери: *его земля нежит* 'о полном, здоровом человеке').

Семантическое поле «Болезнь» структурируется и лексемами изначально связанными с растительными и животными объектами. Ими прежде всего становятся известные своей мифологичностью грибы, цветы, змеи, жабы, мыши. Наделение в народной культуре гриба демонической сущностью, устойчивое рассмотрение его как представителя мира смерти (ср.: народную примету «*Много грибов – много гробов*») послужило основой для паронимического сближения в говорах слов *гриб* и *грипп*: *гриб, грибок* 'грипп' (Тут одна уж у нас опять заболела грибом. Добрянский район Пермского края); *грибовать* 'болеть гриппом'. Как факт народной «этимологической магии» может быть рассмотрено аттракционное сближение *губа* 'гриб' с *губиться* 'слабеть здоровьем', *губница* 'больной человек' (Вон на снимке-то губница кака, страшная: пристала вся, видно, да хворала – вот губница и вышла. Соликамский район Пермского края), а также с *губить* 'приводить к гибели'. Подобное сближение свидетельствует о связанности в народном сознании болезни и смерти. Продолжением данного ряда стала лексема *цвети* 'покрываться сыпью, прыщиками, слизью', отсылающая к распространенным в славянской культуре поверьям, что кожные заболевания вызываются женскими мифологическими существами, посыпающими людей цветами.

Наличие в семантическом поле целой группы слов, мотивировочные и/или классификационные признаки которых указывают на демоническое существо или человека со сверхъестественными способностями, позволило сформировать культурную модель «**болезнь как персонифицированный образ**» (248 лексических единиц – 32%). Мотивировочные и / или классификационные признаки лексем с семантикой болезни раскрывают представление в народном сознании болезни в виде персонифицированных духов времени: *полуденница, полуночица* 'детская болезнь, при которой дети не спят и плачут' (в мотивационных отношениях с *полудница, полуденница* 'приведение, дух зреющих хлебов и овощей', *полунощица* 'демонологический персонаж'), *веснуха* 'болезненное ощущение в костях,

проявляющееся весной; ломота' (*Перед дождем ноги гудят, а весной веснуха ломат.* Кишертский район Пермского края), *весновка* 'лихорадка' (*Я напился студеной браги – весновка и напала на меня.* Соликамский район Пермского края). Персонификация болезни в демонических образах раскрывается в народных названиях с мотивировочными признаками, напрямую указывающими на лексемы *бес, черт* (*беснуха* 'бессонница') или их эвфемистические замены типа *косой, кривой* (слова *прикосливый* 'часто болеющий от дурного глаза', *прикос* 'косоглазие на один глаз', *кривуха* 'одноглазый человек' фиксируют физический асимметризм – устойчивую демоническую черту). Распространены в говорах и лексемы, представляющие болезнь в близких характеристиках *враг, тошной, дикий, лихой* (*лихорадка* буквально 'зла желающая').

Маркированность понятия «болезнь» культурно-мифологическими смыслами раскрывается и в мотивированности лексем семиотически значимыми признаками. Группа номинаций «**болезнь как носитель внешних признаков**» (352 лексические единицы – 45,3%) представлена образами, указывающими на количественные характеристики, форму, движение и цвет. Значительная часть слов с семантикой болезни содержит классификационные признаки отсутствия, недостатка, позволяющие трактовать болезнь как отсутствие здоровья (*нездороведь* 'болезнь'), жизни (*незаживенький* 'плохой, неважный'), развития (*неразвитной* 'слабый'), силы, активности (*незамочь* 'потерять физическую силу', *безробельный* 'больной').

Традиционным для говоров стало представление болезни в признаках отсутствия целостности, правильности формы объекта. Проявлением семиотической оппозиции «прямое – кривое» стали ассоциации болезни с кривым, изуродованным: *гнутья* 'болеть', *кособенить* 'сводить судорогами', *витья* 'испытывать боль'. Близки к ним по мотивации слова, представляющие болезнь в мотивировочных признаках ломаного и рваного: *изломать* 'надорвать здоровье', *заломить* 'слечь в результате болезни', *рвота* 'резкая, нестерпимая боль', *изрыватья* 'подрывать свое здоровье' (ср.: *цельноможный* 'сильный, здоровый').

Фиксируются в пермских говорах и номинации болезней, построенные на отрицательных символических ассоциациях «двигательных» признаков. Такими признаками являются признаки *витья* верчения, лежания и стояния, традиционно связываемые с тематикой смерти (*лежать* 'болеть', *опристать* 'потерять способность'

двигаться в результате болезни'). Болезнь устойчиво трактуется как приближение человека к потустороннему миру, маркером которого выступала нижняя часть мироздания, в связи с чем *падный* 'безнадежно больной', *спускаться* 'терять признаки жизни', *осесть* 'ослабнуть здоровьем'.

Отмечены в говорах и мотивации лексики болезней символикой цвета. Они особенно очевидны в номинациях болезней, для которых цветовая характеристика не является типичным внешним признаком: *желтея*, *желтуха* арх., волог. 'лихорадка', новг. 'чахотка', ворон. 'малокровие', орл. 'детская болезнь' (дополнительно здесь задействовано ассоциативное сближение желтого цвета с темой смерти и демоничности, ср.: влад. *Желтея* 'существо женского пола, олицетворяющее лихорадку', *желтыня* 'мать лихорадок'). Рефлексом восприятия синего цвета как указания на отсутствие плотского, телесного стали лексемы *синюшнй* 'человек слабого здоровья, хилый', *синехребтый* 'тощий'. Исключенность больного из «этого» мира, приближенность его к потустороннему миру подчеркивается также белым цветом, традиционно маркирующим области, не связанные с земным, материальным существованием: *белый* 'болезненный'.

Таким образом, все разнообразие культурных мотивировок (мотивировочных и/или классификационных признаков) лексических составляющих семантического поля «Болезнь» может быть сведено в систему культурно-семантических инвариантов, раскрывающих народную интерпретацию болезни как негативного явления, объективируемого народным сознанием в природных явлениях, персонафицированных образах или внешних признаках объекта.

ЛИТЕРАТУРА

- Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты. Томск, 2007. – 394 с.
- Ганцовская Н. С., Красильщик Е. А. Народные названия анимальной медицины как предмет ареальной лингвистики // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1994. СПб, 1996. С. 114 – 119.
- Ганцовская Н. С., Лебедева И. В., Никулина Т. Е. Лексика по теме «Народная медицина. Болезни» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1992. СПб, 1994. С. 121 – 127.
- Меркулова В. А. Народные названия болезней, I: На материале русского языка // Этимология. 1967. М., 1969. С. 158 – 172.

Меркулова В. А. Народные названия болезней, II: На материале русского языка // Этимология. 1970. М., 1972. С. 143 – 206.

Народная медицина // Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Часть 1. СПб, 1994. С. 79 – 86.

Проценко Б. Н. Лексика медицинских заговоров и оберегов и картотека ЛАРНИГ // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1998. СПб, 2001. С. 87 – 94.

И. В. Демакова
Вологда

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ГОВОРАХ ХАРОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучение морфемного словообразования имен существительных в русских говорах составляет одну из актуальных проблем диалектного словообразования. Эта проблема широко рассматривается в структурно-семантическом [Васильченко, 1996], лингвогеографическом [Азарх, 2000] и когнитивном аспектах [Вендина, 1998]. Лексическую основу работ по диалектному субстантивному словообразованию достаточно часто составляют севернорусские говоры, в том числе и вологодские [Урманчеева, 2003; Крылова, 2007; др.]. Эти работы опираются на лексику сходных словообразовательных значений (например, наименование лица по отношению к характерному для него действию или признаку) или одного словообразовательного типа (например, наименование незрелых существ или собирательного множества предметов). При этом в исследованиях по вологодским говорам пока еще отсутствуют опыты системного описания субстантивного словообразования в речи жителей одного административного района при многочисленности подобных наблюдений в сфере глагольной лексики [Маслова, 2002; Москвина, 2004; др.]. В данной работе делается попытка такого описания. Материал исследования составили более 100 диалектных имен существительных, зафиксированных в речи жителей Харовского района Вологодской области (по данным опубликованных выпусков «Словаря вологодских говоров» и наблюдениям автора статьи, постоянно проживающего в г. Харовске).

Анализ языкового материала показывает, что основные процессы образования имен существительных, характерные для русского

языка в целом, отражаются и в говорах исследуемой территории. Центральным способом словообразования диалектных имен существительных Харовского района является морфемный, или аффиксальная деривация в различных ее вариантах (материально выраженная и нулевая суффиксация, префиксация, конфиксация). Менее значительный по объему набор слов образован путем сложения с аффиксацией. Особую группу составляют семантические диалектизмы, словообразовательная структура которых имеет неоднозначную интерпретацию: по одной из них такие существительные могут быть рассмотрены как семантические производные общерусских слов [Марков, 1981]. В этой работе мы не рассматриваем семантические производные, а описываем диалектные существительные, образованные морфемным способом от общерусских и диалектных производящих различных частей речи.

Первую группу таких существительных составляют **отсубстантивные** производные. Среди них уместно разграничивать модификационные производные, сохраняющие в процессе своего образования основные составляющие семантической структуры производящих слов (например, *казачи'ха* 'наемная работница в крестьянском доме' ← *казак* 'наемный работник в крестьянском доме' [СВГ, 2: 32]), и мутационные производные, в которых семантическая структура производящих существительных претерпела серьезные изменения (*конопли'ще* 'участок земли, на котором растет конопля' [СВГ, 2: 98] ← *конопля*).

Как и в литературном языке, наиболее часто встречаются следующие модификационные значения: значение лица женского пола (*пека'риха* 'женщина, занимающаяся выпечкой хлеба в пекарне' [СВГ, 6: 22] – ср.: *пекарь*), невзрелости (*тетерёнок* 'птенец *тетерева*' [СВГ, 11: 22]), уменьшительности (*пе'рст'ик* 'палец, пальчик' [СВГ, 6: 48] – ср.: *перст*), увеличительности (*у'грище* 'гулянье молодежи' [СВГ; 2: 4 – ср.: *игра*), собирательности (*гвозд[']о*, 'гвозди' [СВГ, 1: 110] – ср.: *гвоздь*), подобия или неполного соответствия (*подса'нки* 'короткие дровни, используемые при перевозке длинных бревен' [СВГ, 6: 110] – ср.: *санки*), и некоторые другие. Особенно сильно диалектной речи можно считать многочисленные производные слова, полностью дублирующие лексическое значение производящих: *ма'тка* 'мать' [СВГ, 3: 75] – ср.: *мать*, *висо'чек* 'тряпка' – ср.: *висок* в том же значении [СВГ, 1: 72], *ку'корки* 'плечевой пояс человека' ← ср.: *кукры* [СВГ, 3: 15], *о'заук* 'пространство между двумя

домами' [СВГ, 5: 35] – ср.: *заук* и др. Частоту таких образований в севернорусских говорах отмечают многие исследователи [см., например: Свешникова, 2007]. Это может быть обусловлено недостаточной дифференциацией значений производящего и производного слов во время их записи (ср. например, *брати'н* 'двоюродный или троюродный брат' [СВГ; 1:43] ← *брат*), но чаще свидетельствует об особенностях диалектной речи: ее эмоциональной окрашенности (*парнёк* 'мальчик, ребенок, подросток' [СВГ, 6: 9] – ср.: *парень*), вариативности (*парня'к* 'молодой человек, юноша' [СВГ, 6: 10] – ср.: *парень*) и меньшей категоричности.

Среди мутационных отсубстантивных существительных выделяются наименования лиц и животных (*кало'шница* 'обладательница галош' [СВГ, 2: 34] – ср.: *калоша*, возможно, *ка'танищик* 'мастер по изготовлению валенок' – ср.: *катаник* 'валенок' [СВГ, 2: 45] и др.), а также неодушевленные существительные (*вершо'к* 'отстой на молоке, сливки' [СВГ, 1: 64] – ср.: *верх*). Активнее всего, как показывают наши материалы, образуются наименования ремесленных приспособлений (*суслён'ка* 'доска, по которой текло сусло в процессе приготовления пива' [СВГ, 10: 161] – ср.: *сусло*), вместилищ (*кры'ночник* 'шкаф для хранения кринок с молоком и продуктов' – ср.: *крынка* [СВГ, 3: 7], *пиро'жница* 'корзина средних размеров, в которой носили в церковь пироги' [СВГ, 6: 60] – ср.: *пирог*), сельскохозяйственных угодий (*конопли'ще* 'участок земли, на котором растет конопля' [СВГ, 2: 98] – ср.: *конопля*, *льнище* 'поле, засеянное льном' [СВГ, 4: 59] – ср.: *лён*) и растений (*по'пник* 'поповник, растение' [СВГ, 6: 159] – ср.: *поп*, *кня'жица*, *кня'жка* 'щавель' [СВГ, 2: 71] – ср.: *князь*). При этом в основе образования названий растений нередко лежит метафорический перенос (*ку'колка* '1) головка льна, клевера', 2) цветок «купальница»' [СВГ, 3: 14] – ср.: *кукла*).

Образование диалектных имен существительных от других частей речи также в целом соотносится с данным процессом в современном литературном языке. Среди таких производных отмечены многочисленные отадективные имена (*сит'цевик* 'сарафан из ситца' [СВГ, 10: 12] – ср.: *ситцевый*, *любопы'тка* 'любопытная женщина' [СВГ, 3: 60] – ср.: *любопытный*); отглагольные (*обхо'д* 'комплекс ритуалов, заговоров, совершенных пастухом' [СВГ, 5: 13] – ср.: *обходить*, *обу'тка* 'обувь' [СВГ, 5: 12] – ср.: *обуть*, *пегуля'чка* 'женщина хорошего поведения' [СВГ, 4: 89] – ср.: *гулять*), а также более редкие образования от других частей речи (*испо'дка* 'нижняя

рубашка' [СВГ, 2: 22] – ср.: *из-под*). Производящей базой для этих образований в основном являются общерусские слова (*семе'йник* 'член семьи' [СВГ, 9: 118] – ср.: *семе'йный, пожи'лица* 'женщина, которая снимает жилое помещение' [СВГ, 6: 121] – ср.: *жилой*).

В исследуемых говорах отмечены также немногочисленные сложные существительные, образованные путем сложения основ с материально выраженной и нулевой суффиксацией: *вод/о/но'с* 'коромысло' [СВГ, 1, 76] – ср.: *вода, носить, сух/о/ро'с* 'отсутствие росы по утрам при хорошей погоде' [СВГ, 10: 167] – ср.: *сухой, роса, бел/о/мо'й/к/а* 'аккуратная женщина' [СВГ, 1: 28] – ср.: *белый, мою* (от *мыть*), *мыш/е/е'д/ин/а* 'сено, изъеденное мышами' [СВГ, 4: 13] – ср.: *мышь, едят* (от *есть*), *одн/о/ря'д/к/а* 'рабочие рукавицы из холста' [СВГ, 5: 34] – ср.: *один, ряд* и др. Образование этих слов происходит по общерусским словообразовательным моделям без участия диалектных морфем и без специфических морфонологических преобразований основ производящих слов в производных.

Таким образом, анализ производных существительных в исследуемых говорах свидетельствует о системности образования этих слов, а также о том, что данное явление имеет общерусскую природу и характеризуется существенным сходством с субстантивным словообразованием в русском литературном языке. Диалектные особенности словообразования имен существительных в говорах Харовского района проявляются в следующем.

Наиболее яркую особенность составляют диалектные производящие, то есть собственно диалектные слова или диалектные варианты общерусских слов: *пазготня'* 'ссора, брань, ругань' – ср.: *пазгать* 'делать что-либо с силой, с особой интенсивностью' [СВГ, 5: 118 – 119]; *карто'вошник* 'ботва картофеля' [СВГ, 2: 41] – ср.: *картовошный*. Нередки случаи образования диалектных производных от семантических диалектизмов: *поезжание, поезжана* 'участники свадебного поезда' – ср.: *по'езд* 'вереница повозок, саней, приезжающая с женихом и гостями за невестой' [СВГ, 6: 119]).

В говорах Харовского района обнаруживаются производные диалектных словообразовательных типов, в частности названия ягод с суффиксом *-иц-* (*голубица, черница*), характерные для севернорусских говоров [Пшеничнова, 1996]. Некоторые общерусские типы, менее продуктивные в литературном языке, проявляют в исследуемых говорах достаточную продуктивность: *ворогу'ша* 'русалка' [СВГ, 1: 83] – ср.: *ворог, слакуша* – ср.: *слакун, морн/у'ш/а* 'человек,

который мало ест' – *морной* 'худой, заморенный' [СВГ, 4: 4] и др. Ср. также: *вязаево, поиво, хлёбово* и др.

Диалектные черты обнаруживаются на уровне морфонологических преобразований основы. Это многочисленные специфические наращения на основу (*овч(ен)ёнок* 'детеныш овцы' [СВГ, 5: 18] – ср.: *овца, снош(е'лен)ка* 'одна из женщин, мужа которых являются братьями' [СВГ, 10: 63] – ср.: *сноха, сестр(е'льн)ица* 'сестра' [СВГ, 9: 125] – ср.: *сестра, ого'(ш)ек* 'огонь, пламя' [СВГ, 5: 24]), а также, наоборот, их отсутствие в некоторых словах (*негрянка* 'негритянка' [СВГ, 5: 89] и др.).

Все перечисленные особенности образования имен существительных в говорах Харовского района Вологодской области позволяют рассматривать процессы образования этих слов в контексте словообразовательной системы современного русского национального языка.

ЛИТЕРАТУРА

Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.

Васильченко С. М. Формально-семантические связи русского имени существительного в семантическом и ономазиологическом аспектах. Орел, 1996.

Вещина Т. И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Крылова А. Б. Морфемика, словообразование и морфонология собирательных имен существительных в русском языке и его территориальных диалектах: Выпускная квалификационная работа. Вологда, 2007.

Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.

Маслова Л. А. Особенности модификационного глагольного словообразования в тарногских говорах: Выпускная квалификационная работа. – Вологда, 2002.

Москвина Р. В. Модификационное глагольное словообразование в говоре д. Филинская Сямженского р-на Вологодской обл.: Выпускная квалификационная работа. – Вологда, 2004.

Ишеничнова Н. Н. Типология русских говоров. М., 1996.

Свешникова Н. В. Модели диминутивного словообразования в русских паролных говорах // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология: Коллективная монография. СПб; Вологда, 2007. С. 292 – 300.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГ – Русская грамматика. Т. 1 – 2. М., 1980.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 12. Вологда, 1983 – 2007.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНЫХ ОСНОВ С ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ КОРНЯМИ (на материале вологодских говоров)

Одной из актуальных задач современной диалектологии является изучение морфемной структуры сложных слов в русских территориальных диалектах. Эти слова рассматриваются внутри отдельных тематических групп (наименования лиц, животных, орудий труда, сельскохозяйственных культур и пр.) [Грицкевич, 2001], а также на основе общности элементов словообразовательной и морфемной структуры слова [Акуленко, 1988; Ячинская, 1988 и др.]. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть семантическую специфику морфемной структуры основ диалектных сложных слов с процессуальными корнями. С учетом уже имеющихся в научной литературе образцов описания семантических отношений морфем в структуре слова [Яцкевич, 1993; Вендина, 1998; др.] и с опорой на исследования слов-композиата с процессуальными корнями в литературном языке [Газизова, 1992] обратимся к анализу морфемной структуры диалектных сложных слов в современных вологодских говорах.

Опубликованные выпуски «Словаря вологодских говоров» содержат около 200 сложных слов с процессуальными корнями. Примерно половина из них – это имена существительные (*рукосу'й* ‘человек, который трогает руками то, что не следует трогать’ [СВГ, 9: 71]), встречаются также имена прилагательные (*сыромол'ный* ‘сырой, влажный’ [СВГ, 10: 178]), глаголы (*сенокос'ить* ‘убирать сено’ [СВГ, 9: 123]) и наречия (*рукоде'льно* ‘умело, хорошо’ [СВГ, 9: 70]). Наиболее частотными в сложных основах оказались следующие процессуальные корни со значением действия: пространственного перемещения (*вездехо'ды* ‘сапоги с голенищами выше колен, бродни’ [СВГ, 1: 59], *ледохо'дица* ‘ледоход’ [СВГ, 4: 34], *тивохо'д* ‘сосуд для приготовления пива’ [СВГ, 7: 58], *самохо'дка* ‘брак без свадебного обряда и благословения родителей’ [СВГ, 9: 91], *скорохо'ды* ‘старинная женская обувь – башмаки на высоких каблуках’ [СВГ, 10: 30]; *водно'с* ‘коромысло’ [СВГ, 1: 76], *высоконо'сный* ‘гордый, высокомерный’ [СВГ, 1: 99], *мирино'совица*

‘большой, шерстяной платок, которым во время свадьбы накрывают лицо невесты’ [СВГ, 4: 86], *пивонѝс*, а, м. ‘человек, который по праздникам выносит пиво к столу’ [СВГ, 7: 57], *хлебонѝсник* ‘большая заплечная корзина с крышкой для переноски хлеба’ [СВГ, 11: 116]; *стадово’дка*, *стадово’дница* ‘животное, которое ведет стадо, вожак’ [СВГ, 10: 116]; *тихобрѝд* ‘человек, который медленно ходит’ [СВГ, 11: 25] *хитронѝра* ‘хитрый человек’ [СВГ, 11: 116], воздействия на объект (*дуроло’м* ‘непроходимое место в лесу’ [СВГ, 2: 65], *реколо’м* ‘вскрытие рек’ [СВГ, 9: 50], *сломоголо’вье* ‘беспокойная мысль о чем-либо’ [СВГ, 10: 52], *чертоло’мить* ‘много и тяжело работать’ [СВГ, 12: 37]; *кукомо’[ja]* ‘неряха’ [СВГ, 4: 15], *платомо’й* ‘место на реке, предназначенное для полоскания белья’ [СВГ, 7: 65], *поломо’йка* ‘тряпка для мытья полов’ [СВГ, 7: 141], *пустомо’йный*, *сухомо’йный* ‘выстиранный без предварительного замачивания (о белье)’ [СВГ, 8: 10; 10: 166]; *вы’сенокосить* ‘завершить сенокос’ [СВГ, 1: 99], *поздоко’с* ‘сено осеннего укоса’ [СВГ, 7: 125], *домотка’ница* ‘ткань домашнего изготовления’ [СВГ, 2: 45], *боготе’тка* ‘футляр из бересты для лопатки, которой точат косу’ [СВГ, 1: 34], *дровоко’лка* ‘деревянный молот для вбивания клина или топора при расколке дров или брёвен’ [СВГ, 2: 56], *пустоборо’и* ‘пропущенное место в поле или пахоте, посева, уборке и др.’ [СВГ, 8: 109], *пустору’б* ‘бревенчатые выступы на углу дома’ [СВГ, 8: 110] и др.), интеллектуальной деятельности (*первоу’чка* ‘человек, который недавно приступил к какой-либо деятельности, к какому-либо роду занятий’ [СВГ, 7: 27], *самоу’кой* ‘самостоятельно’ [СВГ, 9: 91], *рукописа’ние*, я, ср. ‘полоска бумаги с текстом молитвы, вкладываемая в руки покойника’ [СВГ, 9: 71], *скоропи’ссятый* ‘рукописный, непечатный’ [СВГ, 10: 29] и др.), физиологической деятельности (*мышее’дина* ‘сено, изъеденное мышами’ [СВГ, 5: 13], *сырое’жка* ‘кушанье из толченых ягод с молоком и толокном’ [СВГ, 10: 178], *сухое’жка* ‘сухая еда без чего-либо горячего или жидкого’ [СВГ, 10: 166], *самое’д* ‘щука’ [СВГ, 9: 89], *сладкое’дка* ‘девочка-женщина, которая очень любит сладкое’ [СВГ, 10: 45]), речевой деятельности (*крутоба’й*, *скороба’йка*, *частоба’й* ‘человек, который быстро говорит’ [СВГ, 4: 6; 10: 28; 12: 20], *ласкоба’й* ‘приветливый человек’ [СВГ, 4: 32], *редкоба’й* ‘человек, который говорит медленно, неторопливо’ [СВГ, 9: 47]), а также с корнями, называющими предельно обобщенное действие: *рукоде’йство* ‘рукоделие’ [СВГ, 9:

70], *самоде'льщиной* 'своими руками' [СВГ, 9: 89], *своеде'льный* 'самодельный' [СВГ, 9: 106] и др.

Несколько реже представлены процессуальные корни со значением *состояния*: *двоежи'лый* 'имеющий два жилых помещения' [СВГ, 2: 9], *маломо'жный* 'капризный' [СВГ, 4: 68], *скороспе'лка* 'девушка, женщина, рано созревшая для половой жизни' [СВГ, 10: 29], *сеногно'й* 'мелкий продолжительный дождь во время сенокоса' [СВГ, 9: 122–123], *первота'лец* 'первый снег' [СВГ, 7: 27], *полулеж'анка* 'часть русской печи, лежанка' [СВГ, 7: 145] и др. Среди них также можно выделить корни широкой стальной семантики: *водосто'йка* 'кадка' [СВГ, 1: 76], *пилоста'в* 'человек, который точит пилы' [СВГ, 7: 59], *рекоста'й* 'время замерзания рек' [СВГ, 9: 50], *сухоподсто'й* 'участок леса, состоящий из засохших на корню деревьев' [СВГ, 10: 166] и др.

В структуре сложных слов процессуальный корень может занимать позицию первоэлемента (*мотоду'шный* 'нечестный, склонный к обману' [СВГ, 5: 7]), но гораздо чаще представлен в семантически более сильной позиции конечного корневого элемента сложной основы. Анализ нашего материала показал, что среди этих корней отсутствуют локально ограниченные морфемы. В сложных основах представлены только общерусские корни: *рукоде'льный* 'склонный, способный к занятиям рукоделием' [СВГ, 9: 71], *сухомы'вка* 'полоскание без предварительной стирки белья, снятого с умершего человека' [СВГ, 10: 166], *прямоши'лый* 'прямой, без изгибов' [СВГ, 8: 105] и др. Слова с процессуальными корнями обычно называют и характеризуют человека, а также относятся к бытовой сфере (жилище, трудовые процессы) и сфере традиционной народной культуры. В лексике природы таких слов меньше (*первота'лец* 'первый снег' [СВГ, 7: 27], *чертог'н* 'чертополох' [СВГ, 12: 37]). Они в основном называют одушевленные существа, активно проявляющие какие-либо свойства (*самола'йка* 'собака, много и часто лающая, пустолайка' [СВГ, 9: 89], *стадово'дка* 'животное, которое ведет стадо, вожак' [СВГ, 10: 116] и др.). Особенно часто сложные слова с процессуальным опорным компонентом называют человека по роду занятий (*жердог'он* 'рыбак, который при подлёдном лове продвигает жердь с сетью или неводом подо льдом' [СВГ, 2: 84], *пивоно'с* 'человек, который по праздникам выносит пиво к столу' [СВГ, 7: 57], *пилоста'в* 'человек, который точит пилы' [СВГ, 7: 59] и др.), а также по его внешним качествам, особенностям характера и поведе-

ния: *крутоба'й* 'разговорчивый человек, говорун' [СВГ, 4: 6], *чистохра'нка* 'опрятная женщина' [СВГ, 12: 48], *домозо'р* 'муж, принятый в семью жены, живущий в доме жены' [СВГ, 2: 44].

Семантика процессуальных корней в структуре основ-композиата обычно конкретизируется либо именными корнями, называющими объект действия (*водоно'с* 'коромысло' [СВГ, 1: 76], *сеноко'сить* 'убирать сено' [СВГ, 9: 123]), или признаковыми корнями, позволяющими дать его характеристику (*сухое'жка* 'сухая еда без чего-либо горячего или жидкого' [СВГ, 10: 166], *тихобро'д* 'человек, который медленно ходит' [СВГ, 11: 25]). Процессуальные корни могут реализовывать в сложной основе как свои прямые значения (*мотоу'с* 'толстая нить, тесьма, веревочка, которыми привязывали кудель к прялке' [СВГ, 5: 7]), так и переносные (*мотоду'шный* 'нечестный, склонный к обману' [СВГ, 5: 7]).

Отношения опорного процессуального корня и конкретизирующего его компонента напоминают отношения главного и зависимого слов в глагольных словосочетаниях (*бродить* (как?) *тихо* – *тихоброд*; *носить* (что?) *воду* – *водонос*). Подобная соотносительность не случайна: она ярко демонстрирует нам компрессивность словопроизводства сложных слов, их способность более конкретно, наглядно и емко назвать предметы и явления, чем это могут сделать слова с однокорневыми основами. Вместе с тем для диалектных сложных основ с процессуальными корнями возможны и другие, менее типичные семантические отношения морфем. Например, это отношения полного семантического соответствия (*кутеве'ртить* 'вьюжить' [СВГ, 4: 24] – ср.: *кути'ть* 'поднимаясь, лететь; крутить' [СВГ, 4: 25] и *верте'ть* 'приводить в круговое движение; крутя, поворачивать из стороны в сторону' [Ож.: 75]). Семантические повторы, как отмечают исследователи [Крючкова, 2000; Большакова, 2007], типичны для структурной организации диалектного слова. Вместе с тем они гораздо чаще встречаются в простых основах, чем в основах композиата.

Семантика процессуальных корней, участвующих в образовании сложных основ, имеет разную степень конкретности. К числу морфем более определенной семантики следует отнести корни, называющие конкретные трудовые процессы: *-мы-* // *-мой-* (*пустомо'йный* 'выстиранный без предварительного замачивания (о белье); застиранный, неопределенного цвета' [СВГ, 8: 110]), *-ши-* // *-шй-* (*прямоши'лый* 'прямой, без изгибов' [СВГ, 8: 105]), *-до-* // *-дой-*

(*тугодѡиха* ‘корова, доение которой требует больших усилий’ [СВГ, 11: 74] и др.). Наряду с ними в сложных основах присутствуют корни более диффузного содержания, обобщенной семантики. В первую очередь, это корень *-дел-* // *-дел’-*, с помощью которого образованы основы многих диалектных слов, маркирующих выполнение самых различных действий: *своде’льный* ‘изготовленный домашним способом, своими силами, самодельный’ [СВГ, 9: 106], *рукоде’льник* ‘вещь, сделанная собственными руками’ [СВГ, 9: 71], *рукоде’льно* ‘умело, хорошо’ [СВГ, 9: 70], *тоде’льный* ‘умелый, искусный, рукодельный, мастеровой; толковый, сообразительный // знающий дело, способный к серьезному делу, разумный, дельный; трудолюбивый, работающий; исполнительный, соблюдающий во всем порядок, аккуратный; такой, как следует, хороший // сделанный так, как надо, хороший, красивый; такой, которым хорошо, приятно пользоваться, удобный, ладный; соответствующий чему-либо, приспособленный для чего-либо; такой, который отвечает каким-либо требованиям, условиям’ [СВГ, 11: 28]. Сочетание процессуального корня предельно обобщенной семантики с указательным корнем определяет в последнем из приведенных слов его соотнесенность с любой сферой деятельности.

Сложные основы могут иметь также и затемненную внутреннюю форму: *самото’й* ‘очиток, кустарниковое растение с толстым мясистым стеблем и листьями’ [СВГ, 9: 91], *дербалы’знуть* ‘сильно ударить’ [СВГ, 2: 20], *искособе’ниться* ‘изогнуться’ [СВГ, 3: 21], *балове’с* ‘шалун’ [СВГ, 1: 20], *кукомо’я* ‘неряха’ [СВГ, 4: 15] и др. Семантические отношения корней в таких основах можно прокомментировать частично, опираясь на их структурную соотносительность с другими общерусскими или местными словами: *дербалы’знуть* – ср.: *куполы’знуть* ‘выстрелить’ [СВГ, 4: 17], *скуподе’рина* ‘скупая женщина’ [10: 37], *искособе’ниться* – ср.: *искоси’ться*, *накобе’ниться* ‘нахмуриться’ [СВГ, 3: 21; 5: 44], *балове’с* – ср.: *пустове’с* ‘шалун’ [СВГ, 8: 109], *биламут*; *самото’й* – ср.: *самотѣс* ‘окоренное при помощи топора бревно, идущее на строительство’ [СВГ, 9: 91], *отто’йчивый* ‘целебный’ [СВГ, 6: 102]. Нередко установлению такой соотносительности препятствуют формальные изменения сложной основы, затрагивающие границы морфем: *ме’жгинье*, *ме’жгонье* ‘промежуток между постами’ – ср.: *межговенье* [СВГ, 4: 78], *поболтако’сить* ‘поговорить, поболтать’ [СВГ, 7: 74] – ср.: *повар/ак/о’с/и’ть* ‘поозорничать’ [СВГ, 7: 77],

поболта'ть, рукотёшек 'полотенце для рук' – ср.: *рукотёрник* в том же значении [СВГ, 9: 72] и др. Все это еще раз свидетельствует о сложности установлений семантических отношений между морфемами в структуре сложных основ диалектного слова.

ЛИТЕРАТУРА

Акуленко В. В. Семантическая структура сложных существительных с компонентом *-вед-* / Калужский гос. пед. ин-т им. К. Э. Циолковского. – Калуга, 1988.

Большакова Н. В. Семантический повтор в структуре слова в свете проблем морфемки // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. СПб; Вологда, 2007. С. 257 – 267.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Газизова Р. Ф. Сложные существительные и исходные словосочетания с глагольным компонентом в русском языке. Уфа, 1992.

Грицкевич Ю. Н. Сложные наименования орудий труда, механизмов и приспособлений в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1997. СПб, 2000. С. 38 – 40.

Крючкова О. Ю. Аффиксальная редупликация в диалектном словообразовании и языковой типологии // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. СПб; Вологда, 2007. С. 247 – 256.

Ячинская Д. А. Образование сложных существительных в русских говорах Приамурья // Сибирские говоры: функционирование и взаимовлияние диалектной речи и литературного языка. Красноярск, 1988. С. 68 – 77.

Яцкевич Л. Г. Морфемика современного русского языка. Вологда, 1993.

СОКРАЩЕНИЯ

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 12. Вологда, 1983 – 2007.

Ю. Н. Драчева
Вологда

К ПРОБЛЕМЕ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ИЗУЧЕНИЯ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ ДИАЛЕКТНЫХ НАРЕЧИЙ (на материале вологодских говоров)

Одну из актуальных проблем диалектной морфемки составляет определение материала исследования: возможность использования результатов более ранних, в основном лексикологически ориентированных наблюдений и поиск необходимых оснований для их ин-

терпретации в грамматическом исследовании. В данной статье эта проблема описывается на основе диалектных наречий современных вологодских говоров. Лексика этой группы севернорусских диалектов изучается с середины XVIII века, но в основном по лексикологическим программам, начиная с эмпирических записей и списков слов для «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнений...» к нему (1852, 1858) и заканчивая программами для сбора местной лексики Т. Г. Паникаровской и Ю. И. Чайкиной [Диалектологическая практика, 1983] и комплексной программой «Лексического атласа русских народных говоров» [Программа ЛАРНГ, 1994]. Программы, направленные на сбор, классификацию и анализ производной лексики говоров [Методические рекомендации, 1990; Шаброва, 1998], не коснулись диалектных наречий. Поэтому поиск дополнительной информации для описания морфемной структуры этих слов представляется нам одной из первоочередных задач.

В решении поставленной задачи мы ориентировались на программу «Производные глаголы в русских говорах» [Шаброва, 1998]. Эта программа предполагает работу с информантом на основе структурирования и описания диалектных корневых гнезд. Основу этой программы составил список диалектных непроемных глаголов, составленный по картотеке «Словаря вологодских говоров»: при первичном опросе часть этих слов фиксировалась в речи диалектоносителей, после чего в ходе направленной беседы выявлялись деривационные связи каждого исходного глагола.

Для наречия – принципиально «вторичной» части речи – такой путь оказался неприемлемым: большинство слов этой части речи имеет членимую основу и характеризуется достаточно высокой степенью производности, а также широкой формальной и семантической вариативностью. Поэтому экспериментальное изучение морфемной структуры слов этой части речи, в первую очередь, должно быть направлено на установление их лексических границ (*наречие – наречное сочетание – свободное сочетание слов других частей речи*), типизацию вариативности наречий, релевантной для изучения их лексического состава, а также поиск их структурно-семантической соотносительности с однокоренными и одноструктурными словами в исследуемых говорах. Поэтому информантам был предложен полный список диалектных наречий, ранее зафиксированных в исследуемом говоре (без толкования значений и без иллюстраций). Их просили узнать слово (или уточнить его форму, ес-

ли оно опознается не в полной мере), прокомментировать его значение и высказать свои предположения, с какими другими известными ему словами оно соотносится и почему. На этапе систематизации результатов полученные слова включались в более сложные образования, эксплицирующие их структурную организацию и семантику: вариантный или синонимический ряд, диалектное корневое гнездо и парадигма одноструктурных слов.

Первые результаты применения данной методики работы были получены нами в ходе экспедиционного обследования нюксенских говоров. Эти говоры относятся к вологодской группе севернорусского наречия и достаточно давно находятся в поле зрения диалектологов: уже первые выпуски «Словаря вологодских говоров» содержат результаты обследования говоров деревень Городишна и Малая Горка. Речь диалектоносителей этих населенных пунктов составила основу и для наших наблюдений (кроме того, велась работа с информантами из других близлежащих поселений: Климшина, Слободы, Первомайского).

Наши наблюдения позволили уточнить предварительные результаты многих диалектных наречий. Одна из сложных проблем их анализа – это отождествление корневых морфем. Например, в «Словаре вологодских говоров» отмечен целый ряд слов с корневым элементом *-ряс-*, в том числе и наречие *рясно* ‘плотно, обильно’ (посесть) [СВГ, 9: 82]. В русском языке фиксируется несколько омонимичных корней с этим морфем. Это корень, представленный в ботанических названиях (*ряска* ‘мелкое плавающее растение, листочки которого в виде пластинок затягивают поверхность воды’ [МАС 3: 750]), заимствованный корень в словах, называющих облачение священника или монаха (*ряса* II ‘облачение священника, монаха’ [Фасмер, 3: 538]), и корень, этимологически восходящий к *ređ (*ряса* I ‘бахрома’, др.-рус. *ряса* ‘украшение, кольцо’ [там же]).

Ранее известные нам слова вологодских говоров *ряса* ‘нитка, торчащая из обтрепанного края одежды’; *ряска* ‘кусочек, лоскут материи; тряпка; небольшое полотенце для рук, посуды; узкая полоска ткани, используемая вместо ниток при тканье или вязании половинок; старая, поношенная одежда; нижний край платья, юбки; бахрома, кисти; бесхарактерная женщина; пьяный человек’; *ряси́на* ‘тряпка’; *рясна* ‘украшение’; *рясочка* ‘узкая полоска ткани, используемая вместо ниток при тканье или вязании половинок’ [СВГ, 9: 82] и др. эксплицируют, в первую очередь, семантический компо-

нент «то, что висит на чем-либо, свисает откуда-либо» (при семантическом переносе *ряской* называют безвольного, не контролирующего себя человека, в том числе и пьяного). Значение «плотно, обильно» (поеть), реализующееся в наречии *рясно*, не вполне соотносится с семантикой данных слов. Необходимо было выяснить, представлен ли в данных словах один общий корень или же это разные, омонимичные корни.

Мы получили информацию о том, что в нюксенских говорах наречие *рясно* имеет значение «обильно, много (об урожае, особенно плодов на деревьях, о ягодах)»: *Вот, бывáет, что идут по ягоды. Ой, говорят, рясно – много. Или вот смотрите на рябине, говорят, рясно. На рябине урожаем такой рябины, или черемухи. На деревьях – рясно.* Это значение вполне соотносится с тем, которое фиксирует словарь М. Фасмера у прилагательного *рясный* «густой, висящий густыми гроздьями» [Фасмер, 3: 539]. Таким образом, уточненное значение наречия *рясно* представляет собой недостающее связующее звено: оно включает в себя и сему «обильно, много» и – опосредованно – сему «то, что висит на чем-либо, свисает откуда-либо». Соответственно, в словах *рясно, ряса, ряска, ряпина, рясна, рясочка* выделяется общий корень *-ряс₁-*.

Собранный материал отражает широкую вариативность морфемной структуры наречий в говорах, поэтому необходимо в случае формальных различий определить, на каком уровне выявляются эти различия: обусловлены они вариативностью или синонимией.

Так, например, в «Словаре вологодских говоров» зафиксированы наречия с корневыми морфемами *-скор-* (*на́скорость* «быстро, наскоро» [СВГ, 5: 71], *скороспéшно* «в скором времени, сразу» [СВГ, 10: 29], *скорочáсно* «скоропостижно, неожиданно» [СВГ, 10: 30]), *-скроз'-* // *-скроз-* // *-скороз-* (*наскрѓзь* «насквозь; полностью» [СВГ, 5: 71], *скрѓзь, скрѓз, скорѓзо* «беспрерывно, постоянно» [СВГ, 10: 33]) и *-сквоз-* (*подсквѓззе* «быстро, немедленно; в спешке» [СВГ, 7: 111]). Экспедиционные материалы показывают наличие в нюксенских говорах наречия *на́скорозь* «насквозь»: *Вѣтер прои́б на́скорозь, как сквозня́к, напрямѓю,* зафиксированном наряду с наречиями *на́скорость* «быстро»: *На́скорость сде́лала, скороспéшно* «быстро»: *Я сде́лала всё́ это скороспéшно, и скрѓзь* «езде; подряд»: *У нас́ говорят скрѓзь. Это – «езде́». Скрозь́ знач́ит «подряд, везде́».* Эти наречия имеют незначительные формальные различия в корневой морфеме, близки по семантике, в результате чего два гете-

рогенных корня различаются в вологодских говорах непоследовательно (кстати, этимологи говорят о возможности их контаминации (**kers-* и *skvozě) уже в древнерусском языке [Фасмер, 3: 568; Преображенский 2: 296–297]). Принимая во внимание сказанное, наречие *на́скорозь* можно рассматривать как фонетический вариант наречия *наскрѡзь*; корневой морф *-скорозь-* будет входить в состав вариантного ряда *-скрѡзь- / -скроз- / -скороз- / -скорозь-* (возможно, варианты, в которых наблюдается «второе полногласие», возникли не без влияния наречий с корнем *-скор-*). Обратим внимание также на то, что наречие *скрѡзь* (*скрѡз*, *скрѡзо*) ‘беспрерывно, постоянно’ [СВГ, 10: 33] в нюксенских говорах фиксируется в значениях, маркирующих пространственные отношения: *скрѡзь* ‘везде, подряд’: *У нас говорят скрѡзь. Это «вездѣ». Скрѡзь значит «подряд, вездѣ».* Это вполне логично, если учитывать синкретичность восприятия временных и пространственных отношений в русской языковой картине мира [Вендина, 1998].

Итак, формальные различия в приведенных выше случаях обусловлены вариативностью наречий в диалектах и влиянием структурной аналогии на их фонематическую структуру. Обратим внимание также на то, что полное формальное тождество не всегда свидетельствует о том, что перед нами однокоренные образования. Экспедиционные наблюдения позволили прокомментировать структуру группы слов, включающих в себя фонетический комплекс *-буден- // -быден-* (*обудень*, *обыдень* и др.).

«Этимологический словарь» М. Фасмера поясняет образование таких наречий в истории русского языка: *обыдень* ‘за один день’ от *объ инь день (с последующей диссимиляцией) [Фасмер, 3: 111] (ср. также сущ. *Обыдень* ‘день, светлое время суток’ [СВГ, 6: 15]), а *обудень* восходит к *о будьнь днь (ср. сущ. *Обудень* ‘будничный день, не праздник’ [СВГ, 6: 12]). Таким образом, этот фонематический комплекс представляет собой два сложных корня. Экспедиционные наблюдения позволили понять, когда представлен каждый из них:

- а) ‘за один день’ ‘недавно, на днях’, ‘ненадолго’ (*обудень* (нареч.), *обыдень*, *овидень*, *овыдень*, *оваднись*, *оваднися*, *оводни* и др.);
- б) ‘в будничный день’ (*обудень* (сущ.), *взабудень*, *буднясь* и др.).

В ходе экспедиционных наблюдений относительно структуры наречий в нюксенских говорах были зафиксированы слова, ранее не отмеченные «Словарем вологодских говоров»: *под/туз/ю*)

(ср. *туз/ой, в/круг/ов/ую, под/сознательно*) «плотно»: *Сéно забито подтузúю; в/треск* (ср. *треск, в/прав/о*) «сильно»: *Влюбился втреск; Напился втреск; Заработался втреск* и др. Эти результаты свидетельствуют о правомерности и целесообразности продолжения подобных исследований, расширении базы их проведения и необходимости включения в такую работу других заинтересованных собирателей.

ЛИТЕРАТУРА

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Диалектологическая практика студентов филологического факультета. Вологда, 1983.

Методические рекомендации по сбору, классификации и анализу производной лексики говоров. Кемерово, 1990.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1 – 2. СПб., 1994.

Шаброва Е.И. Производные глаголы в русских говорах: Методические рекомендации и материалы для изучения производной глагольной лексики говоров. Вологда, 1998.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. Т. 1–4. М., 1981–1984.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1–4. М., 2004.

Преображенский – Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. В 3 т. Т. 1–3. М., 1910–1914.

К. Л. Цыганова
Саранск

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАЗВАНИЙ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В РУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ

Исследованию диалектного словообразования посвящено немало работ, однако, «еще нельзя сказать, что мы близки к полному описанию диалектных словообразовательных особенностей» [Филин, 1972: 268]. Образование слов в диалектах происходит в услови-

ях отсутствия строгих регламентирующих норм, поэтому оно свободнее и менее упорядочено, однако на него несомненно влияют законы деривации литературного языка. Хотя некоторые лингвисты говорят о «сокращении», «размывании» диалектов, сужении их функций, роль диалекта в общеязыковой структуре велика: «именно диалект обслуживает профанную речевую деятельность, коммуникацию в обиходно-производственной и семейно-бытовой сфере... диалект наделен когнитивной функцией, поскольку объективирует мыслительную (абстрактную, знаковую) форму опыта, подобно тому, как практическая (конкретная, предметная) форма опыта объективируется в преобразовании внешних материальных объектов» [Калиткина, 2007: 381–382]. Диалектное словообразование, видимо, лучше отражает языковой менталитет народа. Поэтому изучение этой стороны языка представляется особенно интересным и актуальным. Исследование проведено на материале «Словаря русских говоров на территории республики Мордовия» [СРГРМ].

Существительные, обозначающие лица женского пола, составляют значительную и разнообразную по семантике и структуре группу слов в русских говорах Мордовии. В связи с ее обширностью в предлагаемой работе не анализируются слова общего рода. Все слова, обозначающие лиц женского пола, как и в литературном языке, распределяются в двух классах слов: мотивированные и немотивированные. Производящие для первого класса слов подразделяются на внешние и внутренние. К внешним относятся слова литературного языка и инодиалектные, зафиксированные «Словарем русских народных говоров» [СРНГ]. К внутренним – мотивирующие слова данного говора. Если выявление производящих слов среди первых, видимо, не требует особых доказательств, поскольку носители говора в той или иной степени владеют литературным языком, то вторая группа может вызвать нарекания. Оговоримся поэтому, что относим их к вероятно, условно мотивирующим.

Что касается способов производства слов рассматриваемой лексико-семантической группы, отметим, что и здесь, как в литературном языке, наиболее представлен морфологический способ словообразования, его суффиксальная разновидность. Самыми частотными оказались суффиксы *-к-* и *-ниц-*. Большинство слов с суффиксом *-к-* мотивированы диалектными а) существительными м. р.: *каля-камнка* женск. к *калякамн* ‘тот, кто любит много говорить’; *кер-жѧнка* женск. к *кержѧн* ‘старообрядец’; *кержѧчка* женск. к *кержѧк*

‘старообрядец’; *курсáнтка* женск. к *курсáнт* ‘студент’; *легостáйка* женск. к *легостáй* ‘лентяй, бездельник’; *морокунка* женск. к *морокун* ‘жулик, мошенник’; *наянка* женск. к *наян* ‘1. Тот, кто назойливо выпрашивает, надоедает просьбами. 2. Нахал’); *сусéдка* женск. к *сусéд* ‘сосед’; *чистобáйка* женск. к *чистобáй* ‘человек, отличающийся красноречием’.

В отдельных случаях при наличии однокоренного существительного м. р. название лица женского пола образуется от глагола (*посóбщик*, *пособляльщик* ‘помощник’ и *посóбка* ‘помощница’; *посóбствовать* ‘помогать’, *пособить* ‘помочь’) или от другого существительного (*снýчка*, *снуть* ‘худая слабосильная женщина’; *шмонька*, *шмоня* ‘неряха’). От прилагательных образованы *вохлáтка* ‘женщина с растрепанными, взлохмаченными волосами’ (ср.: *вохлатый* ‘мохнатый’); *женёнка* ‘жена’ (ср. *женёный* ‘женатый’); *лазучка* ‘девочка, любящая лазить’ (ср.: *лазучий* ‘любящий взбираться, подниматься куда-либо’). От глагола образовано существительное *лысмáнка* ‘женщина, которая любит ходить, бродить’ (ср.: *лысмáнить* ‘ходить’). Фразеологизмом мотивировано слово *лубянка* ‘женщина, лишенная стыда’ (ср.: *лубяные глаза* ‘о человеке, лишенном чувства стыда’). Существительное *овчáрка* ‘работница, которая ухаживает за овцами’ можно соотнести с двумя производящими: литературным *овчар* и диалектным *овчáрить* ‘работать овчаром’.

Литературными словами мотивированы: *пекарка* ‘женщина пекарь’; *провожатка* ‘лучшая подруга невесты, сопровождающая свадебный поезд’; *приёмка* ‘приемная дочь’; *стáрка* ‘старая женщина’; *сударка* ‘ласковое обращение к матери’; *пунцóвка* ‘женщина, продающая краску’. Разговорными *чумáзый* и *стряпать* мотивированы соответственно *чумáзка* ‘грязнуля’ и *стряпка* ‘женщина, которая готовит пищу’.

«Словарем русских народных говоров» [СРНГ] зафиксированы *клуша* ‘о медлительном и неповоротливом человеке’, *мамáша* ‘теща или свекровь’, *переворáчиваться* ‘становиться чем-либо, превращаться во что-либо’. В словаре говоров Мордовии – *клушка* ‘ленивица’; *мамáшка* ‘мать мужа’; *переворóтка* ‘колдунья, оборотень’.

В исследуемых говорах разнообразны суффиксы, производные от -к-: -ик-/ -як-: *бабáка* 1. ‘мать отца или матери’. 2. ‘старая женщина’; *мамáка* ‘женщина по отношению к ее детям’; *тетяка* 1. ‘сестра отца или матери, тетя’. 2. ‘старшая сестра’; *няняка* 1. ‘старшая

сестра'. 2. 'двоюродная сестра мужа' [СРГРМ: няня 'старшая сестра']; **-абк-**: *жерлабка* 'женщина, склонная скандалить' [СРНГ: *жерло* 'рот']. Это **-лк-**: *сновалка* 'женщина, которая снует пряжу' (ср.: *сновать* 'свивать в одну нить, сучить'); *шлялка* 'женщина, которая бродит без дела'; *ляпалка* 'сплетница' (ср.: *ляпать* 'говорить что-либо неудобно, некстати'); *лясилка* 'сплетница' (ср.: *лясить* 'пустословить'); *глядёлка* 'женщина, присутствующая на свадьбе в качестве зрителя'; *родилка* 'женщина, собирающаяся родить'; *хохоталка* 'смешливая женщина, хохотушка'; **-алк-**: *хожалка* 'медсестра'; **-авк-**: *чуда́вка* 'женщина со странностями' (ср. разг. *чудить* 'вести себя чудно, делать что-нибудь чудное, дурить'); **-овк-**: *сороко́вка* 'женщина сорока лет'; *чудо́вка* 'мошенница'; *шалашо́вка* 'женщина легкого поведения'; *мото́вка* 'обманщица, лгунья' (ср. зафиксированное СРНГ *мота́ться* 'не держать свои слова, обманывать'); *шабро́вка* 'то же что *шабе́рка* (ср.: *шабе́рка* 'женск. к *шабер*) [СРГРМ: *шабе́р* 'сосед']; *хлыстовка* 1. 'бездельница, лентяйка'. 2. 'женщина легкого поведения' [СРГРМ: *хлыста́ть* 'ходить без дела'; I *хлыста́ться* 'вести распутный образ жизни']; **-ёк-, -ёнк-**: *тетёка* 'сестра матери или отца, тетя'; *соседе́нка* 'соседка'; **-анк- / -янк-**: *вторянка* 'вторая жена'; *яга́нка* 'недоброжелательная, злая женщина'; *шабрянка* 'соседка' [СРГРМ: *шабе́р* 'сосед']; **-нк-**: *просва́танка* 'просватанная девушка'; *сбира́нка* 'нищенка' [СРГРМ: *сбира́ть* 'просить подавание']; **-ёнк-**: *соседе́нка* 'женщина, живущая рядом с кем-либо, соседка'; **-ик-**; *укажи́ка* 'указчица'; *сестри́к* 'двоюродная сестра' и др.

Второй по частотности – суффикс **-ниц-**. Большинство слов с ним мотивировано по внутридиалектной модели. Производящими служат существительные, обозначающие лиц мужского пола: *бала́мница* 'говорунья' (ср.: *бала́мник* 'говорун'); *ба́харница* '1. Говорунья. 2. красноречивая женщина' (ср.: *бахарник* 'говорун'); *зорни́ца* женск. к *зорни́к* 'озорник'; *завте́хница* женск. к *завте́хник* 'зоотехник'. Поскольку все они толкуются словарем одинаково: женск. к соответствующему наименованию м. р., далее приводим сразу значение существительных мужского рода: *затро́йница* (ср.: *затро́йник* 'тот, кто что-либо мастерит, изготавливает ручным способом'); *косыра́тница* (ср.: *косыра́тник* 'мужчина, страдающий косоглазием'); *лаба́зница* (ср.: *лаба́зник* 'тот, кто любит лакомиться'); *лапте́жница* (ср.: *лапте́жник* 'бедный, нищий человек'); *надо́едница* (ср.: *надо́едник* 'надоедливый человек'); *напра́сница*

(ср.: *напрáсник* ‘тот, кто несправедливо обвиняет кого-либо в чем-либо’); *околóтница* (ср.: *околóтник* ‘лентяй, бездельник’); *откóльница* (ср.: *откóльник* ‘непослушный, своевольный человек’); *пéсельница* (ср.: *пéсельник* ‘исполнитель песен’); *постоянница* (ср.: *постоянник* ‘колхозник, постоянно работающий в качестве кого-либо’); *привéтница* (ср.: *привéтник* ‘гостеприимный человек’); *своебы́шница* (ср.: *своебы́шник* ‘упрямый, своенравный человек’); *скло́тница* (ср.: *скло́тник* ‘тот, кто занимается склоками, интригами’); *тюре́мница* (ср.: *тюре́тник* ‘человек, сидящий (сидевший) в тюрьме’); *упоко́йница* (ср.: *упоко́йник* ‘умерший человек’); *чезе́зница* (ср.: *чезе́зник* ‘тот, кто слишком разборчив в еде, привередник’); *язы́чница* (ср.: *язы́чник* ‘человек, который ябедничает, ябедник’).

Во всех случаях образования нового слова происходит за счет смены суффиксов: усекается суффикс наименования м. р., и к усеченной основе присоединяется суффикс – носитель женскости.

Три слова образованы по-иную: от глагола (*страмни́ца* ‘бесстыдница’ – ср.: *страми́ться* ‘позорить себя’); от наречия (*навстрéчница* ‘женщина, живущая в доме напротив’ – ср.: *навстрéчь* ‘напротив’); от прилагательного (*верéтница* ‘непоседа, обычно о девочке’ – ср.: *веретяно́й* ‘излишне подвижный, вертлявый’).

Большинство слов, мотивированных словами литературного языка, образованы от существительных: *пецэ́рница* ‘затворница’; *плато́шница* ‘женщина’; *рассáдница* ‘женщина, выращивающая рассаду’; *сношн́ца* ‘невестка, жена сына’; *смутья́нница* ‘женщина, которая вносит раздор, вызывает ссору’. Глаголом мотивированы слова *прислужни́ца* ‘любовница’ и *притво́рница* ‘притворщица’. Производящим для слова *сканда́льница* ‘женщина, устраивающая скандалы, скандалистка’ можно считать и существительное *скандал*, и глагол *скандалить*, и прилагательное *скандалный*. На первый взгляд, не ясна внутренняя форма слова *огоро́дница* ‘в дореволюционном быту: домашняя работница’, но СРНГ зафиксировал соотносительное существительное *огоро́дник* ‘в дореволюционном быту: владелец огорода, нанимающий работников’.

Непродуктивен в литературном языке и малочастотен в исследуемых говорах суффикс -х-, образующий наименования, мотивированные глаголами, в основном общеупотребительными, только два слова мотивированы внутрдиалектно. Отлитературные образования имеют словообразовательное значение ‘наименование лица

по характерному для него действию': *растащи́ха* 'женщина, которая проживает из дома вещи'; *тка́ха* 'ткачиха'; *шалы́ха* 'легкомысленная женщина'. От слова данного диалекта образовано *журка́йка* женск. к *журка́й* 'тот, кто говорит много и торопливо'.

Гораздо более частотен, чем в литературном языке, и более свободно соединяется с производящей основой в говорах Мордовии суффикс *-ух-*. Производящими для существительных с этим суффиксом в большинстве случаев являются слова литературного языка. Существительные: *горю́ха* 'бедная, несчастная женщина', *ноздры́ха* 'женщина с широкими ноздрями', *падчеру́ха* 'падчерица', *сестру́ха* 'сестра', *свекру́ха* 'свекровь'. Прилагательные: *малу́ха* 'жена младшего сына', *рябу́ха* 'рябая женщина', *старшу́ха* 'старшая дочь', *чисту́ха* 'чистоплотная женщина'. Глаголы: *говору́ха* 'любительница поговорить', *крику́ха* 'крикливая женщина', *лепету́ха* 'женщина, которая любит много говорить', *пропасу́ха* 'больная женщина'.

От слов исследуемого говора образованы наименования лиц женского пола, мотивированные существительными: *шабру́ха*, *шабра́* 'соседка'.

«Словарь русских народных говоров» фиксирует слово *недобры́й*, имеющее значение 'человек, который по суеверным представлениям может наслать порчу'. Этим словом может быть мотивировано *недобру́ха* 'ведьма'. Характерно, что в некоторых словах, образованных от существительных, суффикс *-ух-* асемантичен (*падчеру́ха*, *свекру́ха*, *шабру́ха*).

Суффикс *-их-* в большинстве случаев образует существительные, обозначающие названия женщин по профессии и мотивированные соотносительными существительными м. р. Литературными: *пастуши́ха* 'женщина-пастух', *пекари́ха* 'женщина-пекарь'. Образует этот суффикс и слово-название жены по деятельности мужа: *солда́тиха* 'жена солдата'. Прилагательным мотивировано слово *почтовы́ха* 'заведующая почтовым отделением'.

Мотивированы существительными исследуемого говора: *купчи́ха* женск. к *купе́ц* 'покупатель', *почтари́ха* 'женщина-почтальон' (ср.: *почта́рь* 'почтальон'), *причинда́лиха* 'жена начальника' (*причинда́л* '2. Плохой начальник, руководитель'), *шабри́ха* 'соседка' (ср.: *шабра́* 'соседка').

Только литературными словами мотивированы производные с суффиксом *-ушк-* / *-юшк-*, но образованы они от разных частей ре-

чи. От существительных: *горюшка* ‘бедная, несчастная женщина’, *матушка* ‘мать мужа’, *мордóвушка* ‘женщина-мордовка’. От прилагательных: *бестолкóвушка* ‘бестолковая женщина’. От глаголов: *бормотушка* – ‘говорунья’, *найдушка* ‘девочка, рожденная вне брака’, *погонюшка* ‘родственница невесты, сопровождающая ее в церковь и в дом жениха’, *повалюшка* ‘развратная женщина’.

Исследователи отмечают, что суффикс *-иц-* образует названия лиц женского пола от соотносительных мужских [Потиха, 1970: 197]. СРГРМ не зафиксировал ни одного такого наименования. Они мотивируются литературными существительными ж. р. (*дурíца* ‘глупая женщина’, *ленíца* ‘ленивица’); прилагательным (*старíца* ‘старая дева’), глаголом (*плясíца* ‘плясунья’).

Единичны образования исследуемых существительных суффиксами *-чиц-/ -щиц- / -льщиц-*. Литературным *приказчик* ‘продавец’ мотивировано *приказчица* ‘женщина-продавец’. Слова *кинщица* ‘женск. к *кинщик*’ и *ночельщица* ‘женск. к *ночельник*’ образованы от внутридиалектных *кинщик* ‘киномеханик’ и *ночельщик* ‘тот, кто пользуется временным ночлегом где-либо’. Суффиксом *-щик-* образовано слово *жалельщица* ‘женщина, проявляющая заботу о ком-либо’, соотносимое с зафиксированным СРНГ словом *жалельщик* ‘тот, кто жалеет всех или кого-либо’. Для данной группы слов тоже характерна замена суффиксов.

Существительными литературного языка мотивированы слова с суффиксом *-атниц- / -ятниц-*, имеющие словообразовательное значение ‘наименование женщины по роду занятий’: *коровятница* ‘женщина, которая ухаживает за коровами, доит их’; *курятница* ‘работница, ухаживающая за домашней птицей’; *птичатница* ‘работница, ухаживающая за домашней птицей, птичница’. Только одно слово мотивировано внутридиалектно: *шеболятница* женск. к *шеболятник* во 2 знач. ‘грязнуля, неряха’.

Остальные суффиксы представлены одним, реже двумя-тремя образованиями: *-ашк-*: *шиганашка* ‘ведьма, колдунья’; (ср.: *шиганá* с тем же значением); *-ав-*: *лошава* ‘здоровая, сильная женщина’; *шалáва* ‘ленивая женщина’ [СРГРМ: *шалáться* ‘ходить, бродить без дела’]; *-й-*: *калякунья* женск. к *калякун* ‘тот, кто любит много говорить’; *-ей-*: *печёя* ‘женщина-пекарь’; *-ейк-*: *наряжéйка* ‘щеголиха’; *-н-*: *хобутня* ‘сплетница’ [СРГРМ: *хобутíть* ‘сплетничать’]; *шавырня* ‘неловкая женщина, делающая все кое-как, небрежно’ [СРГРМ: *шавырк-бряк* ‘кое-как, небрежно’]; *свóдня* ‘сплетница’

[СРГРМ: *сводить смуты* ‘сплетничать, вызывая ссору’; *-ан-*: *бабáня* ‘мать отца или матери’; *-ен-*: *сво́ячена* ‘сестра жены, свояченица’ (ср.: *сво́як* ‘муж свояченицы’, (разг.) вообще свойственник); *-ин-*: *ста́рина* ‘старая дева’; *-льщиц-*: *чита́льщица* то же, что *читалка* ‘человек, читающий молитвы по умершему’; *-ельниц-*: *сноше́льница* ‘1. Жена брата. 2. Сноха. 3. Старшая дочь’; *-ищ-*: *ле́ница* – ‘то же, что *леница*’; *-ръз-*: *сига́рьга́* ‘о быстрой, непоседливой девочке’ (ср. прост. *сига́ть* ‘делать прыжок, прыжки, обычно на бегу’); *-тотих-*: *калитóтиха* ‘сплетница’ [СРГРМ: 1. *калѝть* ‘говорить, сообщать что-либо’]; *-ук-*: *ма́чука* ‘мать мужа’; *-ул-*: *косу́ля* ‘хромая или кривоногая женщина’; *-ш-*: *вѣкша* то же, что *вековѹшка* ‘старая дева’, *стра́пша* ‘женщина-повар’; *-ятин-*: *хилѹтина* ‘исхудалая, тощая женщина’; *-ях-*: *шалѹха* ‘1. Легкомысленная женщина’ [СРГРМ: *шалѹться* ‘ходить, бродить без дела’].

Все остальные типы морфологического способа или почти не используются в анализируемой лексико-семантической группе (зафиксировано всего 1 слово, образованное сложносuffиксальным способом: *труболѣтка* ‘женщина легкого поведения’), или малоупотребительны. Это префиксация: *растетѹха* ‘толстая женщина’ [СРГРМ: *тетѹха* бран. ‘полная, грубая женщина’]; префиксация с одновременной перестановкой и утратой букв (звуков): *соезга́* ‘резвая, шаловливая девочка’ (ср.: *егоза́* ‘суетливый, слишком подвижный человек, непоседа – обычно о детях’). Префиксально-suffиксальный способ. Приставка при этом способе всегда в наличии, а суффикс может быть и материально выраженным, и нулевым: *без/работ/ниц/а* ‘ленивая женщина’; *по/сестр/уш/а* ‘1. Первая жена по отношению ко второй. 2. Сестра, родная только по одному из родителей’; *не/род/их/а* – ‘нерожавшая женщина’; *по/люб/ов/к/а* ‘любовница’; *с/ляляк/олк/а* ‘женщина, имеющая дефекты речи’ [СРГРМ: *лялякать* ‘болтать, пустословить’]. Нулевой суффикс в слове *с/брѣх/а* [СРГРМ: *брѣхѹть* ‘2. браниться’].

Непродуктивный в литературном языке безаффиксный способ представлен в говорах единичными отглагольными образованиями внутридиалектного типа: *хабалá* ‘легкомысленная, ветреная женщина’ (ср.: *хабалить* ‘часто беспричинно смеяться’); *чупáха* ‘грязнуля, неряха’ (*чупахтаться* ‘1. Возиться в грязи’). Слово *волхá* ‘колдунья’ соотносится с глаголом, зафиксированным СРНГ: *волховáть* ‘заниматься колдовством’. Четыре слова образованы флексийным способом: два с внутридиалектной мотивировкой (*мнука* ‘дочь дочери

или сына' – ср.: *мнук* 'сын дочери или сына'; *шабра́* 'соседка' – ср.: *шабёр* 'сосед') и два с литературной (*вну́ка* 'дочь сына или дочери'; *скоморо́ха* 'шутница').

Кроме морфологического, в говорах зафиксирован лексико-семантический способ образования слов. Известно, что в данном способе два типа: 1) разные значения одного слова расходятся настолько, что превращаются в омонимы; 2) за словом закрепляется лексическое значение, которое не связано как производное с омонимичным. Первый тип представлен словами, которые в словаре еще толкуются как разные значения одного слова: *рында́* '1. Телега. 2. перен. Неуклюжая полная женщина'; *стукалка́* '1. Трещотка ночного сторожа. 2. перен. Женщина-сторож'; *шолга́* '1. Хворостина. 2. Шест для подъема воды из колодца. 3. Жердь. 4. перен. Высокая худая женщина'; *шебола́* '1. Старая, изношенная одежда. 2. перен. Глупая женщина'; *рыжонка́* '1. корова рыжей масти. 2. перен. экспр. Громкоголосая женщина'; 1. *сербия́нка* 'передник с нагрудником', 2. *сербия́нка* 'возлюбленная'; *отымалка́* '1. Тряпка, которой берут горячие чугуны, горшки и т. п. // Тряпка для других (различных) кухонных надобностей. 2. перен. неодобр. Неряха, грязнуля'; *стрёлка́* '1. Овраг, заросший кустарником. 2. Деталь плуга, регулирующая глубину вспашки. 3. перен. Легкомысленная женщина'; *полутреница́* '1. полуторагодовалая телка'. 2. перен. придурковатая, с причудами девочка'. Одно слово образовано лексико-семантическим способом от диалектного: 1. *стряпши́я* 'девушка в возрасте невесты' (ср.: *стряпши́я* 'женщина-повар'). Второй тип представлен омонимами литературных слов: *бабушка́* 'знахарка'; *балала́йка* 'бран. О худой, тощей женщине'; *веха́* 'женщина, очень высокого роста'; *девушка́* '1. Дочь'; *надолба́* '1. Старая дева. 2. Употребляется для отрицательной характеристики женщины'; *неве́ста* 'старшая сноха'; *ня́ня* '1. Сестра отца или матери. 2. Старшая сестра. 3. Жена брата'; *сестри́чка* 'жена брата'; *сторожи́ха* 'уборщица'; *учени́ца* 'учительница'; *хаба́лка* '1. Женщина высокого роста. 2. Озорница. 3. Женщина, которая много и беспричинно смеется'; *чечётка́* 'женщина, рожавшая одних дочерей'; *шаромы́га* 'несамостоятельная, ветренная женщина'; *штучка́* 'легкомысленная женщина'; 1 *цётка́* 'злая, сварливая женщина'; *я́рка* '1. Девушка, молодая женщина. 2. Невеста'; *яры́жка* 'непоседливая девочка'. Два слова образованы морфолого-синтаксическим способом, субстантивацией: *ста́ра*, *ста́ренька* 'бабушка'.

Среди слов второго класса (непроизводных) можно выделить абсолютно немотивированные и потенциально мотивированные. К первым относим слова, не содержащие морфем, которые можно было бы соотнести с аффиксальными: *аку́ля* 'нерасторопная, неумелая женщина'; *журжа́* 'развратная женщина'; *лёля* '1. Сестра отца или матери. 2. Старшая сестра, являющаяся одновременно крестной матерью. 3. м. и ж. Крестная мать, крестный отец'; *сайга́* 'непоседа, егоза'; *феёна* 'глупая женщина'; *шамána* 'неопрятная женщина'.

Ко вторым – существительные, содержащие компоненты, которые соотносимы с аффиксами. Но мотивирующих слов для них выявить не удалось. Возможно, это связано с тем, что в диалекте «быстрее, чем в литературном языке, происходит утрата отдельных слов» [Блинова, 1987: 243], а возможно, и образованием новых слов по известным словообразовательным моделям. Тем не менее, если стать на точку зрения А. И. Смирницкого [Смирницкий, 1948: 27] (а для говоров она представляет, как нам кажется, особый интерес), то приводимые ниже слова можно отнести если не к производным, то к членимым: *бесшау́льница* 'смелая, отчаянная женщина', *ватры́шка* 'острая на язык, язвительная женщина' (возможно, это слово, как и литературное *ватрушка*, этимологически связано со словом *ватра* 'огонь'), *верга́сина* 'женщина очень высокого роста', *вещу́лка* 'привередница', *земзю́лька* 'худая, тощая женщина', *кадя́иха* 'женщина, которая любит бродить (обычно без дела, без цели)', *куты́рка* 'полная женщина небольшого роста', *лапте́ха* 'полная, глуповатая женщина', *обмиру́ха* 'гадалка', (как) *оки́анка* '1. О неопрятной женщине. 2. О грубой женщине', *орды́нка* 'полная женщина', *во́лоха* 'неряха, грязнуля', *оре́ха* 'неряха, грязнуля', *пара́ха* 'толстая, низкорослая женщина', *полуёхтовна* 'глупая, придурковатая женщина', *пониши́ха* 'грязнуля, неряха', *постальга́* 'шалунья. проказница (о ребенке)', *пра́вдушка* 'прабабушка', *промы́згла* 'ловкая, проворная женщина', *пунды́рка* 'женщина маленького роста'. *сикасе́йка* 'непоседа, егоза', *шкульдя́вка* 'непоседа, егоза', *скарю́тка* 'скупая, жадная женщина', *сколя́бра* 'худая, тощая женщина'. *скурё́ха* 'развратница', *смо́шница* 'сплетница', *смыхта́лка* 'бойкая. озорная девочка', *сорты́анка* 'лентяйка, бездельница', *стоя́холка* 'озорница', *тае́рька* 'жена', *трупёрда* 'ленивая женщина', *тулпё́ха* 'несообразительная, тупая женщина', *хабы́лда* 'озорница', *хайдю́шка* 'распутная женщина', *чуга́* 'женщина со смуглой кожей'; *чувы́рла*

‘неопрятная женщина, неряха’; *шавынька* ‘некрасивая девушка’; *шавячка* ‘низкорослая полная женщина’; *шерабóрка* ‘рассеянная, забывчивая женщина’; *шигóнка* ‘женщина, которая постоянно бродит без дела’; *шиши́га* ‘1. Болтливая женщина. 2. Ведьма. Колдунья. 3. М. и ж. Беспокойный человек. 4. М. и ж. Непричесанный, неопрятный человек’; *шиши́ха* ‘бездельница’; *шма́ра* ‘1. Ленивая женщина. 2. М. и ж. Тот, кто любит хвастаться’; *шмага́нка* ‘наглая, беззастенчивая женщина’; *шо́ря* ‘неряшливая женщина’.

Таким образом, существительные, обозначающие лиц женского пола, в говорах Мордовии имеют следующие особенности:

1. Словообразующие элементы, чаще всего суффиксы, привносят в новое слово не только семантику женскости, но и самые разные оттенки значений, характеризующих женщину. В большинстве случаев это отрицательная характеристика. Например, среди существительных, называющих умственные способности, нет ни одного, где бы утверждалось, что женщины этими способностями обладают. На целую подгруппу образований, обозначающих нерях и грязнуль, всего одно слово (чистуха) характеризует чистоплотную женщину. Если бы нужно было составить «портрет» женщины по данным говоров, получилось бы, что она глупая, неряшливая, ленивая, сплетница, склочница и болтушка, легкомысленная и развратная, грубая и лживая, надоедливая и хвастливая, привередливая, любящая слоняться без дела, нерасторопная и неумелая, упрямая, наглая, жадная. Даже внешне она малопривлекательна: либо тощая и высокая, либо маленькая, толстая, неповоротливая, хромая и кривоногая, косоглазая и рябая. И на все это только четыре «добрых» слова: *приве́тница* ‘женск. к приветник’ (ср.: *приве́тник* ‘гостеприимный, приветливый человек’), *пляси́ца* ‘плясунья’, *промызгá* ‘ловкая, проворная женщина’ и *чистуха* ‘чистоплотная женщина’. Это приводит к выводу о потребности носителя говора в эмоционально окрашенных новообразованиях (а отрицательные обычно более экспрессивны).

2. Наименования лиц женского пола в диалектах имеют свою мотивирующую базу: это общерусские лексемы, просторечные слова, диалектизмы широкой сферы функционирования, местные слова. Чаще всего словообразование имен существительных со значением женскости связано с именами существительными и глаголами. Основным способом словообразования является морфологический (суффиксация), хотя были выявлены производные и других способов (например, лексико-семантического, морфолого-синтаксиче-

ского). Чрезвычайно редко слова данной группы образуются с помощью сложения (*туболётка*).

3. В большинстве случаев производящая основа известна общенародному языку (в его литературной, разговорной, просторечной разновидностях). Диалектный характер слова определяет здесь дистрибуция словообразовательных формантов. Она, как правило, является более разнообразной, чем в литературном языке. Например, если в литературном языке суффикс *-ух-* соединяется с основами прилагательного и глагола [Потиха, 197], то в исследуемых говорах – и с основами существительного (*сеструха, ноздрюха, шабруха*). Суффикс *-иц-* в отличие от литературного языка образует названия лиц женского пола не от соотносительных мужских, а от других существительных (*дурица, леница*), прилагательных (*старица*), глаголов (*плясица*). Аффиксальные наименования в говорах могут соответствовать литературным: а) не имеющим аффиксов (*сношница, сношонка, мамка, тетяка*); б) имеющим другие аффиксы (*притворница, стряпка, старка, солдатиха*). В производных словах данной группы отмечены и специфические суффиксальные морфы: *-х-*, *-тотих-* и др.

4. Специфичны системные отношения производных слов со значением женскости. В исследуемых говорах встретились многочисленные однокоренные синонимы: *притворница – притворищица; завтехник – зоотехник; склотница – склочница; орженница – роженица* и др. Синонимические ряды могут включать в себя до 6 слов: *шабрёнка – шабровка – шабралка – шабруха – шабриха – шабрёнка*. Нередко присоединение суффикса к основе производящего существительного не меняет его лексической семантики: *снять – сныч/к/а, шмоня – шмонь/к/а, мама – мам/ак/а*.

Исследование диалектного словообразования «выявляет речевой портрет диалектоносителя» [Климкова, 2000: 45], а изучение его экспликации на материале слов одной лексико-семантической группы позволяет представить важный фрагмент русской диалектной языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Блинова О. И. Сопоставительный анализ явлений мотивации слов в литературном языке и диалекте // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.

Калиткина Г. В. Темпоральные структуры повседневности в языковом коде // III Международный конгресс исследователей русского языка: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 2007. С. 381 – 382.

Климкова Л. А. Восприятие и оценка слова в говоре // Проблемы теории и методики преподавания лингвистических дисциплин. Арзамас, 2000.

Потиха З. А. Современное русское словообразование. М., 1970.

Русская грамматика. М., 1980. Т.1.

Смирницкий А. И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филологического факультета Московского университета. Вып. 5. М., 1948. С. 21 – 32.

Филин Ф. И. Вокрасно, вокрасный // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 268.

СОКРАЩЕНИЯ

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Т. 1 – 8. Саранск, 1978 – 2006.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – 28. М.; Л., 1965 – 1995.

Т. И. Мочалова

Саранск

МОРФЕМНАЯ СТРУКТУРА И ДЕРИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ' В РУССКИХ ГОВОРАХ МОРДОВИИ

Изучение морфемной структуры и словообразовательных особенностей слов различных семантико-грамматических классов представляет собой одну из актуальных задач современной региональной лингвистики. Особый интерес в этом отношении представляют имена существительные, обозначающие продукты питания – все то, что человек употребляет в пищу, поскольку данная группа слов на материале говоров исследована недостаточно. Известны работы Т. С. Жбанковой «Название кушаний в рязанских говорах» [Жбанкова, 1962: 148 – 151], И. С. Лутовиновой «О названиях кушаний в печерских говорах» [Лутовинова, 1970: 118 – 127]. Анализ особенностей словопроизводства существительных в русских говорах Мордовии посвящена статья Л. В. Маркиной [Маркина, 1993: 63–66]. Между тем всестороннее описание морфемной и словообра-

зовательной структуры имен существительных со значением 'продукты питания' на материале русских говоров на территории Республики Мордовия отсутствует.

Как показал проанализированный нами фактический материал, извлеченный из «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия» [СРГРМ], со структурно-грамматической точки зрения рассматриваемая лексика делится на несколько групп, в зависимости от способа образования слова.

1. Самую большую группу составляют диалектизмы с непроемной основой. Сюда входят непроемные и нечленимые слова: *аля́каш* 'недопеченный хлеб'; ² *буза́* 1. 'похлебка из грубо размолотой пшеницы', 2. 'невкусная жидкая пища'; *кляча́* 'сладкое кушанье из творога, которое готовили к празднику пасхи'; *ковляга* 'большой кусок чего-либо съестного'; *лелюшка* 'хлебные изделия небольших размеров'; *по́кли* 'изделие из теста, вид домашней лапши'; *ритато́п* 'суп'; *салма́* 'тесто для домашней лапши'; *сю́кор* 'пресная пшеничная лепешка на сале'; *урень* 'квашеное топленое молоко'; *хамлёт* 'картофельное пюре'; *чеварда́к* 'кушанье из тыквы и пшена'; *чука́ры* – 'ватрушки из ржаной муки с картофелем'; *ша́рка* 'пища, еда'; *шмора́* 'клецки, галушки'; *шуле́ш* 'каравай' и др. В разряде непроемных и немотивированных слов можно отметить несклоняемые существительные, заимствованные русскими говорами из финно-угорских языков: *пуря́*, *пуре́*, *пурю́* 'хмельной напиток, брага'.

Среди слов анализируемой нами группы встретились единичные образования, имевшие ранее производную, членимую структуру, но с течением времени утратившие ее: *колоба́н* 'круглый хлеб из пшеничной муки'; *колобки́* 'кусочки теста, сваренные в бульоне, молоке'. Этимологический анализ позволяет установить, что в этих словах выделялся корень *-кол-* со значением 'круг', обозначающий пищевые продукты круглой формы.

Особую группу составляют непроемные, но членимые слова. К ним относятся немотивированные образования, но имеющие в исследуемых говорах родственные слова, что позволяет выделить в них аффиксальные морфемы. Например, диалектные слова со значением 'семена подсолнечника': *по/чёл/ошник* во 2 знач.: *по/чёл/ушк/о*, *по/чёл/ышк/о*. Можно предположить, что однокоренным по отношению к ним является образование *от/чёл/ышк/о* – 'обдирное зерно'.

2. Достаточно много слов данной лексико-семантической группы являются производными. Самый большой разряд составляют имена существительные, образованные морфологическим (морфемным) способом. Для производных слов мотивирующее значение будем определять по структурно-семантической соотнесенности их как с литературным языком, так и с русскими говорами. Наиболее распространенным является суффиксальный способ. Как показывают наблюдения, в образовании слов исследуемой группы участвуют следующие суффиксы, представленные в порядке убывающей регулярности: *-к-*, *-ник-*, *-ушк-*, *-ек-*, *-ик-*, *-ок-*, *-онк-* / *-ёнк-*, *-ух-* / *-юх-*, *-шк-*, *-як-*, *-ин-*, *-ыш-*, *-иц-*. Перечисленные суффиксы являются наиболее частотными, причем они распространены и в литературном языке, и в говорах. В большинстве случаев каждый из этих суффиксов образует существительные от основ разных частей речи и часто выражает различные словообразовательные значения, но все эти суффиксы имеют обобщенное значение предметности.

Наиболее употребительным является суффикс *-к-*, с помощью которого образуются новые слова, мотивируемые существительными, прилагательными и глаголами. Так, при помощи суффикса *-к-*, вносящего уменьшительно-ласкательное значение, на базе существительных образовались следующие слова: *кокурочк/а* ум.-ласк. к *кокурка* во 2 знач. 'сдобная лепешка'; *пигарочк/а* – ум.-ласк. к *пигарка* во 2 знач. 'поджаристая, подрумянившаяся корочка на каком-либо кушанье'.

В то же время, как показывают наблюдения, суффикс *-к-*, присоединяемый к основе существительного, может быть асемантическим, нейтрализованным: *затир/ушк/а* 'каша из муки' (ср.: *затир/уха* в 1 знач. 'каша из муки'); *кавалк/а* 'большой кусок чего-либо съестного' (ср.: *кавал* 'большой кусок чего-либо съестного'); *каймачк/а* 1. 'ватрушка с творогом или картофелем', 2. 'оладья из тертого картофеля' (ср.: *каймак* в 1 знач. 'ватрушка с творогом или картофелем'); *каравайк/а* 'хлеб круглой формы, или *каравай*'; *кра[j/y]шк/а* 'хлеб круглой формы' (ср.: *краюга*, *краюха* 'хлеб круглой формы'). Как видим, производное слово не имеет смысловых отличий от значения производящей основы.

Распространенным оказалось образование существительных, обозначающих кушанья, и от глагольных основ: *выжарк/и* 'пенка на горячем растопленном масле'; *вытерк/и* 'отходы при изготовлении крахмала из картофеля'; *накваск/а* 'вещество, вызывающее

брожение, закваска' (слово образовалось от диалектного глагола *наквасить* 'положив закваску, вызвать брожение'); *по/маз/к/а* в 1 знач. 'жировое вещество, которое добавляют в пищу для улучшения вкуса'; ¹*по/станóв/к/а* 'опара' (образование на базе диалектного глагола *постановить* в 1 знач. 'расположить в стоячем положении, поставить'); *при/бёл/к/а* 'закваска для теста' (ср.: *прибелить* тесто 'подбить тесто, добавив в него муки, сдобы и т.п.'). Как видим, перчисленные девербативы могут быть производными как от основ общерусских глаголов (*выжаривать, вытереть, помазать*), так и от диалектных (*наквасить, прибелить, постановить*). При этом процесс деривации во всех случаях сопровождается морфологическими изменениями: происходит усечение производящей основы.

Всего несколько слов образовалось от основ отглагольных прилагательных и причастий литературного языка: *жар/ён/к/а* в 1 знач. 'кушанье, приготовленное жареньем'; *кваш/он/к/а* во 2 знач. 'топленое молоко, заквашенное сметаной'; ²*кал/ён/к/а* 'печеные яйца или калёные'; *моч/ён/к/а* 'размоченный черствый хлеб'; *пар/ён/к/а* в 1 знач. 'пареная свекла или тыква'; *пер/сол/ён/к/и* 'картофель, сваренный без кожуры в соленой воде'; *скобл/ён/к/а* 'картофельное пюре'; *сло/ён/к/а* 'булочка из слоеного теста'; *сол/ён/к/а* '1. отварной чищенный картофель. 2. засоленная в домашних условиях рыба. 3. похлебка'; *суш/ён/к/и* 'сушеные фрукты'; *топл/ён/к/а* 'каша, сваренная на топленом молоке'; *чищ/ен/к/а* 'вареный чищенный картофель'. Производные слова, образованные от глаголов и отглагольных прилагательных, называют продукты питания по процессу их приготовления.

Суффикс *-к-* участвует в образовании вещественных существительных только женского рода *singularia tantum*: *затирушка* 'каша из муки'; *мочёнка* 'размоченный черствый хлеб'; *помазка* в 1 знач. 'жировое вещество, которое добавляют в пищу для улучшения вкуса' и др., а также существительных *pluralia tantum*, не имеющих родовой принадлежности: *верики* 'сливки'; *выжарки* 'пенка на горячем растопленном масле'; *вытерки* 'отходы при изготовлении крахмала из картофеля'.

Суффикс *-ник-* может выражать разные словообразовательные значения, так как с его помощью образуются новые слова от слов разных частей речи. От существительных при помощи суффикса *-ник-* образовались следующие слова (19 образований): *дикуш/ник* 2. 'пирог с начинкой из гречневой каши' (← *дикуша* в 3 знач. 'греч-

невая каша'); *калин/ник* 'пирог, лепешка из ржаной муки с калиной или свеклой'; *капуст/ник* 'пирог с капустой'; *карт'ов/ник* 2. 'картофельное пюре', 3. 'пирог с картофелем', 4. 'блин из тертого картофеля'; *картофель/ник* 1. 'картофель, жаренный с яйцами', 2. 'пирог с картофелем'; *каш/ник* в 3 знач. 'пирог с кашей'; ¹*луч/ник* 1. 'пирог с луком'; *малин/ник* 'высушенные ветки малины с листьями и ягодами; применяются для лечения простудных заболеваний'; ⁴*молоч/ник* 'кушанье, запеканка из лапши с яйцами и молоком'; *муч/ник* 'лепешка, испеченная в форме'; *п'олб/ник* и *п'олоб/ник* 'хлеб из особого сорта пшеницы, полбы'; *прос/ник* 'блин из пшеничной муки'; *пшин/ник* 'запеканка из пшеничной каши'; *рыб/ник* 'пирог с рыбой'; *саль/ник* '1. запеченный с салом картофель'; *свеколь/ник* 'квас из вареной столовой свеклы'; *тыков/ник* 'пшеничная каша, приготовленная с тыквой' (от диалектного существительного *тыкова* 'тыква'). Как видим, при помощи суффикса *-ник-* образовались имена существительные только мужского рода. Они имеют словообразовательное значение 'содержащий то, что названо производящей основой'.

Всего несколько слов образовалось с помощью суффикса *-ник-* от основ: 1) прилагательных (*лук/ов/ник* 'пирог с луком'); 2) глаголов (*на/ли/в/ник* 'хлеб из тертого картофеля и крахмала, испеченный в форме'; *от/ли/в/ник* 'овсяной кисель'; *с/клад/ник* 'слоеный пирог с жареным луком, выпекаемый в форме' и отглагольных прилагательных (*кваш'ен/ник* во 2 знач. — 'свадебный пирог').

Суффикс *-ушк(а)* участвует в образовании слов, мотивированных разными частями речи. При помощи данного суффикса от существительных образуются следующие слова: *клоб/ушк/а* 1. 'конопляный жмых', 2. 'лепешка из конопляного жмыха с добавлением муки' (ср.: *колоб* 'остатки семян масличных растений после выжимания из них масла, идущие на корм скоту, т.е. конопляный жмых'); *пыл/ушк/а* в 1 знач. 'лепешка из ржаного кислого теста, испеченная в топящейся печи' (ср. *пыл* в 1 знач. 'сильный жар, огонь'); *чекур/ушк/а* 'пирожок с картофелем' (ср.: *чекур* 'пирожок из пресного теста с любой начинкой').

Малочастотно в исследуемых говорах образование новых слов от основ прилагательных при помощи суффикса *-ушк-*, обозначающего название пищевого продукта по характерному для него признаку: *крив/ушк/а* 'вареники' (см. *кривой* в 3 знач. 'вареник'); *пресн/ушк/а* 'пресная лепешка'. Встретилось единичное образование

от глагольной основы: *за/гиб/ушк/а* 'ватрушка'. Чаще в качестве производящей базы выступают причастия, напр.: *ви/т/ушк/а* 1. 'крендель, баранка', 2. 'калач'; *мя/т/ушк/а* 'картофельное пюре'; *на/ли/т/ушк/а* 'ватрушка с картофелем или творогом'.

Суффикс *-ек-* участвует в образовании новых слов, мотивированных только существительными, и выражает уменьшительно-ласкательное значение: *жамо́ч/ек* ум.-ласк. к *жамок* 'пряник'; *крив/ёнш/ек* ум.-ласк. к *кривёныш* во 2 знач. 'пирог с любой начинкой'; *крушо́ч/ек* ум.-ласк. к *крушок* 'кусочек сахара'; *курнич/ек* ум.-ласк. к 1 *курник* в 1 знач. 'пирог с любой начинкой'; *пережёнч/ек* ум.-ласк. к *переженок* 'сдобный пирожок в форме треугольника'. Во всех словах (кроме *кривёнышек*) происходит чередование звуков [к] и [ч] на стыке производящей базы и словообразовательного аффикса. На базе диалектного существительного *картовник* во 2 знач. 'картофельное пюре' было образовано *карто́в/нич/ек* 'картофельные котлеты'. Характерно, что в некоторых случаях суффикс *-ек-* асемантичен: *алякуш/ек* то же, что *алякаш* 'недопеченный хлеб, пирог'; *зуб/о́ч/ек* 'открытый пирог из пресного теста' – ср.: *зубок* с тем же значением).

При помощи суффикса *-ик-* образовались имена существительные, мотивированные прилагательными: *вечёр/ошн/ик* 'молоко, надоенное вечером'; *греч/ишн/ик* 'блин или лепешка из гречневой муки'; *лу́к/венн/ик* 'пирог с луком'; *обед/енн/ик* в 1 знач. 'молоко дневного удоя, обеденное'; *пресн/ик* 'лепешка из пресного теста'; *прёсн/ик* 'запеканка из пшенной каши'; *сúтн/ик* 'большая лепешка'; *ты́кв/енн/ик* 'тыквенный сок'; *ты́ков/енн/ик* '1. пшенная каша, приготовленная с тыквой'. Примечательно, что в русских говорах Мордовии представлены однокоренные существительные со значением 'молоко утреннего удоя', образованные при помощи суффикса *-ик-*, от основ общерусского и диалектного прилагательных: *утр/енн/ик*, *утр/ешн/ик*, *úтр/ошн/ик* (ср.: *úтрешный* 'утренний (о молоке)').

Единичные слова образовались с помощью суффикса *-ик-* от существительных: *корж/ик* 'лепешка из тертого картофеля, замешанного на кислом молоке'; *чумáр/ик* 'клецка' (от *чумáры* в 1 знач. 'клецки'), суффикс *-ик-* в этом случае выражает значение единичности.

Малопродуктивным для слов данной лексико-семантической группы является образование существительных при помощи суф-

фикса *-онк-* / *-ёнк-*. Слова с этим суффиксом могут быть образованы от имен существительных: *гнет/ёнк/а* 'лепешка из тертого картофеля'. Подтверждает мотивировку данного слова иллюстративный материал: *Нагрём картошки, выжмим над гнётъм, а патом биз муки пикём. Вот ы пълучилъсь гнитёнкъ. Вот пътаму и нъзывали гнитёнкъми* (Покассы, Zubovo-Polyanskiy rayon); *масл/ёнк/а* в 4 знач. 'кушанье, приготовленное из толченого конопляного семени с луком'. От основы прилагательного образовано слово *крив/ёнк/а* 1. 'лепешка из толченого конопляного семени', 2. 'пирожок с начинкой из толченого конопляного семени' (ср.: *кривой* в 1 знач. 'лепешка из толченого конопляного семени').

Частотным в исследуемых говорах оказался суффикс *-ух-* / *-юх-*. Интересна морфемная структура родственных слов с корневой морфемой *-ли-* и словообразовательным формантом *-ух(а)*. Так, в исследуемом говоре представлено несколько deverбаливов, образованных от приставочных глаголов (*от/ли/ух/а* 'жидкая пшенная каша'; *с/ли/в/ух/а* 'похлебка, приготовленная на картофельном отваре'; *с/ли/ух/а* 'жидкая пшенная каша с картофелем'), страдательных причастий (*от/ли/т/ух/а* 'жидкая пшенная каша'; *раз/ли/т/ух/а* 'жидкая каша') и отглагольного прилагательного (*раз/ли/вн/ух/а* 'жидкая каша'). От причастий при помощи суффикса *-ух-* произведены однокоренные существительные *мя/т/ух/а* и *по/мя/т/ух/а* 'картофельное пюре'. Можно привести и другие примеры образования слов присоединением этот аффикса: *за/тир/ух/а* 1. 'каша из муки', 2. 'похлебка, заправленная мукой', 3. 'кушанье из кусочков теста, сваренных в воде или молоке'; *пере/сын/ух/а* 'тестообразное кушанье из ржаной муки и калины'; *раз/рез/ух/а* 'вареный резаный картофель'; *тряс/ух/а* 'салат из свежих огурцов'. Суффикс *-ух-* / *-юх-* участвует в словообразовании существительных женского рода от глагольных основ, указывающих на способ приготовления блюда.

Частотный для говоров суффикс *-ик(а)* образует новые слова от существительных, при этом процесс деривации может сопровождаться усечением производящей основы: *карава/ик/а* 'хлеб круглой формы'; *кулебя/ик/а* 'хлебец, булочка из остатков кислого теста'. От глаголов образованы *за/вар/и/ик/а* 'жидкая каша'; *пал/и/ик/а* 'ржаная лепешка из кислого теста, испеченная в топящейся печи'.

От существительных образовалось несколько слов при помощи суффикса *-ин-*: *кром/ин/а* 'большой кусок хлеба, пирога' (ср.: *кромá* 'кусочек хлеба, пирога'); *нов/ин*, *нов/ин/а* 'хлеб нового урожая'.

Отглагольными являются существительные, образованные при помощи суффикса *-ыш-*: *на/топ/ыш/и* 'топленое масло'; *о/пал/ыш* 'лепешка, испеченная на сковороде в топящейся печи'; *о/тёр/ыш* 'остатки картофеля при переработке его на крахмал'; *начин/ыш* 'пирог'.

Суффикс *-ок-* участвует в словообразовании существительных, мотивированных разными частями речи. От прилагательного *луг/ов/ой* образовано слово *луг/ов/ок* 'гриб луговой опенок'. Суффикс *-ок-* (как и *-ек-*) может приносить в производные слова уменьшительно-ласкательное значение: *вар/ок* ум.-ласк. к *вар* в 1 знач. 'кипяток'; *дер/ун/ок* ум.-ласк. к 1 *дер/ун* во 2 знач. 'сдобная лепешка из пресного теста'.

Заметим, что, кроме суффиксов *-к-*, *-ок-*, *-ушк-*, уменьшительно-ласкательное значение может быть передано и суффиксами *-чик-* (*колобан/чик* ум.-ласк. к *колобан* 'круглый хлеб из пшеничной муки'), *-ц-* (*блин/ц/ы* 'блинчики').

Суффикс *-енчик-* образует имена существительные мужского рода от основы прилагательного (*крив/ёнчик* 'пирог с любой начинкой') и существительного (*пирож/енчик* 'пельмени').

Слова с суффиксом *-енник-*, образованные от существительных, имеют словообразовательное значение 'содержащий то, что названо производящим словом': *лапш/ённик* 'запеканка из лапши'; *полб/енник* в 1 знач. 'хлеб из особого сорта пшеницы, полбы'.

При помощи суффикса *-лец-* образовались имена существительные мужского рода, мотивируемые существительным (*карава/лец* 'пирог с луком') и глаголом (*пад/а/лец* 'плод, упавший с дерева').

Существительные женского рода могут быть образованы при помощи суффикса *-иц-*: *карава/иц/а* 1. 'хлеб круглой формы', 2. 'крутая пшенная каша, подаваемая на стол целиком вынутой из глиняного горшка'; *рж/ан/иц/а* 'ржаной хлеб'.

С помощью суффикса *-ышк-* образуется существительное *за/тир/ышк/и* – 'остатки конопляного семени после выжимания из него масла'. Суффикс *-ышек-* служит для образования новых слов, мотивируемых глаголом (*за/вал/ышек* 'черствый завалившийся кусок хлеба'), прилагательным (*клёк/ышек* 'сырые, непропеченные хлебные изделия' – ср.: *клёклый* во 2 знач. 'сырой, непропеченный (о хлебных изделиях)').

Встретилось в исследуемой нами группе слово, образованное с помощью суффикса *-j-* от основы существительного литературного языка: *прост/о/кваш/ [j/э]* 'густое закисшее молоко, простокваша'.

При помощи суффикса *-евник-* и его варианта *-ёвник-* от существительных образовались слова: *кут/евник* 'рисовая каша'; *кон/ёвник* во 2 знач. 'растение щавель кислый' (*кон/ёвник* в 1 знач. 'растение щавель густой, или конский').

Существительные с суффиксом *-лк-*, как и в литературном языке, образуются от глагольных основ: *дрож/а/лк/а* 'студень'; *чист/и/лк/и* 'картофельная кожура'. Девербативами являются и существительные, образованные с помощью суффикса *-н-*: *вы/хват/н/и* 'лепешка из вареного картофеля с крахмалом'; *за/гиб/н/и* 'пирог из пресного теста'. В то же время отмечено и единичное отыменное существительное с названным аффиксом: *щавель/н/а* 'лепешка из муки с добавлением щавеля'. Отглагольными являются также существительные с суффиксом *-их-*: *за/крут/их/а* 'пирог из пресного теста'; *пал/их/а* 'лепешка из кислого теста, испеченная в топящейся печи';

Можно предположить, что существительные *дых/алочк/а* 'сдобная лепешка из пресного теста' и *дыш/а/нк/а* 'лепешка из вареного картофеля' образованы от глагола *дышать* (о тесте).

Отадъективными являются образования *перв/ак* 'самогон первого сорта, полученный в самом начале перегонки'; *персн/як* 1. 'пирог из пресного теста', 2. 'лепешка из пресного теста', в которых суффикс *-ак-* / *-як-* называет пищевой продукт по характерному для него признаку, качеству.

Малочастотными для данной лексико-семантической группы являются суффиксы, представленные в структуре лишь единичных образований. Прежде всего, это суффиксы *-ул'-* (*браж/уль* 'брага'); *-б-* (*варь/б/а* 'вареная пища'); *-г-* (*верещ/а/г/а* 'яичница', так как можно предположить, что это слово образовалось от глагола *верещать*); *-ун-* (*дер/ун* 1. 'оладья из тертого картофеля', 2. 'сдобная лепешка из пресного теста'; ср.: зафиксированное словарем *дёр* 'картофельные выжимки'); *-ов-* (*ёд/ов/о* 'пища, кушанье'); *-ец-* (*карава/ец* 1. 'небольшой круглый хлеб из смеси пшеничной и пшениной муки', 2. 'толстый пирог с любой начинкой', 3. 'толстый блин', 4. 'крутая пшеничная каша, подаваемая на стол целиком вынутой из глиняного горшка'); *-ошник-*, *-ушник-* (*пип/ошник*, *пип/ушник* 'сдобный пшеничный хлеб'; ср.: *пипа* 'хлеб'); *-ашк-* (*посреб/ашк/а*

‘лепешка, сделанная из остатков кислого теста’; ср.: *посреб/и/ть* ‘сгрести, убрать’); *-от-* с собирательным значением (*разн/от/а* ‘разные сорта хлеба’); *-атин-* (*свеж/а/тин/а* ‘свежее мясо’).

Встретилось несколько слов, образованных от глагольных основ безаффиксным (флексионным, или флективным) способом [Немченко, 1984: 128 – 131], или способом нулевой аффиксации [Лопатин, 1966: 76 – 87]: *вз/вар* ‘компот’; *вар* 1. ‘кипяток’, 2. ‘кипяченая вода’, 3. ‘картофельный суп, заправленный маслом и сырым луком’; *жим* ‘халва’; *квас/ы* ‘хлеб кислого теста’; *корм/ы* ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки; хлеб’; *пере/нёк/а* 1. ‘каленое толченое конопляное семя’, 2. ‘блины, посыпанные толченым конопляным семенем’; *под/п/рав/а* ‘приправа’ (мотивирующим является диалектный глагол *подправить* ‘класть в кушанье приправу’); *при/тв/ор* ‘закваска для теста’ (словообразование этого слова объясняет глагол *притворить*, который встречается в составе фразеологического сочетания *притворить тесто* ‘приготовить опару’); *слив* ‘жидкая пшенная каша с картофелем’. Лишь диалектизм *новь* ‘хлеб нового урожая’ является отадъективным образованием.

Можно отметить единичное слово в составе рассматриваемой группы, образованное префиксальным способом: *вы/дым/к/а* ‘лепешка из тертого картофеля’ – ср.: *дымка* ‘оладья из тертого картофеля’.

Крайне редко, но все же встречаются в данной лексико-семантической группе диалектные названия, образованные префиксально-суффиксальным способом. Так образуются имена существительные при помощи присоединения к производящей основе приставки *под-* и суффиксов – *-к-*, *-ок-*: *под/д/он/к/и* в 1 знач. ‘остатки, получаемые при вытапливании масла; вытопки’; *под/н/ов/ок* ‘молодой квас’.

Распространенным оказалось образование слов с помощью приставки *за-* и различных суффиксов – *-ок-*, *-ульк(а)* или *-ух(а)*: *за/ков/ал/ок* ‘большой кусок чего-либо съестного’ (ср.: *ковал* в том же значении); *за/ви/т/ульк/а* ‘витая булочка’; *за/жир/ух/а* ‘лапша с мелкими кусочками жирного мяса’.

Малопродуктивным оказалось словообразование существительных при помощи префикса *о-* в сочетании с какими-либо суффиксами: *о/ков/ал/ок* ‘большой кусок чего-либо съестного’; *о/тёр/ыш/ек* ‘лепешка из тертого картофеля’.

Встретилось несколько слов, которые образовались при помощи префикса *по-* и различных суффиксов на базе имен существительных: ²*по/дён/ок* во 2 знач. ‘густые остатки жидкой пищи’; *по/пут/ник/и* ‘съестные припасы, которые берут с собой в дорогу’; *по/ужин/к/и* ‘остатки от ужина’. По-видимому, диалектизм ²*по/дён/ок* во 2 знач. мотивирован существительным *день* (жидкая пища, оставшаяся по прошествии дня), так как есть в говорах аналогичное по структуре образование *по/ужин/к/и* ‘остатки от ужина’. Необходимо отметить, что с помощью префикса *по-* и суффиксов образовались слова одного разряда со значением: ‘отходы, остающиеся при изготовлении или употреблении пищи’.

В рассматриваемой нами лексико-семантической группе есть два слова, которые образовались при участии префиксоида *полу-* и суффиксов *-ник-*, *-ошник*: *полу/каш/ник* – ‘жидкая каша’; *по/дён/ошник* – ‘молоко дневного удоя’.

В русских говорах Мордовии можно выделить ряды родственных слов, обозначающих различные продукты питания. Словообразовательное гнездо, например, составляют имена существительные, образованные на базе просторечного глагола *хлебать* ‘есть (жидкое), черпая ложкой’:

<i>хлеб/а/ть</i> →	<i>хлёба/л/о</i> ‘похлебка’ <i>хлеб/н/я</i> ‘холодное кушанье из кваса, окрошка’ <i>хлёб/ов/о</i> ‘жидкая пища’ <i>*недо/хлебатъ</i> →	<i>недохлеб/к/и</i> ‘остатки жидкой пищи’
--------------------	---	---

Характерной особенностью говоров можно считать параллельное существование в них словообразовательных синонимов. Так, от существительного *солод* были образованы производные, обозначающие ‘лепешка или пирог из солодовой муки с калиной или свеклой’: *солод* → *солод/анк/а*, *солод/ёнк/а*, *солод/ник*, *солод/ушк/а*, *солод/яшк/а*.

Также встретились в группе слов со значением ‘продукты питания’ примеры образования диалектных слов путем сложением основ. К. Л. Цыганова, рассматривая особенности образования сложных слов в русских говорах на территории Мордовии, отмечает, что «в описываемых говорах сложные слова представлены небольшим количеством слов (менее 0,1 % всех слов, зафиксированных в пяти выпусках «Словаря русских говоров на территории Мордовской ССР»)» [Цыганова, 2001: 154]. Справедливость данного положения

подтверждает и обследованный нами фактический материал: здесь представлены лишь единичные сложные слова *красн/о/дёр* 'кушанье из кваса с квашеной капустой и свеклой'; *сам/о/нёк* 'хлеб домашнего приготовления'; *сыр/о/кваш/а* 'простокваша';

Продуктивным для лексико-семантической группы со значением 'продукты питания' оказался морфолого-синтаксический способ, в частности субстантивация. Субстантивировались имена прилагательные, начавшие обозначать пищевой продукт: *кривенький* 'пирог с любой начинкой'; *кривой* 1. 'лепешка из толченого конопляного семени', 2. 'пирог с любой начинкой', 3. 'вареники'; *молодые* 'свежеиспеченные хлебы в виде караваев'; *мягкий* 1. 'белый хлеб домашнего изготовления', 2. 'сладкий пирог'; *ночные* 'лепешки из кислого теста, поставленные накануне вечером'; *подоный* 'черный хлеб с капустными листьями, испеченный на поду'; *ситный* 'круглый хлеб из просеянной ржаной муки'; *тухлятый* 'хлеб из гнилого картофеля'; *холодное* 'студень'. Как известно, имена прилагательные, переходя в существительные, претерпевают семантико-грамматические изменения: они начинают обозначать предмет, приобретают морфологические признаки и синтаксическую функцию существительных.

Субстантивированные прилагательные могут иметь различную степень семантической связанности с исходным прилагательным. Как правило, в их смысловой структуре сохраняется ядерное значение исходного слова, а также появляются новые семантические компоненты. Все субстантиваты обнаруживают общие семы с прилагательными литературного языка: *кривенький* и *кривой* 'непрямой, изогнутый'; *молодые* 'недавнего приготовления'; *мягкий* 'легко поддающийся давлению, сжатию, малоупругий, эластичный'; *ночные* 'поставленные накануне вечером'; *подоный* 'испеченный на поду'; *ситный* 'просеянный сквозь сито'; *тухлятый* 'протухший, с плохим запахом'; *холодное* 'студень – холодное кушанье'. В то же время они обнаруживают появление добавочных смысловых компонентов, связанных с обозначением тех или иных продуктов питания: *ситный* 'круглый хлеб из просеянной ржаной муки'.

У субстантиватов, в отличие от прилагательных, категория рода имеет несловоизменяемый характер: они не изменяются по родам, а приобретают отнесенность к какому-либо роду, в говорах чаще всего к мужскому роду (ср.: *дубовый*, *мягкий*, *кривенький*, *кривой*), реже – к среднему роду (*холодное*), за исключением тех суб-

Классифицированных прилагательных, которые имеют форму только множественного числа (например, *ночные, молодые*). Субстантивированные прилагательные обладают словоизменительными категориями числа и падежа. Они утрачивают синтаксическую функцию согласованного определения, а в предложении выступают в роли подлежащего или дополнения, например, слово *ночные* 'лепешки из кислого теста, поставленные накануне вечером': *Начные ели, кады хлебы пякли. Возьмеш тесть ат хлебъф и начных надельш. С пыл-ку-ть гожь* (Башкирцы, Теньгушевский район).

В исследуемой нами группе слов, обозначающих продукты питания, менее продуктивным оказался лексико-семантический способ, при котором новые слова образуются в результате распада слова на омонимы, т.е. приобретение одним и тем же звуковым комплексом разных значений. Примеры образования слов этим способом немногочисленны: *барашки* 'печенье из дрожжевого теста в форме кренделя'. В данном случае трудно определить соотношенность по форме: скорее всего, относится не к барану, а к рогам, имеющим изогнутый вид. *Жаворонок* во 2 знач. 'ржаной пресный хлебец в виде птицы, который пекут весной'; *зубок* во 2 знач. 'небольшой хлебец, напоминающий по форме зуб; его пекут сразу после рождения ребенка'; *конурка* 'изделие из сдобного теста в виде кусочков различной формы с отверстием посередине'; *копытчики* в 1 знач. 'ватрушки с пшенной кашей'; *копыты* 'ватрушки с любой начинкой'; *крест* во 2 знач. 'изделие из пресного теста в форме креста'; *лесенка* 'печеное изделие из пресного теста в виде лестницы; печется на религиозный праздник вознесенье'; *лестница* в 1 знач. 'то же, что *лесенка*'; *луковка* 'круглая жесткая конфета с начинкой'; *орешек* 'изделие из пресного теста в форме небольшого шарика с изюминкой в середине'; *рак* 'хлебное изделие, имеющее форму рака, которое подавалось молодым на свадьбе'; *сосулечка* 'пресная лепешка в форме сосульки'.

Как видим, данные диалектизмы появились в результате переосмысления слов литературного языка, большая часть которых имеет уменьшительно-ласкательные суффиксы (*орешек, копытчики, лесенка* и др.). При этом семантическое переосмысление слов литературного языка происходит в результате метафоризации. Основанием для семантической мотивации слова литературного языка и диалектного является наличие общих сем в их смысловой структуре. Так, например, существительное *орешек* в литературном языке

обозначает ‘плод некоторых деревьев или кустарников со съедобным ядром в скорлупе’. Основой метафорического переноса являются в этом случае семы ‘небольшой шарик’, ‘с чем-то внутри’. Как отмечает Е. В. Кузнецова, «перенос значения по сходству, или метафору, многие исследователи диалектов считают основным способом переосмысления литературных слов носителями диалектов» [Кузнецова, 2007: 270].

Нужно сказать, что слово *колáнец* в 1 знач. – ‘небольшой круглый камешек’ – употребляется в говорах в переносном значении: *колáнец* в 3 знач. – ‘неподнявшийся или черствый хлеб’ (жесткий, как камень).

Русские говоры характеризуются варьированием фонемного состава морфем в диалектной речи. Е. Н. Шаброва отмечает, что «описание фонематической структуры морфем в данном случае должно отмечать моно- или поливариантный характер морфем, фиксировать диалектные варианты общерусских морфем и определять диапазон фонематического варьирования диалектных корней и аффиксов» [Шаброва, 2006: 27]. Так, некоторые корневые морфемы характеризуются в русских говорах варьированием вокалической части: *чекур/ушк/а*, *чакур/к/а* ‘пирожок с картофелем’; *чекур* ‘пирожок из пресного теста с любой начинкой’, *чукар/ы* ‘ватрушки из ржаной муки с картофелем’; *чукур/ок* ‘вареник с требухой’. Как видим, данный корень имеет вариантный фонемный состав в русских говорах Мордовии: *чекумр*, *чакумр*, *чумкамр*, *чукумр*.

Рассмотрев морфемную структуру и деривационные особенности имен существительных со значением ‘продукты питания’, можно сделать следующие выводы. Большая часть рассмотренных слов имеет непроизводную и немотивированную с точки зрения современного состояния языка структуру. Имена существительные в говорах, как и в литературном языке, характеризуются богатством и разнообразием способов словообразования. Наиболее продуктивным способом является морфологический, в частности суффиксальный. При этом отмечается более свободное соединение аффиксов с производящими основами разных частей речи. Малопродуктивными для слов этой группы являются префиксальный и префиксально-суффиксальный способы.

В результате проведенного исследования удалось установить, что чаще других мотивирующими являются существительные со значением ‘еда’, но могут выступать в качестве производящей базы

прилагательные и глаголы, обозначающие качество, вкус какого-либо продукта или действие, направленное на приготовление пищи. Кроме того, слова этой группы мотивированы в основном словами литературного языка. В отличие от словообразовательного строя литературного языка, в говорах встретились лишь единичные случаи образования слов путем сложения основ, отсутствует аббревиация, усечение основ. В качестве словообразовательного средства выступают в основном морфемы, известные литературному языку: суффиксы *-к-*, *-ник-*, *-ушк-*, *-ек-*, *-ик-*, *-ок-*, *-онк-* / *-ёнк-*, *-ух-* / *-юх-*, *-шк-*, *-як-*, *-ин-*, *-ыш-*, *-иц-* и др. Единичны для анализируемой лексико-семантической группы собственно диалектные суффиксы. В процессе деривации имен существительных со значением 'продукты питания' не используются иноязычные морфемы. Малопродуктивными оказались морфолого-синтаксический, лексико-семантический способы словообразования.

ЛИТЕРАТУРА

Жбанкова Т. С. Название кушаний в рязанских говорах // Вопросы русского языкознания: Учен. зап. Рязанск. гос. пед. ин-та, 1962. Т. XXX. С. 148 – 151.

Кузнецова Е. В. Метафорические наименования в метеорологической лексике донских говоров // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Волгоград, 2007. С. 269 – 274.

Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология. М., 1989. 261 с.

Лутовинова И. С. О названиях кушаний в печорских говорах // Севернорусские говоры. Л., 1970. Вып. 1. С. 118 – 127.

Маркина Л. В. Из наблюдений над словообразованием существительных в «Словаре русских говоров на территории Мордовии» // Филологические заметки: Межвуз. сб. научн. тр. Саранск, 1993. С. 63 – 66.

Немченко В. Н. Грамматическая вариативность слова в современном русском языке и литературная норма. Нижний Новгород, 1998. 282 с.

Цыганова К. Л. Сложные слова в русских говорах на территории Мордовии // Владимир Даль и современная филология: Материалы междунар. научной конф. Нижний Новгород, 2001. С. 153 – 160.

Шаброва Е. Н. Морфемика русских говоров. Вологда, 2006. 108 с.

СОКРАЩЕНИЯ

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Т. 1–8. Саранск, 1978 – 2006.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ (на материале русских говоров Балезинского района Удмуртии)

Словообразование – явление сложное, многообразное и многостороннее, однако его изучение зачастую сводят к анализу образования новых слов с помощью морфем, отождествляя, таким образом, понятие «словообразование» с морфологическим способом деривации. К сожалению, внимание диалектологов, изучающих словообразовательные процессы в народных говорах, также сосредоточено в основном на морфемном словопроизводстве, во-первых, в силу традиции, во-вторых, в силу того, что «слова, образованные морфемным способом, сразу бросаются в глаза даже неопытному диалектологу и поэтому активнее фиксируются в экспедиционных материалах. Семантические же образования требуют особой внимательности, и для их поиска предстоит еще многое сделать» [Осипов, 1984: 133].

Несомненно, морфемное словопроизводство является одним из важнейших способов словообразования, но не стоит забывать, что есть и другие варианты деривации, роль которых в пополнении лексического состава русского языка, в том числе и диалектного словаря, не менее значительна.

В данной работе на примере говоров Балезинского района Удмуртской республики мы проанализируем действие в диалектном языке тех вариантов деривации, которые традиционно определяют как лексико-семантический, морфолого-синтаксический и лексико-синтаксический способы словообразования [Розенталь, 1976: 414–416]. Основное их отличие от морфологического способа заключается в том, что главным показателем появления нового слова здесь является изменение семантики производящего. Именно эта общая особенность позволила представителям Казанской лингвистической школы объединить данные деривационные варианты в один способ словообразования – семантический, противопоставив его морфологическому.

Среди ученых нет единого понимания сущности семантического словообразования, определение этого понятия обычно связывают с

вопросом о разграничении многозначности и омонимии. В нашей работе семантический способ словообразования рассматривается с позиции, обозначенной профессором В. М. Марковым: «Появление нового значения – это появление нового слова, осуществленное в результате единичного словообразовательного акта» [Марков, 1981: 15]. Рассматривая процесс образования нового слова семантическим способом более подробно, В. М. Марков пишет: «...по мере его [слова. – Е. Ж.] употребления в различных условиях речи оно, характеризуясь соотнесённостью с определённым явлением действительности, обогащается всё большим количеством ассоциаций (признаки, степень и условия их проявления, отношение к ним и т.д.). Иными словами, происходит количественное накопление этих ассоциаций, приводящее в целом ряде случаев к качественному «скачку» в виде акта рождения нового слова, то есть самостоятельной лексико-грамматической единицы, служащей наименованием уже иного явления, в том или ином отношении сближенным с исходным» [Марков, 1981: 20]. Результатом действия семантического словообразования являются омонимы, «то есть равнозвучные производные лексем, которые, в категориальном отношении, подобны лексемам, образованным с помощью морфем» [Марков, 1981: 9].

В зависимости от словообразовательной базы и характера изменения семантики выделяют несколько вариантов семантического словообразования: 1) лексико-семантический (новообразование появляется путем развития семантики одного слова), 2) морфологосинтаксический (производное слово является результатом лексикализации грамматической формы производящего), 3) семантическое включение (дериват возникает в результате лексикализации словосочетания путем опущения одного из компонентов), 4) лексикосинтаксический (новое слово образуется путем сращения компонентов словосочетания) [Балалыкина, 1985: 29 – 30]. Анализ диалектного материала, собранного в населенных пунктах Балезинского района Удмуртии, подтверждает, что названные варианты семантического словообразования свойственны не только литературному языку, но и народным говорам.

1. Лексико-семантический вариант семантического словообразования является наиболее продуктивным в исследуемых говорах. В нашем материале отмечены имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия, образованные этим способом:

бабуха 'женщина (баба)' (Ср. Урал) [СРНГ, 2: 29] > *бабуха* 'наседка' (*Ну дак бабуха, так гусиха или курица, парит яички котора* (д. Андреевцы)), основанием для образования нового слова послужило функциональное сходство денотатов производящего и производного – женщины-матери и птицы-наседки;

проворить 'справляться с работой, хорошо, успешно вести хозяйство' [СРНГ, 32: 102] (*Старик-от дежурит на фирме, он не проворит, я помогаю* (д. Базаны)) > *проворить* 'мочь, быть в состоянии, в силах что-либо делать' (*В огороде-то и сейчас покос есть, да не проворю убирать* (д. Петровка)), новое слово образовано в результате расширения семантики производящего;

комолый 'о рогатом скоте: безрогий или с роговыми шишками вместо рогов' [Даль, II: 147] > *комолый* 'о лаптях: с прямым, не выдающимся вперед носком' (*Дак деревцо это, лапти плету дак. Комолые бывают, прямые значит. Круглые есть, это носок скошенный значит* (д. Кирёнки)), основанием для появления нового слова стало уподобление признака, обозначаемого производным словом, признаку, обозначаемому производящим;

людно 'о наличии множества людей' [ССРЛЯ, II: 210] > *людно* «много (о любых одушевлённых и неодушевлённых объектах)» (*У отца нас людно было* (д. Петровка), *У нас кони-то людно были* (д. Коньково), *Корзинок-то людно у него* (д. Карсовой)), новое слово возникло в результате расширения семантики производящего.

2. Морфолого-синтаксическим способом в русских говорах Балединского района Удмуртии образуются в основном наречия:

руками (форма творительного падежа множественного числа существительного *рука*) > *руками* 'вручную, без применения механизации' (*Косили руками горбушей* (д. Кирёнки)), наречие образовано путём адвербиализации, в результате лексикализации беспредложной формы творительного падежа имени существительного, которая сопровождалась расширением семантики производящего.

Морфолого-синтаксическим способом в русских говорах Балединского района Удмуртии образовано также существительное *дружки* 'пара ведер' (*Ланись воду дружками носила, сейчас не могу, силы такой нету* (д. Кирёнки)). Данное наименование появилось путём лексикализации формы множественного числа диалектизма *дружок* 'пара каких-либо одинаковых предметов, взятых, соединённых и т. п. вместе' (Урал.) [СРНГ, 8: 218], которая сопровождалась сужением, конкретизацией семантики производящего.

3. Слов, образованных путём семантического включения, в русских говорах Балезинского района Удмуртии не зафиксировано, однако подобные дериваты неоднократно отмечались в говорах других районов данного региона. Например, в граничащем с Балезинским Красногорском районе зафиксировано образование:

боровые ягоды (*Ягоды есть: клюква на болоте, боровые ягоды; боровы-то пользительны больно* (д. Ботаниха)) > *боровые* (*Летом ещё перебивались как-как, кусты обирали, боровые носили* (д. Курья)). Данное наименование образовано от словосочетания путём опущения опорного слова, при этом семантический дериват включает в себя значение всего производящего словосочетания.

4. Случаи образования слов лексико-синтаксическим способом в русских говорах Удмуртии единичны. В говорах Балезинского района этим способом диалектной семантической деривации образовано наречие:

прошлой год (*Волков ой ли! Прошлой год дак у того овечки нету, у другого нету*) > *прошлогод / прошлогодь* (*Да прошлогодь издали видали медведя-то* (д. Андреевцы)), помимо изменения семантики, данный словообразовательный акт сопровождался изменениями в фонетическом облике слова.

Актуальность обращения к семантическому способу деривации обусловлена тем, что в последнее время изучение семантики выходит на первый план во всех разделах языкознания, в том числе и в словообразовании. По словам Ю. Д. Апресяна, «нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики» [Апресян, 1974: 3].

Работа по изучению семантической деривации в русских говорах Удмуртии относится к тому направлению в русском диалектном словообразовании, которое имеет своей целью «описать различные функциональные параметры действующих в диалектной системе словообразовательных типов: закономерности формальных и семантических преобразований производящих слов (основ) в процессе образования их производных внутри того или иного словообразовательного типа, степень продуктивности общерусских и диалектных словообразовательных типов в различных русских говорах» [Шаброва, 2004: 85]. Наше исследование не является единственным, изучению семантического словообразования в русских народных говорах посвящена, например, диссертационная работа О. А. Чупряко-

вой «Семантическая глагольная деривация в русских говорах Волго-Камья» [Чупрякова, 2006].

Словообразовательный тип – основная единица словообразования, актуальная и для анализа семантического словопроизводства, так как семантические дериваты также включаются в ряды аналогичных образований, для которых характерны общность словообразовательного значения и аналогичная мотивированность (общность производящей базы) [Еселевич, 1982: 27 – 29]. Анализируя действие семантического способа словообразования в народных говорах, необходимо учесть, что «существенным для диалектологических исследований является состав производящих слов каждого словообразовательного типа, набор производных слов и их семантика, анализ которой позволяет определить семантическую структуру всего словообразовательного типа, кроме того, характер морфонологических изменений, сопровождающих образование новых слов, внутри того или иного словообразовательного типа» [Шаброва, 2004: 87].

При этом стоит отметить, что «основу русского диалектного словообразования составляют общерусские словообразовательные типы, известные как говорам, так и литературному языку» [Яценецкая, 1982: 95]. В русских говорах Балезинского района Удмуртии представлены, в частности, следующие общерусские словообразовательные типы: 1) материал → изделие из этого материала: *Отец был дак, колоды держал, у нас мёд-то скунее ихнего* (д. Кирёнки), *Когда краски не было, тожно корьё ивы, ольхи брали, ивка в жёлтый красит, берёза бурее* (д. Кирёнки), *Лапти сама плела, ткала сама, носили-то всё портянину – самоткано платье* (д. Базаны) (от *портянина* «самотканое полотно»); 2) конкретное действие → абстрактное действие (действие в социальной сфере): *В колхозы сбивали когда, раскулачивали* (д. Андреевцы), *У меня никого, ни детей, ни братовей, ни сестёр нет <...> прильнуть не к кому* (д. Петровцы), *Рой делится, калды две матки схлеснутя, не ладят значитья* (д. Андреевцы), *Братья были, выздымала парней, пособила, женила* (д. Андреевцы), *Уряхаешься за день, ни рук ни ног, остались бабы одни, так и тянулись, куды денешься* (д. Андреевцы); 3) в исследуемых говорах представлен и общерусский словообразовательный тип производства наречий образа действия в результате лексикализации беспредложной формы творительного падежа существительного: *убегом* (*Замуж-от я убегом убежала, сама ушла, одна, в праздник с мужем и ушла* (д. Базаны)), *свадьбой* (*Я выходила <за-*

[муж> *свадьбой* (д. Андреевцы)) и др. Выделение производных слов, представляющих в народных говорах данный словообразовательный тип, осложнено тем, что «адвербиализация часто очень растягивается во времени» [Абдулхакова, 1986: 4] и по немногочисленным примерам употребления сложно сказать, завершился ли процесс лексикализации в данном случае.

Необходимость изучения диалектного семантического словообразования обусловлена тем, что в результате его действия зачастую появляются семантические диалектизмы, а «группа семантических диалектизмов ... по всеобщему мнению исследователей, доминирует и превалирует над другими группами диалектных слов в говоре» [Коготкова, 1979: 139].

Кроме того, семантические дериваты, как и слова, образованные с помощью морфем, могут иметь фонетические и грамматические отличия от производящих (*прошлогодь*, *руками* (наречие), *боровые* (существительное), *дружки* (существительное pluralis tantum) и др.).

Нужно подчеркнуть, что морфемный и семантический способы словообразования находятся в постоянном взаимодействии [Марков, 1981: 22]. В русских говорах Балезинского района Удмуртии неоднократно отмечались случаи, когда в результате акта семантического словообразования в иной лексико-семантический разряд переходит группа однокоренных слов: *В колхозы много раз входили и выходили: которых собьют – они выйдут, опять прибьют* (д. Петровцы). С другой стороны, семантические дериваты становятся производящими в морфемных словообразовательных типах: *А нынче-то опеть жизнь стала хороша тожно, да вот не запрова-рила. ушли годы-те от* (д. Шарпа) (ср. *не замогла* [СРНГ, 10: 259 – 260]).

Изучение проявлений семантического словообразования в народных говорах способствует более глубокому пониманию системы морфемного словопроизводства, так как «в результате все более последовательного осуществления семантического словообразования по аналогии в сфере морфемных образований последние могут усваивать новое типовое значение, что приводит к возникновению новых словообразовательных морфем в силу закрепления новых ассоциаций между значением и формой» [Марков, 1981: 22].

Конечно, материала говоров одного района недостаточно для выявления общедиалектных тенденций и закономерностей, специфических словообразовательных типов и моделей семантической

деривации, однако приведённые примеры подтверждают тезис о продуктивности семантического словообразования в говорах. Без изучения действия семантической деривации в народных говорах, без описания её роли в процессе изменения и пополнения словарного состава диалектного языка нельзя говорить о полномасштабном исследовании диалектного словопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулхакова Л. Р. О двух способах образования наречий в русском языке // Русское сравнительное и сопоставительное словообразование. Казань, 1986. С. 3 – 7.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Балалыкина Э. А., Николаев Г. А. Русское словообразование. Казань, 1985.

Еселевич И. Э. Словообразовательный тип при семантическом словообразовании // Учебные материалы по проблеме синонимии. Ч. 2. Ижевск, 1982. С. 27 – 29.

Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. М., 1979.

Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.

Осипов Б. И. О лексикографической интерпретации семантического словообразования // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984. С. 131 – 134.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Чупрякова О. А. Семантическая глагольная деривация в русских говорах Волго-Камья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006.

Шаброва Е. Н. Проблемы изучения русского диалектного словообразования // Лексический атлас русских народных говоров. (Материалы и исследования) 2001 – 2004. СПб., 2004. С. 84 – 90.

Яценецкая М. Н. О некоторых процессах в системе русского диалектного словообразования // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка, посвященное 60-летию образования СССР и 40-летию победы под Сталинградом. Тезисы докладов и сообщений. М., 1982. С. 95 – 96.

СОКРАЩЕНИЯ

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1996.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–38. М.; Л.; СПб., 1965 – 2004.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 4 т. М., 1985.

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ
СУБСТАНТИВНЫХ ПРЕПОЗИТИВНЫХ МОРФЕМ
С МОДАЛЬНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ
(на примере модальной препозитивной морфемы *анти-*)**

Современная система модальных препозитивных морфем поли-типологична. Ее структурная неоднородность может объясняться несколькими причинами. В состав модальных препозитивных морфем (МПМ) входят как исконно русские префиксы и префиксоиды, появившиеся еще в праславянскую эпоху (*без-, лже-, не-, недо-*), так и заимствованные препозитивные компоненты греческого (*анти-, гипер-, пара-, псевдо-*) и латинского (*де-, квази-, контр-, супер-, ультра-*) происхождения. Определение статуса исконных древних деривационных формантов не представляет особых затруднений, в отличие от статуса интернациональных морфем, появившихся в более позднюю эпоху. Таким образом, большое влияние на статус препозитивных морфем оказывают не только различия в их происхождении, но и различные по продолжительности префиксальные циклы МПМ, т. е. история эволюции субстантивных препозитивных компонентов начиная с момента их возникновения и до современного состояния словообразовательной системы. Кроме того, одна и та же морфема может выступать в качестве префикса или префиксоида, в зависимости от функции, которую она выполняет при образовании новых слов.

Типологическая неоднородность состава субстантивных модальных префиксов подчеркивалась различными лингвистами. Производные существительные с данными препозитивными морфемами в составе рассматриваются, с одной стороны, как префиксальные образования (Е. И. Голанова, Е. А. Голушкова, Е. А. Земская, Ю. А. Карпенко, В. В. Лопатин, Е. В. Оссовская, И. С. Улуханов и др.): *антиракета, контрмина, суперэкспресс, ультрамода*; с другой – как сложения (В. П. Григорьев, К. А. Левковская, Н. М. Шанский и др.): *псевдоценности, супероружие, экс-министр*.

С введением М. Д. Степановой промежуточного класса полуаффиксов возникла трихотомическая шкала статуса: аффикс – полуаффикс – корень (радикс) [Степанова, 1969: 142]. Изучением мор-

фем переходного характера занимался целый ряд лингвистов (В. П. Григорьев, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, И. Г. Милославский, В. Н. Немченко, М. Д. Степанова, Г. П. Цыганенко, Н. М. Шанский). Исследователи отмечают, что аффиксоиды (в нашем случае – префиксоиды) развиваются, прежде всего, на базе элементов греческого и латинского происхождения: «В русском языке слов с аффиксоидами греко-латинского происхождения содержится несколько тысяч» [Плещинская, 2005: 3].

Существует также точка зрения, согласно которой МПМ могут являться аналитическими прилагательными. По мнению М. В. Панова, подобные единицы обладают свободной сочетаемостью – основным признаком слова: «*экс-, супер-, ультра-, псевдо-* <...> обрели все признаки слова и попадают в класс аналитических прилагательных» [Панов, 1999: 156]: « – Я и сам знаю, что это не щука, а *«псевдо»*, откуда здесь щуке *взяться?*...» (Дон. 1967. № 6). К упомянутой группе аналитических прилагательных М. В. Панов также относит примеры сочетаний с «прилагательным» исконно русского происхождения *лже-*: *лжедрузья, лжегерой, лжесвятыня* и др. [Панов, 1999: 158]. Таким образом, в научной литературе существуют расхождения в определении статуса рассматриваемых препозитивных компонентов – от служебной морфемы (префикс) до значимого слова (аналитическое прилагательное).

По нашим наблюдениям, невозможно однозначно трактовать статус каждой МПМ, поскольку, в первую очередь, существует зависимость между статусом МПМ и характером исходной морфемы (служебная или корневая). Расхождения в определении статуса морфемы связаны с тем, являлась ли МПМ изначально префиксальной морфемой (*анти-, гипер-, квази-, пара-*) или берет свое начало от корневой (исконно русская *лже-*, заимствованные *псевдо-, супер-, ультра-*). Если МПМ берет начало от префикса или служебной части речи, она может быть либо префиксом, либо префиксоидом; в противном случае (если источником является корневая морфема), МПМ может принимать на себя функции префикса, префиксоида или аналитического прилагательного.

Кроме того, языковой статус (равно как и семантика) одной и той же модальной препозитивной морфемы зависит от ее функционального типа – ее вхождения в сферу мутационного или модификационного словообразования. Для этого мы рассмотрим особенности функционирования префикса *анти-* в составе мутационных и

модификационных производных. Этимологическое значение греческого по происхождению префикса *αντι-* 'против' (ЭСРЯ, 1: 79; ЭМТ: 16); 'вместо, взамен' (ГР-РС: 38).

Нам представляется, что в случае **мутационного** словообразования МПМ *анти-* является префиксом. В составе мутационных производных различных терминологий словообразовательные значения МПМ являются не вполне самостоятельными, эти СЗ синсемантически, крепко «спаяны» со значением производящего слова, т. е. имеет место процесс терминологической специализации семантики МПМ. В случае мутационного словообразования значение МПМ невозможно установить путем простого вычитания значения производящего слова из значения производного. Например: *астенолит* → *антиастенолит* (геол.) (*астенолит* 'гипотетическая глубинная структура, представляющая собой горячее и богатое газами тело сиалического состава, имеющее относительно высокую температуру. *Отрыв астенолита* от волновода приводит к образованию *антиастенолита*' (ГС, 1: 59) → *антиастенолит* 'гипотетическое скопление остаточных продуктов в волноводе верхней мантии на участке, откуда отделился базальтовый астенолит. Антиастенолиты, в отличие от всплывающих астенолитов, тонут внутри волновода, увлекая за собой окружающий материал, что ведет к образованию прогиба на поверхности волновода' (ГС, 1: 51)).

Исходя из толкований производящего и производного терминов, мы можем сделать вывод, что *антиастенолит* представляет собой гипотетический геологический объект, возникающий в результате процессов, происходящих с исходным геологическим объектом (*астенолитом*) и отличающийся от него некоторыми противоположными свойствами. Приведенный пример иллюстрирует лишь частичную актуализацию этимологического значения МПМ *анти-* (не полная противоположность двух геологических объектов, а противоположность некоторых свойств этих объектов), а также наличие в составе производных терминов дополнительных семантических компонентов, возникающих при присоединении модальной препозитивной морфемы к исходному слову: '*преобразование геологического объекта в другой объект, отличающийся от исходного некоторыми противоположными свойствами*'.

Или: *кодон* → *антикодон* (биол.) (*кодон* 'триплет, дискретная единица генетического кода; участок информационной РНК, состоящий из трех последовательных нуклеотидов' (БЭС: 268) → *ан-*

тикодон 'участок молекулы *транспортной* РНК, состоящий из трех нуклеотидов и «узнающий» *соответствующий* ему участок из трех нуклеотидов (кодон) в молекуле *информационной* РНК, с которым комплементарно *взаимодействует*' (БЭС: 30)). В данном случае также происходит частичная реализация этимологического значения МПМ *анти-* (не противоположность молекул или их участков, а соответствие, 'размещение напротив' участков указанных молекул).

Таким образом, в связи с высокой степенью семантической связанности модального препозитивного компонента и производящего термина в составе мутационных производных значение МПМ терминологизируется, сужается под влиянием парадигматического контекста научной терминосистемы. Препозитивные компоненты в составе существительных мутационного типа являются средством выражения операциональной модальности, так как служат для введения нового термина в терминосистему, соответствующую системе научных понятий. МПМ в данном случае теряет способность к свободной воспроизводимости в речи, становится структурно менее самостоятельной. Из данных фактов мы делаем вывод, что в составе производных терминов *анти-* (и в целом МПМ) являются префиксами.

В случае *модификационного* словообразования МПМ *анти-*, на наш взгляд, является префиксоидом. Действительно, в публицистическом стиле значения модальных префиксов обладают значительной семантической, а также структурной самостоятельностью, что позволило М. В. Панову даже сделать категорический вывод о том, что это не морфемы, а самостоятельные неизменяемые слова – аналитические прилагательные. Он основывался на таких их признаках, как свободная, нефразеологичная сочетаемость с существительными (префиксы фразеологичны), наличие синонимов <...> особое, персональное ударение [Панов, 1999: 156]: «*У тебя суперскромность. Просто супер. Сверх.* (Из разг. речи)» [Панов, 1999: 157]. Тем не менее, несмотря на автосемантичность, значение МПМ и здесь зависит от его этимологического значения, а также от внешнего и внутреннего контекстов производного слова. Рассмотрим особенности функционирования МПМ *анти-* в составе модификационных производных.

Например: «Для решения этой проблемы есть специальная линия T-pur от Biothérm, в которую входят очищающий скраб Scrab Purifiant Visage, пена для бритья Rasage Precis Purifiant и увлаж-

няющий жидкий крем-флюид «анти-блеск» Fluide Hydratant Anti-Brillance» [НКРЯ: Мужское лицо. Ответы Biotherm // Домовой. 2002. 4 февр.]: *блеск* → *анти-блеск* (*блеск* 'яркий свет, излучаемый или отражаемый чем-либо; в данном случае – свет, отражаемый жирной кожей человеческого лица' (НСРЯ (Е), 1: 106) → *анти-блеск* 'вещество, назначением которого является удаление свойства, названного производящим словом'). В данном случае происходит актуализация этимологического значения МПМ *анти-*: *анти-блеск* – *против блеска*. Кроме того, слово *анти-блеск* может быть осложнено дополнительной коннотацией положительной оценки упомянутого вещества, хотя сама МПМ ею не обладает.

Или: «На раннем этапе, заложившем фундаментальные основы *анти-знания*, мифология естественным порядком строилась на своевременно усопших комдивах – Чапаеве, Киквидзе, Щорсе, Котовском, Пархоменко и Дундиче: все полководцы рангом от командарма и выше, кроме Буденного с Ворошиловым, были уничтожены в армейских чистках 37-39 гг.» [НКРЯ: Горелов Д. Рожденные хватями. Кто на самом деле выиграл в Гражданской войне // Известия. 2003. 27 февр.]: *знание* → *анти-знание* (*знание* 'обладание какими-либо сведениями, осведомленность относительно кого-либо, чего-либо' (НСРЯ(Е), 1: 557) → *анти-знание* ('незнание, неосведомленность, неправильная информация'). В данном случае также происходит актуализация этимологического значения *анти-*: *анти-знание* → *не-знание* или *недо-знание*. В данном случае слово *анти-знание* осложнено отрицательной коннотацией.

Таким образом, в составе модификационных производных МПМ *анти-* является средством выражения рефлексивной модальности, свойственной для художественно-публицистической речи: «Рефлексивы выполняют роль документированной формы эмоциональных состояний эпохи» [Ведрева, 2005: 321]. В данном случае МПМ выполняет функцию модального коннотативного определителя; более того, «субъективность, свойственная художественной и публицистической речи, предполагает превалирование коннотативного компонента в слове над денотативным» [Ведрева, 2005: 26]. Являясь достаточно самостоятельной в семантическом плане, обладая высокой степенью воспроизводимости в речи, указанная МПМ характеризуется высокой степенью структурной самостоятельности, и в данном случае она может быть определена как префиксоид. Имея одно этимологическое значение, модальная препозитивная

морфема играет разную роль и, следовательно, имеет различный статус при словообразовательной модификации и мутации.

Таким образом, в системе субстантивных префиксов можно выделить два функциональных типа МПМ. Первый тип – модификационный, при котором модальные препозитивные морфемы выполняют оценочную функцию, являются структурно и семантически более самостоятельными и являются префиксоидами, другой – мутационный, при котором МПМ выполняют служебную (конструктивную и реляционную) функцию, характеризуются высокой степенью семантической и структурной связанности с производящим термином и являются префиксами.

ЛИТЕРАТУРА

Степанова М. Д. К вопросу о стилистических функциях словообразовательных моделей // Проблемы лингвистической стилистики. М., 1969. С. 141 – 142.

Плещинская А. И. Развитие префиксоидного словообразования в русском языке (на материале слов с элементами *аудио-, видео-, кино-, радио-, теле-, фото-*): Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2005.

Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.

Голанова Е. И. Об одном типе препозитивных единиц в современном русском языке (на материале имен существительных с префиксами *квази-, лже-, псевдо-*) // Развитие современного русского языка (1972): Сб. статей. М.: 1975.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.

СОКРАЩЕНИЯ

БЭС – Биологический энциклопедический словарь. М., 1995.

ГС – Геологический словарь: В 2-х тт. М., 1978;

НСРЯ(Е) – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2-х т. М., 2000;

ГР-ГРС – Сальнова А. В. Греческо-русский и русско-греческий словарь. М. 1999.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка.

О СТАТУСЕ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ В АСПЕКТЕ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕРМИНОЛОГИИ¹

Статья посвящена изучению статуса однокоренных образований в терминологической системе русского языка. Этот вопрос впервые был затронут О. С. Ахмановой в работе «Очерки по общей и русской лексикологии» [Ахманова, 2004: 192 – 233], дискуссию о соотношении однокоренных образований в терминологии продолжили В. А. Гречко [Гречко, 1966: 118 – 134], Р. П. Рогожникова [Рогожникова, 1967: 151 – 163], С. Г. Бережан [Бережан, 1967: 142 – 151] и многие другие исследователи. Теоретическое освещение рассматриваемая проблема получила в работах К. С. Горбачевича [Горбачевич, 1978], Л. К. Граудиной [Граудина, 1980], В. Н. Немченко [Немченко, 1990] и др. Вместе с тем в современном языкознании ещё нет достаточной ясности в этом вопросе, хотя определение статуса семантически близких или тождественных однокоренных разноаффиксальных образований представляется важным не только в общетеоретическом, но и в лексикографическом плане, поскольку связано с проблемой представления и толкования слов в филологических словарях.

Целью данной статьи является изучение семантических и структурных особенностей однокоренных разноаффиксальных образований с тождественным или близким значением и их квалификация с точки зрения системных отношений в лексике, в частности установление границ варьирования слова и образования новых слов. Материалом для исследования послужила лингвистическая терминология, в частности термины морфемики и словообразования. Выбор терминологической лексики в качестве объекта исследования обусловлен, с одной стороны, пристальным интересом лингвистов к термину как предмету собственно лингвистического описания; с другой стороны, это определяется прикладными задачами, стоящими перед современными терминологами (упорядочение, унификация, нормализация и стандартизация терминологии; составление терминологических словарей и тезаурусов; создание банков данных; разработка информационно-поисковых языков и др.).

---

¹ Печатается в авторской редакции.

Безусловно, вопрос о статусе однокоренных слов относится к категории трудноразрешимых; он неизбежно влечет за собой ряд других вопросов: о тождестве слова, о соотношении в языке корневых и аффиксальных морфем, их значимости для разграничения явлений вариантности и синонимии слов [Ахманова, 2004: 194], о границах варьирования и образования новых слов.

Для решения проблемы тождества / «нетождества» слов-терминов необходимо выявление тех объективных критериев, которые позволили бы установить, что в одних случаях перед нами один и тот же термин, представленный своими разновидностями (вариантами), а в других случаях однокоренные образования – это разные термины [см.: Смирницкий, 1988: 257].

Вслед за В. В. Виноградовым [Виноградов, 1944: 34] будем исходить из того, что основой тождества слова является его внутренняя, содержательная сторона («лексико-семантический стержень»). Именно она определяет тождество лексической единицы в целом. То или иное языковое содержание всегда находит выражение в материальной (звуковой) форме. Причем в соответствии с законом неустойчивого равновесия языкового знака (в данном случае слова) одно и то же значение может выражаться несколькими способами, т. е. может иметь не одну звуковую форму [Карцевский, 2001: 76 – 81]. Несовпадение звуковых оболочек слов, тождественных или близких по значению, определяется в специальной литературе как синонимия. Ср.: «Синонимия – это лексико-семантическое категориальное отношение тождественных или близких по содержанию значений, выражаемых формально различными словами» [Новиков, 1987: 57]. Совпадение тождественных по значению звуковых оболочек слов (при несущественных различиях) рассматривается как вариантность [см.: Филин, 1963; Горбачевич, 1978; Немченко, 1990 и др.].

Таким образом, опираясь на формальный критерий (совпадение / несовпадение плана выражения слова), мы можем отграничить терминологические синонимы от вариантов терминов, представляющих собой формальные разновидности, модификации одного и того же термина. Ср., например, лингвистические термины-синонимы *аббревиатура – контрактура*, *корень – радикал*, *окончание – флексия*, *приставка – префикс* и термины-варианты *аббревиатура – абрeвиатура*, *аффиксоид – аффиксойд*, *мор[фе]ма – мор[фэ]ма*, *морфофонема – морфонема*, *комполит – композита*, *морф – морфа*, *опрощение – опрощенье*, *суффикс – суффикс*.

Следует заметить, что оппозиция «синонимия – вариантность» носит градуальный характер, поскольку в языке существуют разнообразные типы семантических корреляций, объединяющих равнозначные, но формально различающиеся в той или иной степени лексические единицы.

Максимальным различием в плане выражения обладают синонимы, представляющие собой разнокоренные образования. Следует отметить, что в метаязыке лингвистики наблюдаются преимущественно разнокоренные синонимы: а) соотносящиеся с одним и тем же денотатом и выражающие единое понятие (абсолютные синонимы, или дублеты), ср.: *аббревиатура – сокращение, аблаут – апофония, апокопа – усечение, корень – радикал*; б) соотносящиеся с одним и тем же денотатом, но выражающие разные понятия посредством актуализации разных его признаков (относительные синонимы), ср.: *аббревиатура – усечение, вставка – асемантема – интерфикс – структема, наращение – унификс, нормализация – упорядочение – унификация – стандартизация, постфикс – частица*.

Минимальное различие в плане выражения характерно для фонетических (в широком смысле) вариантов терминов: фонематических (*морфофонология – морфонология, суффиксоид – суффиксойд, флективный – флексийный*), акцентологических (*интерфикс – интёрфикс – и́нтерфикс, префикс – префíкс*) и орфоэпических (*асеман[т'е]ма – асеман[тэ]ма, мор[ф'е]ма – мор[фэ]ма, струк[т'е]ма – струк[тэ]ма*). К фонетическим вариантам примыкают орфографические (*аббревиация – абрeвиация, риверсия – реверсия, унирадикалоид – уни-радикалоид, сложносуффиксальный – сложносуффиксальный*) и графические модификации терминологических единиц (*аблаут – Ablaut, дескрипция – descriptio*).

Разноаффиксальные однокоренные слова-термины тождественной семантики, такие, как *алломорф – алломорфа, квазиморф – квазиморфа, композит – композита, морф – морфа, парадигм – парадигма, супраморф – супраморфа, формант – форманта*, с одной стороны, и *алломорфия – алломорфность, аффиксоид – полуаффикс – субаффикс, аббревиатурный – аббревиационный, агглютинативный – агглютинирующий, синонимичный – синонимический* – с другой, относятся к переходным (периферийным) явлениям.

Традиционно исследователи рассматривают семантически близкие или тождественные однокоренные слова, различающиеся словообразовательными аффиксами, как синонимичные единицы, назы-

вая их однокоренными (однокорневыми) или словообразовательными синонимами [Рогожникова, 1967: 152 – 163; Гречко, 1987: 94 – 103; Немченко, 1990: 104 и др.]. Исключением являются параллельные формы рода (*алломорф – алломорфа, квазиморф – квазиморфа, композит – композита* и др.), которые большинство лингвистов вслед за Ф. П. Филиным [Филин, 1963: 132] трактуют как грамматические видоизменения (варианты) слов. Формально выраженное при помощи аффиксов родовое различие и, соответственно, различие в типе склонения не выполняют словоразделяющей функции, а лишь видоизменяют слово с точки зрения грамматической. Очевидно, что грамматическое (как, впрочем, и фонетическое) видоизменение формальной стороны термина не является релевантным, так как не приводит к образованию нового значения и, следовательно, не нарушает тождества слова.

Основанием для отнесения равнозначных однокоренных образований к синонимам является семантическая идентичность, сочетаемость соотносительность словообразовательных морфем, т. е. синонимичность последних. В то же время ученые-лингвисты, подчеркивая особый характер рассматриваемой группы синонимов, формальными приметами которых являются общий корень, разные аффиксы, стандартный характер образования, отмечают близость данных слов к вариантам [Гречко, 1987: 103].

Другие лингвисты относят подобные параллельные образования к категории морфологических (словообразовательных) вариантов слов [Ахманова, 2004: 200; Граудина, 1980: 30 – 31; Миськевич, 1981: 99 – 107 и др.]. Ср.: «...При явном тождестве корня внешнее различие оказывается ... второстепенным, и поскольку оно, кроме того, не выражает никакого лексико-семантического различия, постольку оно воспринимается как несущественное и не препятствует отождествлению слова в соответствующих глоссах. Общее, единое в звуковой материи, как выражающее тождество лексико-семантического существа обоих образований, доминирует здесь над ничего не выражающим внешним различием и подавляет его» [Ахманова, 2004: 214]. Отсутствие тождества морфемного состава и словообразовательной структуры (см. определение вариантов слова в [Горбачевич, 1978: 17]) при этом не принимается во внимание.

На наш взгляд, однокоренные термины, будучи феноменом промежуточным по своему характеру, охватывают разный круг явле-

ний. Об этом свидетельствуют их формальные и семантические особенности. Рассмотрим их подробнее.

В большинстве однокоренных терминологических пар наблюдается семантическая нейтрализация соотносительных аффиксальных морфем – префиксов и суффиксов, что свидетельствует о нерелевантности формальных различий материальной оболочки однокоренных слов. В таком случае термины-параллелизмы, характеризующиеся варьированием семантически соотносительных морфем при тождестве корневой части (частей) (ср.: *агглютинация – агглютинирование, наращение – приращение, осложнение – усложнение, синонимия – синонимика; идиоматичный – идиоматический, однокоренной – однокорневой, формообразующий – формообразовательный*) следует считать словообразовательными вариантами, а не синонимами.

Отождествление терминологических единиц с разными аффиксальными морфемами и признание их вариантами одного и того же термина правомерно на том основании, что корень является центральной частью слова, носителем основного значения; именно он «выражает идею тождества слова самому себе» [Кубрякова, Панкрац, 1998: 242]. Сочетающиеся же с корнем аффиксы в составе подобных образований идентичны друг другу в семантическом отношении и образуют формальные варианты одной и той же основы.

От словообразовательных вариантов терминов необходимо отличать фонематические модификации терминологических единиц, т. е. параллельные однокоренные образования с варьирующимся фонемным составом корневых или аффиксальных морфем (ср.: *комполит – композитум, срединный – срединный; морфемика – морфематика, диалектный – диалектальный, нормализованный – нормализированный*), а также асемантических элементов слова (ср.: *оуаффиксный – двухаффиксный, двуморфемный – двухморфемный*).

Следует признать, что гомогенность терминологических единиц в формальном отношении не всегда свидетельствует об их тождестве. Как мы уже отмечали, необходимым условием отождествления слов является их совпадение в семантическом плане. Однако нередко формальные видоизменения слова-термина влекут за собой изменение его семантики. Язык стремится преодолеть избыточность кода и максимально использовать существующие возможности, наделяя варианты разными значениями или оттенками значений. Ви-

доизменение внешней (формальной) и внутренней (содержательной) стороны термина приводит к образованию новой терминологической единицы, ср.: *Ablaut – Umlaut, обозначающее – обозначающее, производящее – производное.*

Подобные корреляции, по-видимому, можно рассматривать как результат формально-семантического варьирования (в традиционной терминологии – паронимии). Члены приведенных выше коррелятивных пар при наличии общей семы семантически дифференцировались и, занимая особое, промежуточное, положение, не могут относиться ни к собственно терминологическим вариантам, ни к синонимам.

Из всего сказанного выше следует, что при определении статуса разноаффиксальных однокоренных терминологических единиц с тождественной или близкой семантикой в аспекте системных отношений следует учитывать как формальный, так и семантический критерий. Семантически тождественные термины, характеризующиеся тождеством корневой части и варьированием семантически соотносительных словообразовательных аффиксов в составе основы, следует считать формальными (словообразовательными) вариантами. Семантически тождественные однокоренные термины, различающиеся фонемным составом корневой или аффиксальной морфем, относятся к фонематическим вариантам. Семантически тождественные однокоренные термины, различающиеся с точки зрения их родовой характеристики (родовая принадлежность эксплицирована при помощи соответствующего аффикса / флексии), определяются как грамматические (родовые) варианты терминов. Однокоренные разноаффиксальные образования, различные по своей семантике, представляют собой варианты особого типа – формально-семантические варианты, или паронимы.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 2004.
- Бережан С. Г. О синонимичности однокоренных слов с разной аффиксальной частью // Лексическая синонимия. М., 1967. С. 142 – 151.
- Виноградов В. В. О формах слова // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1944. Т. 3. Вып. 1.
- Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. (На материале современного русского языка). Л., 1978.
- Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980.

Гречко В. А. Однокоренные синонимы и варианты слова // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л., 1966. С. 118 – 134.

Гречко В. А. Лексическая синонимика современного русского литературного языка. Саратов, 1987.

Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме языкового знака // Введение в языковедение: Хрестоматия. М., 2001. С. 76 – 81.

Кубрякова Е. С. Корень // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1998. С. 242.

Миськевич Г. И. Из наблюдений над словообразовательными вариантами // Литературная норма и вариантность. М., 1981. С. 99 – 107.

Немченко В. Н. Вариантность языковых единиц: Типология вариантов в современном русском языке. Красноярск, 1990.

Новиков Л. А. Категориальные лексико-семантические отношения и классы единиц // Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология. Ч. 2. М., 1987.

Рогожникова Р. П. Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия. М., 1967. С. 151 – 163.

Смирницкий А. И. К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова») // Истоки советского языкознания: Некоторые аспекты общей теории языка. М., 1988.

Филин Ф. П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963.

Л. В. Рацибурская
Нижний Новгород

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (на материале текстов СМИ)¹

Русская речь – «это постоянное и неуклонное изменение, развитие, творчество, поскольку речь сопровождает, обслуживает, а нередко и стимулирует материальное и духовное созидание, производство и воспроизводство, обновление старого и порождение нового в материальной жизни, в науке, в духовной культуре» [Химик, 2000: 3]. Ученые говорят о «необходимости изучения простой речи как явления, как живого организма, который, существуя относительно самостоятельно, вместе с тем является частью общего русского языкового пространства, той почвой, которая в значительной мере питает и собственно литературный язык» [Химик, 2000: 3].

---

¹ Печатается в авторской редакции.

Современная разговорная речь характеризуется активными деривационными процессами, результаты которых – новообразования различной структуры и семантики – могут отражаться в текстах СМИ, которые, как отмечают исследователи, отличаются усилением разговорного начала в конце XX — начале XXI века. Современная публицистическая речь «выполняет своеобразный «социальный заказ»: стремится быть доступной, яркой, экспрессивной, старается отвечать актуальной речевой моде. Отсюда многочисленные коллоквиализмы, экспрессивы <...> жаргонизмы, полудиалектные слова и обороты <...> в передачах телевидения и радио, в популярных газетно-журнальных публикациях и материалах Интернета» [Химик, 2006: 48].

Возросшие темпы языковой динамики 90-х годов, обусловленные меняющимся составом и обликом российского общества, смелой социальных, политических, экономических, а также психологических установок, проявляются, в частности, в процессах словотворчества. Изучение новообразований в массмедийных текстах, отражающих разговорную речь, позволяет выявить словообразовательные особенности современной разговорной речи: наиболее продуктивные словообразовательные типы и средства, наиболее активные способы деривации. «Разговорная речь – это речь, тесно связанная с ситуацией говорения, т.е. с её нелингвистическим окружением. Условия общения говорящих, прямой контакт со слушателем, поддержка языковых кодовых знаков другими кодами – жестом, мимикой, всё это вместе взятое определяет своеобразие выбора слов и моделей построения речи» [Капанадзе, 2005: 95]. В разговорной речи, кроме того, «сложились и активно действуют свои многочисленные типы словообразования, которые <...> оказывают влияние на формирование и пополнение словообразовательных типов и моделей нормированного языка в наше время» [Тихонов, 1971: 137].

Наибольшей устойчивостью обладают общие для языка и речи способы образования, в рамках которых словообразовательные типы проявляют разную степень продуктивности. Суффиксация является одним из самых продуктивных способов деривации в разговорной речи. Большую группу суффиксальных образований составляют существительные со значением лица по характерному действию или признаку: «Зато сейчас среди них стало модно оберегать свою честь! Смешно. Если ты такой «блюдуи», выходи сам биться с этим парнем...» (из отклика в Интернете // Новое дело. 03 – 09.05.2007);

«Я, к сожалению, не *визуальщик*. Я – чистый *аудиал*: очень хорошо слышу нюансы интонации, музыки, голоса...» (из интервью с А. Марининой // Комсомольская правда. 01–08.04.2005); «главный *ералашист*» (Н. Бабкина о Б. Грачевском // «Ретромания», REN TV. 01.04.2007).

«Своеобразную группу составляют отглагольные существительные, легко членимые по форме и всеми своими семантическими и словообразовательными связями прикованные к глаголу-предикату. <...> Формально это существительные на *-лка*, *-ловка*, легко возникающие в речи по строго заданной модели» [Капанадзе, 2005: 131]. Некоторые исследователи называют подобные слова экспрессивнонаименованиями: «...легко членимые по форме, эти существительные семантически фразеологичны, так как вне конкретной ситуации их легко обнаруживаемая связь с производящей основой глагола никак не подсказывает значение предмета или лица» [Капанадзе, 2005: 132]. Это значение проявляется только в контексте: «Удивлялись в 2006-м много? – Нет. «*Удивлялка*» отбита... » (из интервью с М. Леонтьевым // Комсомольская правда. 28.12.2006 – 04.01.2007); «У меня сегодня будут две *прощалки*» (В. Познер // «Времена», ОРТ. 24.12.2006); «Обычно я завершаю программу тем, что стали называть *прощалкой*» (В. Познер // «Времена», ОРТ, 15.09.2007), ср. название раздела «*Прощалка*» в статье «Три сапога пара» (Литературная газета. 14 – 20.02. 2007).

Реже в разговорной речи встречаются суффиксальные новообразования с отвлечённой семантикой: «Я по жизни не пацан, но иногда *пацанство* проскальзывает» (А. Розенбаум // «Доброе утро», ОРТ, 13.09.2007), *близнецовство* (Из интервью с К. Орбакайте // СТС, 02.03.2007); «Извините, что утренняя программа, а я на *серьез* перехожу. ...Ну а если серьезно...» (режиссер В. Цибин // «Пока все дома», ОРТ, 14.10.2007); «Из «сиюминутных» книг на твёрдую четверку оценку «Шарманщика» Алексея Беляева – про жизнь модного журнала и прочую *гламурь*» (Биржа плюс карьера, 22.08.2007). В последнем случае отвлечённая семантика осложняется собирательной. Данная словообразовательная модель проникает в общее употребление чаще на уровне просторечия и общегородского жаргона. Как отмечают исследователи, «при усилении аналитических методов освоения новых фактов действительности увеличивается тяга к абстрактным именам, и, следовательно, особенно востребованными оказываются модели, по образцу которых создаются абстрактные

существительные с набором характерных для них суффиксов» [Валгина, 2001: 137].

Исследователи отмечают, «что разговорная речь, когда дело идёт о наименовании, постоянно стремится «вытолкнуть» из потока речи сочетание слов и заменить их единым словом» [Капанадзе, 2005: 96]. Процессы, связанные с утратой семантической расчленённости, называют семантической конденсацией (А. В. Исаченко), семантическим включением (Н. А. Янко-Триницкая) универбацией. «Стяжения способом аффиксальной деривации осуществляются в случаях замены атрибутивного словосочетания существительным, которое выступает в роли лексического эквивалента словосочетания в целом» [Капанадзе, 2005: 96]: *мобильник* ‘мобильный телефон’; *сольник* ‘сольный концерт’, *деловушка* ‘деловая литература’ («... издают всё, что хоть как-то востребовано публикой: словари и мемуары, детскую литературу, народную медицину, популярную психологию, «деловушку»...» // Московские новости, 14 – 20.09.2007); *служебка* ‘служебный вход’ («Посреди всей этой кутерьмы Татка подползла к краю сцены и неистово зашептала: “Умирай быстрее, я жду тебя на *служебке!*”» // Моя семья, 2006, № 27); *крупняк* ‘крупный бизнес’ «Мелкий бизнес сбивает цены... Мы всё заменили «крупняком»...» (И. Хакамада // «Неделя», REN TV, 13.10.2007); *нобель* ‘Нобелевская премия’ («Привлекла строчка о лауреатстве: подумалось: «Не зря же ему *нобеля* дали?»» // Биржа плюс карьера, 22.08.2007), *нал* ‘наличные деньги’ и др.

Экономия средств выражения, характерная для разговорной речи, достигается и путём усечения отдельных слов, которые в усечённом виде являются стилистически сниженными кореллятами соответствующих номинаций: «...зачем Вы так обошлись с антиглобалистами в своей инвективе в их адрес ...? Суть Вашей критики – с ней не поспоришь. Но форма! Тут Вы дали маху. Российским *антиглобам* теперь: Юрий Мухин! Это тот, который нас ... назвал!» (Дуэль, 2007, № 35), ср. также *азер* (‘азербайджанец’), *дистроф* (‘дистрофик’).

Активно в разговорной речи образование существительных с модификационными суффиксами, в частности с суффиксами женскости: «Это мы с тобой с ума походили, тетенька!» – грустно усмехнулась Маша. – Ты давно на себя в зеркало смотрела, скалолазочка за тридцать? ...Они, наверное, решили, что ты *домоуправша*» (Моя семья, 2006, № 27); «Если бы я не была *молодожёнка*, то кто

знает, не увлеклась ли бы я Савелием Крамаровым» (И. Маслова // ОРТ, 19.07.2007), невзрослости: «Мне уже маленьких *губинят* пора заводить» (из интервью с А. Губиным // Экспресс газета, 2006, № 37), субъективной оценки: «А я вот хочу сказать, пусть Паша на меня не обижается: вот какое-то *кинцо* – и вся страна рыдает. А когда человек умирает, Андрюша Жегалов умер из-за того, что на съёмочной площадке не оказалось врачей: как же это так?» (П. Мамонов на вручении премии за роль в фильме «Остров» // Комсомольская правда, 31.01.2007); «Главное, моей *собачухе*, моему ребёнку рыжему ничего плохого не сделали» (из письма читателя // Моя семья, 2006, № 27); «3 июля, мы должны были своим выступлением поддерживать Олимпиаду в Сочи. Но концерт отменили. То же самое сейчас происходит с «Новой волной», куда нас пригласили, а потом сказали: «Не надо». Многие понимают, что это чистой воды “*заказушка*”» (из интервью с А. Данилко // Аргументы и факты, 2007, № 29).

«В суффиксальном словообразовании имён существительных заметно усилилось явление стилистической модификации, когда новые образования, не отличаясь семантически от мотивирующих существительных, оказываются стилистически окрашенными, причём в большинстве случаев эти вторичные наименования оседают в разряде сниженной лексики» [Валгина, 2001: 150]: *киношка*, *компашка*, *шизик*, *сотик*, ‘сотовый (телефон)’ *дезик* (« – Думаешь, я совсем не использую *дезики*?! – если бы мне сказал это кто-то другой, кроме Нади, я бы обиделась. – Знаешь, сколько я их уже перепробовала, толку никакого. Ну и что выбрать? – А я уже нашла свой дезодорант – довольно улыбнулась подружка» // Комсомольская правда, 26.07 – 02.08.2007); *фотик* («Мурат больше всего был увлечен фотографией и очень часто спрашивал у меня совета. В последнее время он напекнул себе *фотиков* – от зеркалок до мыльниц, снимал много и всегда» – фотограф Г. Авраменко // Комсомольская правда, 25.01 – 01.02.2007).

Как отмечают исследователи, «в современном словопроизводстве обнаруживается высокая доля оценочных и вообще экспрессивных моделей. Фонд экспрессивных средств языка активно пополняется под влиянием разговорной, просторечной и жаргонной сферы словоупотребления» [Валгина, 2001: 149]: «В книге зрительских отзывов, которая ежевечерне – 18 сезонов – лежит в фойе, заключена вся история театра. Каждый пишет как хочет, как может, как ды-

шит... *Уважуха!* Всем респект! Привет из Астрахани...» (Литературная газета, 18 – 24.04.2007); «Ребята из разных вузов – *лобача* (Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского. – Л. Р.), водной академии, *стройка* (Строительной академии. – Л. Р.), *вышки* (Высшей школы экономики. – Л. Р.) торгуют через Интернет произведениями нижегородских художников» (Свой взгляд, 23.05.2007); «Друзья не говорят: мол, «Уварова *зазвездилась*», «стала звездой»?» (Проспект, 06.02.2007); «Мне противно смотреть на тех рэпперов, которые устраивают позорное *кусало*во друг друга. <...> Я человек, который занимается *развлекалом* и старается делать это качественно» (из интервью с Серёгой // Собеседник, 2006, № 25).

Экспрессивным характером обладают и активно возникающие в разговорной речи отсубстантивные глаголы с суффиксом *-и(ть)*, обозначающие действия, создающие то, что названо мотивирующим существительным, или свойственные тому, кто назван мотивирующим существительным: «Мы когда с Настей отношения выясняли по поводу детей, она *истерила* по-чёрному...» (из интервью с Д. Стрюковым // Новое дело, 23–29.11.2006); «Вы были такая же, когда выходили замуж? – Нет, я тогда *моделила*» («Снимите это немедленно!» // СТС, 01.04.2007); «Сдаю пока экзамены удачно. За акробатику пять с плюсом получил. А папа *эсэмэсит*: «Я тобой горжусь!» (из интервью с С. Тактаровым // Телесемь, 02.07 – 08.07.2007).

Суффиксальные прилагательные в разговорной речи представлены относительными прилагательными с суффиксами *-н(ый)*, *-ов(ый)*, а также прилагательными со значением признака, характеризующегося наличием того, что названо мотивирующим словом: «–Я у Маргуши был на подстраховке. Иду в цирк и чувствую: на душе скверно. Прихожу, «*битковый*» аншлаг» (Социум, 20.09.2007); «В прошлом году Вы вышли замуж, сложно было – жить в столь жёстком, *нонстоповом* режиме съёмок и одновременно строить семейную жизнь?» (Проспект, 06.08.2007), «...за могилой Ельцина <...> в кусточках, на табуреточке, скромненько посиживает *мордovorотистый* ментик, якобы книжечку почитывает» (Дуэль, 2007, № 35).

В разговорной речи последних десятилетий активно создаются и префиксальные образования. Среди исконных префиксов активность проявляют именной префикс *около-* с семой 'примыкающий к' и отри-

пательно-оценочной экспрессией (*околокомпьютерный*), глагольные префиксы *пере-* с указанием на чрезмерную интенсивность действия (*перезашкалить*), *про-* со значением доведения до результата (действия), (*проинтуичить*), возможно, с семой интенсивности, *по-* и *на-*, указывающие на совершение действия всеми или многими субъектами (*понавскарабкиваться*), префикс *недо-*, указывающий на неполноту действия (*недовымерший*, *недотрахоз* – префиксально-суффиксальное образование на базе грубого просторечного глагола), префиксы *о-* (в префиксально-суффиксальном существительном *онопсение*), *от-* (в префиксально-суффиксальном глаголе *отфактурить*) со значением доведения до результата (действия): «—А газеты читаете? – Нет, больше – журналы, *околокомпьютерные* в основном» (из интервью с А. Пушным // Новая газета, 29.06–05.07.2007); «Я достаточно долго просил Лену развестись для нашего же блага. Чтоб не *перезашкалить* и не начать ненавидеть друг друга» (из интервью с выпускником «Фабрики звёзд-2» А. Семёновым // Новое дело, 31.05–06.06.2007); «Читатель вправе спросить: «А как это, собственно, *проинтуичить*, коли я не Чумак, не Кашпировский, с космосом не общаюсь и третьего глаза у меня нет...»» (Вестник ЗОЖ, 2007, № 3); «Знаешь, Машка, по-моему, Анечкой здесь даже и не пахнет, – сказала Татка, делая очередной глоток коньяка из маленькой фляжки. — И чего мы сюда *понавскарабкивались?*» (Моя семья, 2006, № 27); «Очевидно, что принадлежу к первому, *недовымершему* поколению представителей того странного жанра, который не очень точно называют авторской песней» (из интервью с А. Городницким // Свой взгляд, 08.11.2006); «Ты бы видел голодные глаза женщин, которые приходят на наши концерты в Штатах. Они и феминизм придумали от *недотрахоза*» (из интервью с С. Шнуровым // Аргументы и факты, 2005, № 10); «—Как вы считаете, массовое «*онопсение*» музыкальных эфиров и облегчение форматов приводит к «зомбированию» публики?» (из интервью с В. Петкуном // Аргументы недели, 08.02.2007); «У него был длинный белый плащ. Мне его дали *отфактурить*, чтобы он выглядел старым» («Хит-Экспресс», ТВ «Мир», 16.06.2007).

«Высокую степень продуктивности обнаруживают словообразовательные элементы иноязычного происхождения» [Валгина, 2001: 153]. В последнее время в разговорной речи при создании новообразований активизировалось использование заимствованных префиксов *гипер-*, *супер-* со значением высокой степени качества, признака,

псевдо- со значением неистинности, ложности: «Какая *суперстрекоза!*» (О рисунке на майке – Саша, ведущая телешоу «Снимите это немедленно!» // СТС, 21.04.2007); «В том, что я внук Ефремова, нет ничего плохого, но и *гиперхорошего* тоже» (из интервью с Н. Ефремовым // Комсомольская правда, 13–20.09.2007); «Я своим молодым музыкантам говорю, ну поиграйте хотя бы 10 лет. <...> Если вы 10 лет не за бабки сможете проиграть, то потом станете прямо *гиперзвездами*, и все будет в порядке» (А. Кортнев // Свой взгляд, 23.05.2007); «Пока сериал идёт, есть *гиперпопулярность*...» (актёр Пётр Красилов // ТНТ, 08.10.2007); «В Москве многие вопросы решаются быстрее и проще. Увы, в Ленинграде много *псевдостолличного*, а на самом деле провинциального снобизма» (из интервью К. Набутовым // Комсомольская правда, 30.08–06.09.2007).

В разговорной речи можно отметить новообразования с префиксоидом *полу-*: «Когда есть общее дыхание с партнёром, то *полуфигуристы*, как мы их шутя называем, легче доверяют своим партнёрам» (из интервью с И. Авербухом // Комсомольская правда, 28.09–05.10.2006); «Молодой человек Андрей признался, что их компания сделала бы лучше: – Это ведь *полуполитическое* мероприятие, «Единая Россия» организовала, – поделился он секретом» (Свой взгляд, 25.04.2007).

Нередко используется в разговорной речи компонент *-мания* суффиксоидального характера: «К нам пришло сообщение о находке ещё одного билета в цирк. Прямо *циркomanия* какая-то!» («Полдень трудного дня. Стол находок» // Сети НН, 11.10.2007).

В разговорной речи постоянно появляются сложные новообразования, созданные как путём чистого сложения (*баборобот, кинокрасавец*), так и сложно-суффиксальным способом (*тапочконосец, орехоколка*): «Главное, я поняла, что надо менять свою жизнь. Постепенно из запуганного *баборобота* превратилась в ухоженную привлекательную женщину» (из письма читательницы // Моя семья, 2006, № 27); «Или в школе, например, ребёнок слышит: «Папа у него – главный *кинокрасавец!* А вот сам он страшенький»...» (Комсомольская правда, 22.02 – 02.03. 2006); «Зато если она перетерпит, то получит через год-два своего успокоившегося и очень благодарного ей *тапочконосца*» (из интервью с Ю. Поляковым // Комсомольская правда, 12–19.10.2006); «Заднего хода у черепах, как известно, нет, и, чтобы добыть свою *орехоколку*, моя Женька его попросту стряхивала на пол» (из письма читательницы // Моя семья, 2006, № 28).

Отдельные сложные новообразования включают три производящие основы: «Как делается КВН, стократ интереснее самого выступления. Чего стоят звукачи, которые ставят на выступлениях заводную музыку. Эти бойцы невидимого фронта КВН, люди, к которым можно подойти с вопросом: “У тебя есть *«шампанскозвукоткрытие»*» (Свой взгляд, 27.06.2007).

По-прежнему встречаются в разговорной речи и случаи обратного словообразования, в частности депрефиксации: «В восьмидесятые Прибалтика воспринималась как заграница, да и они нас не очень *долюбливали*» (И. Верник // «Ретромания», REN TV, 21.01.2007); «Сашу актёры наградили кто конфетами, кто плитками шоколада. – Весь месяц артисты *добрли* меня сладостями» (Советская Россия, 18.08.2007).

Возможны в разговорной речи и проявления языковой игры: «Благодаря хорошему аранжировщику и звукорежиссеру и эту музыку ... можно *опопить* (т.е. превратить в поп-музыку. – Л. Р.)» (Тина Канделаки // «СТС зажигает звезду», СТС, 21.10.2007). Известная реклама может служить прецедентным текстом для окказионализма: «Я бы, наверное, сказал: оставьте всё плохое в прошлом. «Обнулите» своё настроение. Включите внутренний *«улучшайзер»*» (из интервью с А. Цекало // Комсомольская правда, 30.11–07.12.2006). В разговорной речи встречается заменительная деривация, при которой при образовании окказионализма в исходном сложном слове заменяется одна из частей: «Глядя на нас, можно сказать «телосложение», а глядя на Вас – прямо *«телоделение»!*» (Дм. Назаров // «Кулинарный поединок», НТВ, 13.10.2007).

«Разговорная речь снисходительна к такой языковой игре и «поощряет» индивидуальное словотворчество, так как ситуация речи всегда непринуждённа и поэтому часто располагает к шуткам» [Капанадзе, 2005: 101].

Как отмечают исследователи, «бурные процессы в современном словообразовании объясняются причинами внеязыковыми и внутриязыковыми, которые чаще всего переплетаются, усиливают друг друга. <...> Так, ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» [Валгина, 2003:131]. По словам ученых, «эмоциональная нагруженность словообразования – аспект современной лингвокультуры, проявление

общих стилевых и стилистических свойств. Это уменьшение и устранение очевидных различий между устной и письменной речью, официальным и непринужденным общением» [Шапошников, 2006: 102].

«Важнейшая особенность многих наименований в разговорной речи, – по мнению исследователей, – их факультативность, нестационарность. <...> в разговорной речи часто образуются ситуативно обусловленные окказиональные образования» [Капанадзе, 2005: 153]. Ситуативные неологизмы (окказионализмы) связаны с особенностями постсоветского общества. «Это словотворчество помогает разрушить известные стереотипы в жизни, поведении, во взглядах на политические события времени, помогает выразить эмоциональную оценку происходящего. Окказионализмы, как правило, злободневны, остры, подчас злы и откровенны. Это способ обнародовать своё мнение, отношение, в каком-то смысле даже снять внутреннее напряжение. Одновременно это и объяснение долгожданной раскрепощённости нашего современника. Активное словотворчество может отчасти объяснить и желание освободиться от всяческих ограничений. Наконец, характерные для времени окказионализмы свидетельствуют о существенных сдвигах в общественном сознании» [Валгина, 2001: 153].

В разговорной речи «окказионализмы представляют собой реализацию возможностей, заложенных в системе», «характеризуют продуктивность данного словообразовательного типа» [Капанадзе, 2005: 154]. Способы, типы, средства словообразования в основном остаются прежними, но изменяется характер наименований, которые образуются с помощью этих способов и средств. В известные словообразовательные типы вливается новый лексический материал. По мнению учёных, функционально этот материал значительно расширился – используются единицы, находящиеся на границе литературного языка (разговорный литературный язык), и единицы, выходящие далеко за пределы литературного языка (просторечие, жаргоны). «На этом огромном языковом материале активизируется словотворчество, с одной стороны, реализующее потенциал языка, с другой – порождающее ситуативные окказионализмы» [Валгина, 2001: 133].

«Предельная вольность, раскованность и анонимность массового словотворчества, не ограниченного жёсткими нормами, не обработанного усилиями профессионалов художественной речи, составля-

ют своеобразный феномен культуры, изучение которого позволяет не только дополнить естественную и живую картину функционирования русского языка ... но и даёт возможность понять и оценить некоторые натуральные проявления носителя живой речи – русского народа» [Химик, 2000: 4].

ЛИТЕРАТУРА

- Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
Капанадзе Л.А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М., 2005.
Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971.
Химик В.В. Болезнь языка или язык болезни? // Современная русская речь: состояние и функционирование. Вып. II. СПб., 2007.
Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.
Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 2006.

О. В. Масленикова

Казань

ПРЕФИКС СУ- В ТЕКСТАХ НОВГОРОДСКИХ МИНЕЙ 1095 – 1097 гг., В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТАХ

В статье представлены именные образования с префиксом су- в истории русского языка (на примере текстов Новгородских Миней 1095 – 1097 гг. по [Ягич, 1886]), в современном русском литературном языке и в русских говорах (по данным толковых диалектных словарей).

Предметом данного исследования, в первую очередь, являются именные образования в текстах Новгородских Миней 1095–1097 гг., содержащие приставку *су-* и имеющие общее значение соединения, связи, совместности: *сужитель* 63b M95, 24a M96, 70b M97; *сужительница* 121b M95; *сужитьника* 42b M96; *сужитьниче* 109b M95; *сужить* 23a M96; *суграженниъ* 167a M95; *сусѣдомъ* 73b M97; *супроугъ* 116a M97; *супроуга* 148a, 149b M95.

М. Фасмер, характеризуя префикс соу-, строит свое определение на противопоставлении именного и глагольного словообразования: «Праслав. *so- в именных сложениях соответствует съ- в глагольном сложении. Для существительного было характерно устойчивое соединение, в то время как от глагола приставка могла отделяться, чем объясняются различия в фонетическом развитии» [Фасмер 2003: 791]. Данное положение о противопоставлении морфологического словообразования имени и глагола доводит до логического завершения Г. А. Николаев в работе «Историческое словообразование русского языка» [Историческое словообразование, 1984]. В ней Г. А. Николаев говорит о том, что ранее противопоставленные именной и глагольный префиксы начинают смешиваться в результате словообразовательного взаимодействия имени и глагола, а затем в результате активного развития отглагольного словообразования префикс съ- проникает в именные сложения и вытесняет префикс соу-:

соунаслѣдникъ ← наслѣдникъ

сънаслѣдникъ ← сънаслѣдовати.

В текстах Служебных Миней 1095 – 1097 гг. наблюдаем подобную ситуацию: значение совместности в именных образованиях передается не только префиксом соу-, но и посредством префикса съ-, причем образований с этим префиксом гораздо больше, чем образований с префиксом соу-. Соотносительность таких образований приводится ниже в таблице.

соу-	съ-
<i>соужитель 63b M95, 24a M96, 70b M97,</i>	<i>сънаслѣдникъ 90b M97, 124b M95</i>
<i>соужительница 121b M95,</i>	<i>съпричастникъ 67b M96, 90b, 156b M97</i>
<i>соужительница 42b M96,</i>	<i>съпричастнъ 2b, 37b M96, 70b, 149b M97</i>
<i>соужительнице 167a M95,</i>	<i>съвезначальную 7a M97</i>
<i>соутраженниъ 167a M95</i>	<i>съприсносоущини 67a M97</i>
<i>соужить 23a M96</i>	<i>съпрѣстоанникъ 41b M95</i>
<i>соупроугъ 116a M97,</i>	<i>съпркстоленъ 67a M97</i>
<i>соупроуга 148a, 149b M95</i>	<i>съпрѣстоанне 56b M95</i>
<i>соусѣдомъ 73b M97</i>	<i>съпоспѣшьника 109b M97</i>
	<i>състоанникъ 138b M97</i>
	<i>съовьщънницю 146a M97</i>
	<i>съпричътенъ 160b M97</i>

соу-	съ-
	<i>съродьника 167а М97</i> <i>съслоужьвьникъ 41b М95</i> <i>съмѣтьникѣи 121b М95</i>
<i>Соупротивѣ сѧ врагоу 42b М96</i> <i>Соупротиви сѧ ѿ теке 101b М97</i>	<i>Блави съясѣдѣти 2b М96</i> <i>Бърадоуотъ сѧ 49а М97</i> <i>Бърадоуетъ сѧ 70а М95</i> <i>Бъпострѣдѣти 52b-53а М97</i> <i>Бъвеселѣть сѧ 90а М97</i>

Из основного значения префикса соу-, значения совместности, развились его другие, производные, значения, например значение уменьшения степени проявления признака (*сумрак – полумрак, неполный мрак*). При этом стоит отметить, что нет колебаний словообразовательных средств при передаче данного значения – в этом случае всегда встречаем префикс соу-: *врата затворѣху въ сѣмракъ Ис. Нав. II. 5 по сп. XIV*; *уже въ соумрацѣ въниде саоуль въ тѣ пещероу Златостр. 59*; *Заоутра въ соумрачно зѣло въставѣ Мр. I Юр. Ев. П. 1119 г. (по Срезневскому)*. Это связано с тем, что для подобных именных образований отсутствует соответствующий глагольный коррелят и из-за его отсутствия не может произойти смены словообразовательной базы и замены именного префикса на глагольный:

соумракъ ← мракъ

гипотетическое «съмракъ» ← глагол с префиксом съ-.

В современном русском языке [см.: Русская грамматика, 1980] префикс су- уже не является продуктивным формантом, выражающим в производных словах значений совместности, общности, соединения. Этот префикс выделяется как элемент конфикса (су- ... -ок, су- ... -и, су- ... -иц(а)) в словах со значением результата присоединения, примеси чего-либо в специальной терминологии: *супесоx, суглинок, сунесь, сукровица*. Значение совместности в современном русском языке выражает префикс со-, который изначально, выступая в сильной позиции, являлся алломорфом глагольной приставки съ-. В дальнейшем префикс со- закрепляет за собой значение совместности, образуя тем самым продуктивный словообразовательный тип имен и глаголов со значением совместного действия и значением лица, объединенного с другим лицом совместным действием: *сопредседатель, соарендатор, соавтор, совладелец, сона-*

следник, согражданин; соуправлять, соучаствовать, сопереживать, сосуществовать, сострадать и др.

Таким образом, в современном русском языке значение совместности выражается префиксом *со-*; приставка *су-* как продуктивный аффикс, образующий слова со значением общности, соединения, утрачен; начальное *су-* сохранено лишь в составе конфикса слов *суглинок, супесь, сукровица* и др.

Иным является состав лексем, содержащих приставку *су-* или конфикс с начальным элементом *су-*, в русских территориальных диалектах. Здесь этот префикс используется для образования имен и глаголов и функционирует со следующими значениями: а) значение **соединенных (соединяющих) предметов**: *сукол* 'попарно связанные кольца' (Федоров); *суножка* 'перекладинка, планка, соединяющая ножки стола': *Упал сын на суножку, ударился, ну, это попереченки внизу у стола* (Федоров); *сувал* 'вал сена': *После прокоса сено грабят с двух сторон в большую полосу, сувал или свинки* (Герд); *суслон* 'несколько снопов, поставленных в поле для просушки стоймя, колосьями вверх и покрытых сверху снопом' (Рогов; Беляев; Герд; Федоров; Бобряков); б) значение **примыкания, сопредельности, смежности**: *сугоньё* 'конец полосы, гона, где производился поворот во время пахоты; межа, разделяющая продольные участки земли, на которые делилась полоса для удобства, вспахивания' (Беляев); *сугон* 'примыкающий к пахотной полосе участок, на котором пахарь делает разворот' (Бобряков); *сумежный* 'смежный': *сумежны — негороженные огороды, а городят только, кто в проулке* (Федоров); в) значение **пересечения дорог, встречи**: *сукрёсток* 'перекресток дорог': *На сукрёстке автобус остановился, мы и вышли* (Герд); *супрядки* 'собрание женщин для совместного прядения в помощь одной из них': *И чичас еще старожилы говорят: пойдём на супрядку, да и всё делают* (Беляев, Федоров, Рогов, Герд); *сустрекать* 'встречать': *Я как иду, она меня сустрекает* (Федоров); *сустревать* 'встречаться' (Овчинников); *сустречь* 'навстречу': *За деревней сустречь мне ехал бригадир* (Бобряков); г) значение усиления признака («вдвойне, очень»): *сугорько* 'очень горько': *Сугорько горчевио — прегорчевно — очень плохо* (Федоров); д) значение **столкновения, борьбы друг с другом**: *супротив* 'против, в противоположность, по сравнению': *Он всё супротив старается сделать. Прошлым годом лето куды супротив этого было* (Герд, Беляев, Осовецкий, Бобряков); *супроть* (предлог с род. п.) 'по сравнению с

кем-, чем-либо': *Супроть своих она была в достатке. Жизнь другая была супроть этой* (Федоров); *супротивить* 'спорить, возражать' (Герд); *супорство* 'сопротивление': *И мы без супорству пошли в колхоз* (Федоров); *суперечь*: *сказать суперечь* 'возразить' (Овчинников); е) значение подобия: *суболоток* 'низменное, болотистое место': *На суболотках тоже растет брусница, между болотами* (Герд); *сугорок* 'возвышенность, холм, пригорок' (Беляев); *суполотень* 'толстое домотканое полотно': *Потолще если полотно, так суполотень* (Герд); *супарень* 'гермафродит': *Родилась девочка, назвали Вера, а потом глядим – супарень* (Герд); ж) значение нечистоты состава в результате соединения с чем-либо: *суглинь* 'почва, состоящая из смеси глины и песка' (Беляев); *сугнилок* 'суглинок, почва из смеси песка и глины' (Герд); *сугнилистый, сугниловый* 'суглинистый' (Герд); *сузём, сузем, сузёмь* '1) плодородная почва, 2) навоз, 3) песок: *Наносная земля, много ила, песку, суземом называется*' (Герд, Федоров); *сукровец* 'сукровица': *Сукровец идет – рана не до конца зажила* (Беляев); з) значение остатков: *сутунок* 'отрезок бревна, предназначенный для поделок': *Сутунок в дело идет: на тес, распиловку* (Рогов, Федоров, Бобряков); и) значение уменьшения силы проявления признака: *сузелень* '1) зеленоватый; 2) о незрелых плодах, семенах': *Вот у меня платок сузелень. Значит, не очень зялёный* (Кашевская). *Пшеница-то еще сузелень, рана-то жать* (Бобряков, Беляев, Федоров); *суржавый* 'по цвету напоминающий ржавчину, темно-коричневый': *Она вроде цветет, а цветочки суржавые, когда потрогаешь, вроде высохли* (Федоров); *сукрасень* 'красноватый оттенок': *У язвеца шерсть, сукрасень такая; сукрасный* 'красноватый': *Малинник простуду гонит, чай из него делается такой сукрасный* (Герд); *суморозок* 'заморозок' (Герд); *судрожье* 'дрожь, озноб': *Не озябла я, а судорожье какое-то* (Герд).

Анализ диалектной лексики с начальным су- потребовал решения многих сложных вопросов морфемного и словообразовательного анализа. В первую очередь, это проблемы отождествления морфем. Так, например, в русских говорах Карелии зафиксированы слова сходного фонематического состава: *сузём, сузёмка* 'глухой дальний лес' и *сузём, сузёмь* 'плодородная почва с примесью песка и ила'. Вероятно, начальное су- в этих словах имеет разное происхождение: в первом случае это часть корня (восходит к финскому *suyst*

[Фасмер, 2003: 798]), а во втором – данный сегмент может быть квалифицирован как начальная часть конфикса *су-...-и* (ср.: *земля*).

В говорах нередко возникает проблема разграничения этимологической и синхронной производности: т.е. является ли приставка *су-* активно функционирующей на данном этапе или она выделяется в определенном слове (*супруг*, *сосед*) только в результате этимологического анализа. Решить эту проблему можно через нахождение производящей основы: *сукрасный* ← *красный*, *сутунок* ‘отрезок бревна’ ← *туна* ‘жердь’ и др.

Проблематично также сопоставление слов с начальными *су-* и *со-*, так как в говорах оба эти элемента могут эксплицировать значение совместности: *сомуститель* (Федоров), *сослужитель* (Федоров), *согреби* ‘отходы при чесании льда’ (Герд), *сожелта* ‘желтоватый оттенок’ (Герд), *соуток* ‘вид дикой утки’ (Федоров), *сугрева* – *согрева* ‘ласковое обращение’ (Герд), *сопротивляться* – *супротивляться* (Герд). Возникает вопрос: что такое *со-* в структуре этих слов? Результат влияния литературного языка или закономерная для говоров морфема, результат исторического развития префиксальной системы говоров?

В работе Р. М. Цейтлин, посвященной изучению приставки *су-* в славянских языках, относительно приставки *со-* говорится, что мода на нее устанавливается в восточнославянской книжной традиции в XVI – XVII вв. При этом делается замечание, что мода заменять *су-* и *сь-* на ‘высокое’ *со-* миновала народные говоры. Если исходить из данного предположения, то слова *сослужитель*, *сомуститель*, *согрева*, *сопротивляться* следует расценивать как результат более позднего влияния литературного языка, тем более что суффикс *-тель-* в словах *сослужитель*, *сомуститель* является принадлежностью литературного стиля. Сомнение вызывает справедливость указанной причины относительно слова *сожелта*, поскольку в говорах действует достаточно продуктивный словообразовательный тип с приставкой *су-*: *суржавый*, *сукрасный*, *сузеленый*.

ЛИТЕРАТУРА

- Историческое словообразование русского языка. Казань, 1984. – 168 с.
Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
Цейтлин Р. М. Материалы для изучения приименной приставки *со-* в славянских языках // Ученые записки Института славяноведения. 1959. Т. XVI. С. 208 – 247.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М., 2003.

- Бобряков – Иркутский областной словарь. Вып. 3. Иркутск, 1979.
 Беляева – Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
 Герд – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 6. СПб., 2005.
 Федоров – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
 Кашевская – Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып.4. Иркутск, 1989.
 Рогов – Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
 Овчинников – Словарь русских донских говоров. Т. III. Ростов, 1976.
 Осовецкий – Словарь современного русского народного говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области. М., 1969.
 Ягич – Ягич И. В. Служебные Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по рукописям 1095 – 1097 гг. СПб., 1886.

Е.А. Потехина
 Ольштын, Польша

**РОЛЬ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА
 В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ
 СУБСТАНТИВНОГО СКЛОНЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
 (на материале русских диалектов)¹**

Голых фактов нет <...>

Они все одеты в одежды, сотканые из теорий.

С. Б. Бернштейн “Зигзаги памяти”

Предмет и метод исследования

В исследованиях по морфонологии часто говорится о роли сравнительно-исторического языкознания в развитии современных представлений о структуре языка [Кубрякова, Панкрац, 1983: 8; Касевич, 1986: 5]. Однако в целом практически во всех новейших работах последовательно реализуется синхронно-структурный подход к морфонологическим явлениям.

¹ Печатается в авторской редакции.

Мы хотим обратить внимание исследователей на способы формирования и устранения вариантов падежных форм в парадигмах склонения имен существительных. Предлагаемый метод описания диалектного материала кажется нам особенно пригодным для анализа неоднородных и нерегулярных парадигм и форм, а именно такие парадигмы и формы представляют проблему для систематизаторов и по этой причине иногда умышленно остаются вне описаний и классификаций [Бромлей, Булатова, 1972; 5]. Описание подобного рода представляет собой описание функциональное, поскольку оно позволяет продемонстрировать динамику формирования субстантивных парадигм, объясняя не только причину выбора той или иной формы из общего набора вариантов, но и возможное направление изменения морфонологических характеристик системы словоизменения существительных в целом. С точки зрения методологии языкознания такое описание можно назвать структурно-диахроническим.

Варианты падежных флексий встречаются не только в подсистеме литературного языка, где их принято оценивать с точки зрения языковой нормы, но значительно чаще — в территориальных диалектах. С точки зрения истории языка, может быть как минимум два ответа на вопрос о происхождении флективных вариантов имён существительных:

1. С точки зрения генетического (сравнительно-исторического) языкознания падежные варианты грамматических форм субстантивов появились в ходе развития праславянского субстантивного склонения в связи с унификацией системы парадигм при переходе от организации ее по фонетическому признаку (т.е. с учетом характера основы) к организации по признаку рода.

2. С точки зрения теории конвергенции, т.е. теории языковых контактов, падежные варианты возникли в системе словоизменения в результате взаимного влияния языков и диалектов, обладающих различными грамматическими характеристиками.

Что касается языковых контактов, то подтвердить достоверно факт заимствования той или иной падежной формы существительного из одного языка в другой, а тем более из одного диалекта в другой, невероятно трудно, почти невозможно, например, в индоевропеистике известен всего только один достоверный случай заимствования флексии [Труи́ско, 1974]. Зато описание генезиса славянской системы субстантивного словоизменения в рамках каждого из

отдельно взятых языков может основываться на обширном фактическом материале, который дает возможность сформулировать целый ряд гипотез и открыть «те тенденции, закономерности, которые обусловили специфику славянских языков в их отличии от других индоевропейских» [Журавлев, 2005: 17].

Одной из таких гипотез является утверждение С. Б. Бернштейна о том, что в славянских языках действует тенденция к ликвидации морфонологических чередований [Бернштейн, 1974: 18]. Гипотеза Бернштейна была положена в основу нашего подхода к описанию морфонологических вариантов не только в словоизменении, но и в словообразовании, а также в процессе адаптации заимствований на различных языковых уровнях [Пацехіна, 1999, 2001 / 2002; Потехина, 2002, 2004, 2006; Rosiechina, 2006]. Стремление избежать морфонологического чередования путем сохранения неизменной основы словоформы может рассматриваться как частный случай общего стремления к экономии языковых средств, о котором говорится в работах А. Мартине по функциональной лингвистике [Мартине, 1960; 2004].

В данной работе мы попробуем показать, какие из способов ликвидации, т.е. устранения морфонологических чередований, представлены в русских диалектах, а также в диалектах переходных и смешанных. Тенденция к ликвидации чередований, с нашей точки зрения, и представляет собой тот морфонологический фактор, который играет важную роль в процессе формирования субстантивных парадигм в славянских языках и диалектах.

Множество словоизменительных парадигм, каждая из которых учитывает существующие варианты падежных форм существительных, мы попытались соотнести между собой не по признаку рода, а по фонетико-грамматическому признаку, т.е. в связи с сохранением исходной основы N. sg. в косвенных падежах. Результаты экстраполировались на праславянскую систему склонения существительных, и в итоге нам показалось правомерным утверждение о том, что в процессе формирования системы склонения существительных как в литературном языке, так и в диалектах происходит устранение морфонологических чередований на стыке основы и флексии. Тенденция к ликвидации чередований проявляется в стихийном подборе и употреблении такой флексии (независимо от начальной словоизменительной парадигмы!), которая позволила бы избежать не только чередования согласных в исходе основы, но и чередования гласных

с нулем звука в корнях и суффиксах. Анализ записей диалектного материала показывает, что замена флексии позволяет устранить как чередования заднеязычных со свистящими, создающие сложные фонологические оппозиции, так и соответствующие им чередования твердых и мягких согласных. В литературе описываемое явление традиционно называется выравниванием основы по аналогии. Однако следует обратить внимание, что констатация действия аналогии в том или ином конкретном случае отнюдь не препятствует, но и не помогает дальнейшему исследованию причин и характера формальных изменений в грамматике, поскольку уже само действие аналогии признается достаточной причиной для изменения формы.

Характеристика морфонологических чередований в словоизменительных парадигмах существительных

В данной работе мы рассмотрим различные типы морфонологических чередований в парадигмах склонения имен существительных. Условные обозначения чередований даются согласно работе «Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение» под редакцией Т. В. Поповой [Славянская морфонология, 1987].

1. Качественные консонантные чередования (тип $\langle C_1 \rangle // \langle C_2 \rangle$), т.е. такие чередования согласных в исходе субстантивной основы, при которых альтернант $\langle C_1 \rangle$ заменяется альтернантом $\langle C_2 \rangle$. Качественные консонантные чередования характеризовали в праславянском и древнерусском языках морфонологически маркированные парадигмы существительных мужского и женского рода, содержавшие морфонологически маркированные позиции: в парадигмах древнего *ǫ-склонения позиции L.sg., V.sg. и N.pl., L.pl., а в парадигмах *ā-склонения — позиции D., L.sg. Примером таких чередований являются чередования твердых и мягких фонем в позициях перед флексиями L. sg. -e ($\langle *ē \rangle$) или N.pl. -i ($\langle *-i \langle *-ai \rangle$), а также чередования заднеязычных с переднеязычными и зубными и т.п. в этих же позициях: др.-русск. чьловѣкъ // чьловѣци // въ чьловѣцѣхъ; русск. стол // на стол/ѣ, зам/ок/Ѡ // зам/к/и и т.п.

2. Количественные чередования гласного с нулем звука представлены двумя типами:

а) при помощи схемы $\langle C_1 \# C_2 \rangle // \langle C_1 V C_2 \rangle$ обозначаются чередования, при которых между двумя конечными консонантными фоне-

мами в исходе основы появляется гласная фонема (старый редуцированный *ъ* в сильной позиции) при нулевой флексии (пример: позиция G.pl. в парадигмах на *ā): русск. *ви́шн/н/я* // *ви́шен/∅*, *калѐт/к/а* // *калѐт/ок/∅*.

б) схема $\langle C_1VC_2 \rangle$ // $\langle C_1\#C_2 \rangle$ обозначает такие чередования, при которых гласная фонема заменяется нулем звука во всех позициях за исключением N.sg., представляющей исходный вариант основы. Такие чередования встречаются в живых и определяемых этимологически суффиксах существительных мужского рода, образовавшихся на базе суффикса **-ьк* / **-ък* на месте старого редуцированного *ъ* в слабой позиции): *волч/о́к/∅* // *волч/∅к/á*, *звон/о́ч/ек/∅* // *звон/о́ч/∅к/и*.

3. Количественные альтернации с наращением (расширением) основы представлены двумя типами чередований:

а) при помощи схемы $\langle C_1 \rangle$ // $\langle C_1(VC_2) \rangle$ обозначаются такие изменения в составе исходной основы субстантива, в результате которых основа, представленная в позиции N. sg., расширяется по всей парадигме (т.е. в формах единственного, множественного и — при наличии — двойственного числа) за счет суффиксального элемента. Таковы парадигмы склонения на согласный: *ма́ть/∅* // *ма́т/ер/и*, *ди́т/я* // *ди́т/ят/и*, *вре́м/я* // *врем/ен/á* и т.п.

б) схемами $\langle C_1 \rangle$ // $\langle C_2j \rangle$ и $\langle C_1 \rangle$ // $\langle C_1j \rangle$ пользуются для обозначения чередований с расширением основы при помощи форманта [j] в парадигме мужского и среднего склонения при образовании форм N. pl. от исходной основы N. sg.: *пер/о́* // *пе́рь/я*, *клок/∅* // *кло́чь/я*, *друг/∅* // *дру́зь/я*, *зять/∅* // *зять/я*, а также в позиции I. sg. женского нулевого склонения: рус. *но́чь /∅* — *но́чь/ю*, *мышь/∅* — *мышь/ю* ($\langle C_1 \rangle$ // $\langle C_1j \rangle$). В виде $\langle C_1 \rangle$ // $\langle C_2j \rangle$ эта схема может также использоваться в переходных русско-белорусских и русско-украинских говорах: *ноч/∅* — *но́чч/у*, *со́ль/∅* // *со́лл/ю*, указывая на изменение конечного согласного исходной основы.

Способы устранения морфонологических чередований в русских диалектах

В основе структурно-диахронической модели развития субстантивного склонения, которую мы используем для описания славянских языков и диалектов, лежит предположение о том, что для типологического исследования морфологически (и морфонологиче-

ски) значимым следует признать не только наличие чередования в словоизменительных парадигмах существительных, но и его отсутствие. Данный тезис представляется логичным для структурного описания. Известно, что бинарный способ описания грамматических признаков требует наличия описываемого признака и отсутствия его в определенных условиях. Нас не удовлетворяет противопоставление в рамках словоизменительной парадигмы маркированных и немаркированных словоформ, как это делается, например, в монографии «Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение», где противопоставляются маркированные и немаркированные падежные формы (позиции) в рамках парадигмы каждого из склонений, например, в качестве маркированной отмечается форма *L. sing. русск. в рук/é*, а в качестве немаркированных – другие падежные формы, где чередования нет: русск. *рук/á, рѹк/у, рук/оѡ* и др. Противопоставление, описанное выше, не может быть названо бинарным, ибо падежные формы противопоставлены друг другу еще и по своему значению. В соответствии с нашей моделью, оппозицию маркированности / немаркированности отдельных словоформ по признаку наличия или отсутствия чередования можно представить, только противопоставив варианты одной и той же падежной формы на основании указанного признака в синхронном и диахроническом плане. Мы считаем целесообразным определять словоизменительную парадигму имени существительного с точки зрения функционирования морфонологически маркированных и немаркированных словоформ в одной и той же грамматической позиции и способа ликвидации чередования в том случае, если в данной позиции могут быть употреблены как маркированные, так и немаркированные морфонологически падежные варианты.

1. Фонетико-грамматический способ ликвидации чередований представлен двумя подтипами: собственно фонетическим (фонетико-фонологическим) и фонетико-грамматическим (морфологическим). Мы объединяем эти два подтипа в единый тип по той причине, что как в диалектах, так и в литературном языке всегда сосуществуют такие варианты словоформ, где оказывается предпочтение одному или другому способу выравнивания основы. Покажем ход наших рассуждений на примере вариантов формы *L. sing.*, представленных практически во всех диалектах: *кру[з]/Ø — в кру[з']/e / в кру[з]/у, сне[з]/Ø — на сне[з']/e / на сне[з]/у, бо[к]/Ø — на бо[к']/e / на бо[к]/у, сто[л]/Ø — на сто[л']/e / на сто[л]/у*, где — с учетом ис-

ходной основы снег- —[z] или чередуется с [z'] (вариант с флексией -e), или чередования не происходит (вариант с флексией -y). Такую оппозицию можно диахронически системно представить, принимая во внимание, с одной стороны, праформу в исконной парадигме: пслав. **sněž/ě* > дррусск. *sn'čz'č*; с другой стороны, — все формы L. sg. существительных мужского рода с твердой основой, в соответствии с ориентацией процесса унификации от основ, классифицируемых по фонетическому признаку к основам, классифицируемым по признаку рода существительного. В парадигме на *-ǫ, согласно которой изменялось большинство существительных мужского рода, позиция L. sg. была морфонологически маркированной, т.е., в соответствии с исконной формой, L. sg. этих существительных должен был выглядеть так: *в кру[з']/e*, *на сне[з']/e*, *на сто[л']/e* и т.п., с чередованием заднеязычного с мягким зубным перед флексией ь (ср. укр. *в крузі*, *на снізі*, *на столі*, где *i* < ь). Однако ни один из двух рассматриваемых вариантов этого чередования не представляет. Зато в формах *в круге*, *на снеге* и им подобных появляется чередование иного типа, системное чередование твердых и мягких фонем. В этом случае тип склонения существительного остается прежним, и лишь эквиполентное противопоставление фонем < z > / < z' > по признакам места образования (заднеязычный-переднеязычный), твердости-мягкости и (не регулярно!) способа образования (смычный-фрикативный) заменяется простым бинарным по твердости-мягкости: < z > - < z' >. Схематически этот процесс можно представить при помощи формулы

$$f(F) \langle C_1 \rangle // \langle C_2 \rangle \rightarrow \langle C \rangle // \langle C' \rangle,$$

что следует читать так: «чередование согласных в исходе основы имени существительного фонетически преобразуется в чередование по признаку твердости / мягкости».

В этом случае мы говорим о фонетическом (фонетико-фонологическом) способе устранения чередования в основе существительного.

Праформу для немаркированного варианта основы (без потенциального чередования) мы обнаруживаем в типе склонения существительных мужского рода на *-й. Поэтому появление падежного варианта типа *в кругу*, *на снегу* с флексией -у в основах, исконно относившихся к типу словоизменения на *-ǫ, мы связываем с заимствованием флексии из другого типа склонения, и такой способ устранения чередования в основе называем грамматическим, или морфо-

логическим: ср. *при народ/у, при колхоз/у, о волк/у, об скот/у, об лес/у, об хлеб/у* и др. в юго-западных и южнорусских диалектах [Бромлей, Булатова, 1972: 73], а также: *в окн/у, в этом числ/у, в колес/у, на седл/у, в тепл/у, в брюх/у* и т.п. [Хабургаев, 1990: 103].

Процесс ликвидации чередования может быть представлен в виде следующей функциональной схемы:

$$f(M^*_{\text{ũL.sg.}}) \langle C_1 \rangle // \langle C_2 \rangle \rightarrow \langle C_1 \rangle,$$

«чередование согласных в исходе основы имени существительного в форме L. sg. морфологически устраняется при помощи заимствования флексии из парадигмы склонения на *-й».

2. Грамматический (морфологический) способ устранения чередований.

(а) Кроме форм L. sg., грамматическим (морфологическим) способом устраняются также консонантные чередования в исходе основы в формах N. pl. за счет распространения флексии мн.ч. -а вместо старого -и. При этом устраняется также чередование твердых и мягких фонем: *луг/и // луг/á, бок/и // бок/á, снег/и // снег/á*, а также *брат/ишк/а, двор/ишк/а, глаз/к/а* и т.п. [Атлас ...центральных областей к северу от Москвы, карта № 183]. Это чередование может быть описано при помощи следующей формулы:

$$f(M^*_{\text{ũ neutr.N.pl.}}) \langle C_1 \rangle // \langle C_2 \rangle \rightarrow \langle C_1 \rangle,$$

«чередование согласных в исходе основы имени существительного в форме N. pl. морфологически устраняется при помощи заимствования флексии из парадигмы склонения существительных среднего рода на *-õ».

(б) Данный способ устранения чередования представлен также в формах G. pl. существительных женского склонения с флексией -а (старые парадигмы на *-ã), где устраняются чередования гласного с нулем звука за счет заимствования окончания -ов из старого типа склонения на*-й. В случае использования этого окончания конечный согласный основы оказывается в сильной позиции (перед непременным гласным), что исключает возможность не только “нулевого” чередования, но и чередования звонких и глухих согласных. Видимо, этим можно объяснить экспансию данной флексии во всех русских говорах без исключения, а также варианта -ох ([ъх], [ых]) в говорах Рязанской области, Верхнего и Среднего Поволжья и в некоторых севернорусских говорах. Формула

$$f(M^*_{\text{ũG.pl.}}) \langle C_1 \rangle // \langle C_2 \rangle \rightarrow \langle C_1 \rangle$$

читается следующим образом: «чередование согласных в исходе основы имени существительного в форме G. pl. морфологически устраняется при помощи заимствования флексии из парадигмы склонения на *-й».

(в) Грамматическим способом устраняется и чередование типа <C₁> // <C_{2j}> и <C₁> // <C_{1j}> в форме I. sg. в парадигме старого склонения на *-й. В этом случае заимствуется окончание соответствующего падежа из женского склонения на *-ā в виде [ój] ([ʲj], [bʲ]) или [uj]: *грязь/ю // грязь/ей // грязь/юй, дверь/ей, лошадь/ей*. Согласно Хабургаеву, такие окончания, в которых наблюдается унификация флексий “женских” склонений, выступают в пограничных и переходных русско-белорусских говорах (“широкой полосой”), а также на границе северно- и южновеликорусских говоров [Хабургаев, 1990: 88]. Процесс ликвидации представляет данная ниже схема, которую следует понимать таким образом: «чередование с йотовым расширением в исходе основы имени существительного в форме I. sg. морфологически устраняется при помощи заимствования флексии из парадигмы склонения на *-ā»:

(1) f (M_{*-āI.sg.}) <C₁> // <C_{2j}> → <C₁>

(2) f (M_{*-āI.sg.}) <C₁> // <C_{1j}> → <C₁>.

3. Грамматико-словообразовательный способ ликвидации чередований.

Этот способ устранения чередования в исходе основы заключается в замене исходной основы лексемы, ее суффиксальным дериватом. В связи с неоднозначной трактовкой в современной морфонологии расширений основы, которые одними исследователями относятся к суффиксам, а другими – к окончаниям, мы позволили себе обособить тот тип ликвидации чередований, при котором чередование в исходной основе устраняется с использованием такого аффикса.

Тип А. На пограничье морфологического и словообразовательного способа устранения чередований находятся формы N. pl. типа *диван/овья, кнут/овья, стул/овья, сук/овья*, наряду с факультативными вариантами: *сын/овя́, брат/овя́, зят/евя́, сват/овя́*, где суффиксальный формант -ов- заимствуется из склонения на *-й. В территориальном отношении основы мн. ч. на -ов- оказываются разбросанными по разным говорам [Бромлей, Булатова, 1972: 98]. Этот тип может быть символически представлен при помощи следующей формулы:

$f(G/D_{*i}) \langle C_1 \rangle // \langle C_2 \rangle \rightarrow \langle C_1 \rangle$,

т.е. «чередование устраняется способом грамматической деривации при помощи расширения исходной основы за счет форманта, заимствованного из парадигмы на *-й».

Тип Б. Во всех говорах встречается устранение чередования в основах старых существительных с основой на согласный.

1. Ликвидация чередования в основах на *-er может происходить за счет распространения суффиксального форманта на все формы, включая N. sg.: *мат/ерь/Ø*, *доч/ерь/Ø*, согласно схеме а), которую следует читать так: «чередование в субстантивной консонантной основе (основе на *-er) функционирует в диалекте таким образом, что старое расширение основы постоянно присутствует по всей парадигме»:

(а) $f(G/D_{*er-them}) \langle C_1 \rangle // \langle C_1(VC_2) \rangle \rightarrow \text{const.} \langle C_1(VC_2) \rangle$,

а также за счет приращения исходной основы при помощи суффикса -к: *дочь/Ø // доч/к/а*, *мать/Ø // мат/к/а*, *мат/ер/к/а*, *свекр/ы // свекр/овь/Ø*, *свекр/ов/к/а*, согласно схеме б):

(б) $f(G/D_{*er-them, *n-them, etc.}) \langle C_1 \rangle // \langle C_1(VC_2) \rangle \rightarrow \text{const.} \langle C_1(VC_2) \rangle$
+ -к-, которую мы отчитаем следующим образом: «чередование в субстантивных консонантных основах (основах на *-er, *i и пр.) функционирует в диалекте таким образом, что старое расширение основы, постоянно присутствуя по всей парадигме, требует одновременного присоединения суффикса -к-».

2. В группе существительных со старой основой на *ent, обозначающих невзрослые живые существа, чередования ликвидируются за счет появления и распространения новой суффиксальной модели. Существительные данного типа утрачивают формы единственного числа, выравнивают парадигму при помощи специального суффикса -ёнок (после шипящих орфографически -онок), состоящего из части старого *-en(t), где -t- исчезло в результате упрощения на основе ассимиляции, и *-ьк-. Составной характер суффикса демонстрируют дублетные формы существительных типа *бес/ёнок* — *бес/ят/а* / *бес/ен/ята*, *черт/ёнок* // *черт/ят/а* // *черт/ен/ята*, *щен/ок* // *щен/ёнок*, *реб/ят/ёнок* и т.п.

$f(G/D_{*ent-them}) \langle C_1 \rangle // \langle C_1(VC_2) \rangle \rightarrow \text{const. sg.} \langle C_1 + \text{-онок} \rangle$, т.е.

«чередование в субстантивных консонантных основах (основах на *ent) функционирует в диалекте таким образом, что старое расширение основы, постоянно присутствуя по всей парадигме, требует одновременного присоединения суффикса -онок-».

Флексии парадигмы множественного числа унифицированы на основе форм среднего рода (с поправкой на одушевленность в форме A. pl.): *ребята, ребят, ребятам, ребят, ребятами, о ребятах*.

$f(m/d_{-ent-them..}) <C_1> // <C_1(VC_2)> \rightarrow const. pl. <C_1(VC_2)>$.

Наше описание не предполагает окончательного решения всех проблем, связанных с появлением и исчезновением вариантных форм существительных в диалектах или в современном русском литературном языке. Мы полностью согласны с А. А. Потебней, который рассуждал следующим образом: «Если исследователь делает ошибочные выводы из посылок, которые оказались недостаточно полными не из-за его собственного упущения, то и сам он прав, и наука от этого может получить только выгоду. И наоборот, вредно откладывать работу до того времени, пока не будут собраны материалы только для того, чтобы, когда их наберется достаточно, строить работу без ошибок, сразу и начисто» (Потебня, 1962; 63).

ЛИТЕРАТУРА

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974. 378 с.

Бернштейн С. Б. Зигзаги памяти. Воспоминания. Дневниковые записи. М., 2002. 374 с.

Журавлев В. К. Очерки по славянской компаративистике. М., 2005. 192 с.

Касевич В. Б. Морфонология. Л., 1986. 160 с.

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях // Новое в лингвистике. М., 1960.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 2004.

Пацехіна А. А. Аб ліквідацыі чаргаванняў у беларускім субстантыўным скланенні // Слово в диахронии и синхронии: Сб. научных статей к 80-летию проф. М. Г. Булахова. Минск, 1999. С. 117 – 129.

Пацехіна А. А. Марфаналогія: новыя кірункі даследавання // Acta Baltico-Slavica. XXVI. 2001 / 2002. С. 101 – 120.

Потебня А. Общий литературный язык и местные наречия // Олександр Опанасович Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження. К., 1962.

Потехина Е. А. К оценке роли морфонологических факторов в процессе формирования славянского субстантивного склонения // Slupskie Prace Filologiczne. Seria Neofilologia. Nr 1. Slupsk, 2002. С. 95 – 104.

Потехина Е. А. О месте морфонологии в современном описании языка // Paradygmaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu. Slupsk, 2004. С. 147 – 156.

Потехина Е. А. Состояние количественных чередований с расширением основы в современных восточнославянских языках (в сопоставлении с польским) // Паланістыка – Полоністыка – Polonistyka 2006. Mińsk, 2006. С. 211 – 232.

Русская диалектология. М., 1964. 270 с.

Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение. М., 1987. 265 с.

Словарь современного русского народного говора (говор д. Деулино Рязанского района Рязанской области. М.: Наука, 1969.

Соссюр Ф. де Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 289 – 302.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990. 296 с.

Pociechina H. `Rola czynnika morfonologicznego w procesie przyswojenia zapożyczeń (na materiale polskich zapożyczeń w języku białoruskim) // Slavia Orientalis. R. LV. 2006/1. С. 119–128.

Трыпуцько J. Łacińska końcówka w polskim systemie fleksyjnym. przyczynek do zagadnienia interferencji językowej [in] Acta Universitatis Upsaliensis. Studia slavica upsaliensia. 14. Uppsala 1974. 122 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Монография и сборник исследований и материалов «Диалектное словообразование, морфемика и морфонология» являются творческим итогом проведения первого Международного научно-методического семинара, посвященного проблемам анализа морфемной, словообразовательной и морфонологической структуры слова в русских говорах. В рамках семинара состоялись более сорока докладов, обсуждение актуальных лексикографических и картографических проектов, обмен научной литературой по проблемам структурного анализа слова. Организаторы работы, Институт лингвистических исследований РАН и Вологодский государственный педагогический университет, пришли к выводу о целесообразности проведения таких семинаров.

Второй научно-методический семинар «Диалектное словообразование, морфемика и морфонология» (12 – 14 октября 2008 года) состоится в Вологодском государственном педагогическом университете (160000, Вологда, пр. Победы, 37) в рамках Всероссийской научно-методической конференции «Слово и текст в культурном сознании эпохи».

Во время работы семинара планируются следующие мероприятия:

- а) серия лекций ведущих специалистов по морфемике, словообразованию и морфонологии русских говоров;
- б) круглый стол по обсуждению проблематики семинара;
- в) выступления с докладами на заседании тематической секции конференции.

Одним из важных направлений семинара будет обсуждение прикладных вопросов диалектного словообразования, морфемики и морфонологии, в частности интерпретация структуры слова в лексикографической и картографической практике.

Участники семинара могут опубликовать свои доклады в сборнике материалов конференции (не более 0,5 усл. п. л.). Лекторов семинара приглашаем участвовать в создании научно-методического пособия «Словообразование, морфемика и морфонология русских народных говоров: проблемы и принципы анализа диалектного слова» (разделы до 2 усл. п. л.). Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации в сборнике материалов конференции и в научно-методическом пособии.

**ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ,
МОРФЕМИКА И МОРФОНОЛОГИЯ**

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Редакторы – *Т. И. Ковалева, Ю. С. Кудрявцева*

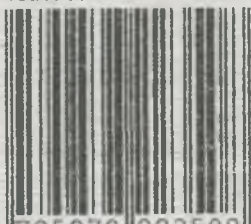
Подп. к печати 13. 08. 2008. Формат 60x84/16. Печать – ризограф. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 13,8. Усл. печ. л. 9,4. Тираж 100 экз.

160035, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6. ВГПУ
Отпечатано в литографии Северного лесостроительного предприятия,
г. Вологда, ул. Некрасова 51.

70 =

ISBN 978-5-87822-350-8

9 785878 223508